

ПЕРЕПИСКА С ИВ. КОНЕВСКИМ

(1898—1901)

Вступительная статья А. В. Лаврова

Публикация и комментарии А. В. Лаврова, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса

«Из личных встреч особенно много дала мне близость с К. Бальмонтом (...) и дружба с Ив. Коневским, которой, к сожалению, я не успел или не сумел воспользоваться в полной мере», — писал Брюсов в краткой автобиографической справке¹. С Бальмонтом Брюсов общался на протяжении почти всей своей творческой жизни, при этом пылкая поэтическая дружба сменялась полосой взаимной вражды и отчуждения, а чувства личной привязанности корректировались отношениями сугубо литературными. Знакомство же Брюсова с Коневским продолжалось всего два с половиной года, оно не повлекло за собой никаких внешне примечательных событий и имело очень скромные литературные проекции, поскольку приходилось на пору замкнутого, «лабораторного» самовыражения русского символизма, еще только набиравшего силы для того, чтобы стать суверенным художественным направлением. Однако для творческого становления Брюсова встреча с Коневским имела исключительное значение и была для него едва ли не самым важным и крупным событием в годы формирования его первого зрелого поэтического сборника — книги «*Tertia vigilia*». Можно с уверенностью утверждать, что 1899 и 1900 гг., когда было создано большинство стихотворений этой книги, прошли для Брюсова во многом «под знаком Коневского». «Памяти Ивана Коневского и Георга Бахмана, двух ушедших», — гласит посвящение к переизданию «*Tertia vigilia*» в трехтомном собрании стихотворений Брюсова «Пути и перекутья» (т. 1, 1908), повторенное и в его «Полном собрании сочинений и переводов» (т. 2, 1914).

Узнав о безвременной гибели двадцатитрехлетнего Коневского, последовавшей 8 июля 1901 г., потрясенный Брюсов писал А. А. Шестеркиной: «Умер Ив. Коневской-Ореус... Утонул, купаясь в р. Аа, в Лифляндии. Меня давно ничего так не поражало (...) Умер Ив. Коневской, на которого я надеялся больше, чем на всех других поэтов вместе. Пусть бы умер Бальмонт, Балтрушайтис, не говоря уже о Минском и Мережковском... но не он! не он! Пока он был жив, было можно писать, зная, что он прочтет, поймет и оценит. Теперь такого нет. Теперь в своем творчестве я вполне одинок. Будут восторги и будет брань, но нет критики, которой я верил бы, никого, кто понимал бы мои стихи до конца. Я без Ореуса уже половина меня самого (...) Он только начинал, намечал пути, закладывал фундамент (о! по грандиозному плану). И вот храма не будет — одни камни, одни чертежи, пустыня мертвая и небеса над ней»².

Чувство невосполнимости утраты друга и литературного сподвижника не было для Брюсова минутным, скоропреходящим переживанием. Гибель Коневского он ощущал остро на протяжении всей последующей жизни, образ покойного поэта неизменно оставался в центре его творческого сознания. Посетив десять лет спустя после смерти Коневского, летом 1911 г., Зегевольд (ныне Сигулда), где был похоронен поэт, Брюсов по праву писал в стихотворении «На могиле Ивана Коневского»:

Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж нами,
Двух клявшихся навек — жить радостью земли!³

(II, 64)

Нина Петровская, постоянно общавшаяся с Брюсовым во второй половине 1900-х годов и сопровождавшая его в паломничестве на могилу Коневского, свидетельствовала: «Именно в те годы он, может быть, остро, как никогда, чувствовал потерю Ивана Коневского, на которого возлагал самые большие надежды и как на поэта и как на человека. Когда Брю-

сов говорил о Коневском, у него менялось лицо и он делался тем Брюсовым, которого так хорошо знала, может быть, одна я (...) Ив. Коневского он вспоминал не раз в горестные минуты жизни. Кроме него, у Брюсова настоящих друзей уже не было никогда»⁴.

Для Брюсова, обычно весьма сдержанного в оценках, с долей иронии и скептицизма характеризующего свои отношения с писателями, даже выдающимися, такое благоговейное преклонение перед Коневским — факт уникальный и во многом объясняемый, безусловно, ранней смертью поэта, которому, по твердому убеждению Брюсова, было уготовано большое литературное будущее. Но и при жизни Коневского Брюсов сумел по достоинству оценить его поэзию и все своеобразие и богатство его творческой индивидуальности. «Я был один из первых, кто приветствовал Ив. Коневского», — с полным основанием утверждал Брюсов в 1913 г., перечисляя «истинных поэтов», которых он первым «представил» читателям⁵.

История отношений Брюсова и Коневской непродолжительна и не богата событиями. В общей сумме их личные встречи на протяжении двух с половиной лет знакомства длились не более месяца: три раза Брюсов приезжал в Петербург и виделся с Коневским, три раза Коневской был в Москве. Но в промежутках между этими встречами общение продолжалось в переписке, которая по своей содержательности и интенсивности занимает одно из самых заметных мест в обширном эпистолярном наследии Брюсова.

Знакомство Брюсова с Иваном Коневским (псевд. Ивана Ивановича Ореуса, 1877—1901) состоялось в Петербурге 12 декабря 1898 г. на квартире у Федора Сологуба. Сын генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Ореуса, окончивший в 1896 г. 1-ю петербургскую гимназию и поступивший в том же году на историко-филологический факультет Петербургского университета, Коневской тогда еще только начинал знакомиться с кругом литераторов символистской ориентации. К этому времени им было опубликовано всего одно стихотворение, подписанное настоящей фамилией⁶, — псевдоним «Иван Коневской» возникает только при подготовке его первой и единственной прижизненной книги «Мечты и думы», вышедшей в свет в конце 1899 г.⁷ В 1896 г. Коневской познакомил со своими стихами Н. Минского, имевшего имя и влияние в литературе, но они не были напечатаны⁸, и поэзия Коневского оставалась известной в рукописях и устном исполнении только среди немногочисленных петербургских «декадентов» и близких друзей — сверстников начинающего автора и его товарищей по университету.

В доме у Сологуба «молоденький студент Ореус» сразу же обратил на себя внимание Брюсова. «Самым замечательным было чтение Ореуса, ибо он прекрасный поэт», — записал Брюсов в дневнике⁹. Через день, 14 декабря 1898 г., Брюсов посетил Коневского у него в доме. Подлинного сближения эта встреча не принесла, хотя в ходе разговора и обозначились общие интересы — поэзия французских символистов и творчество Александра Добролюбова. По возвращении Брюсова в Москву завязалась его переписка с Коневским, а в январе 1899 г. Бальмонт привез из Петербурга три тетради со стихами и критическими опытами

Ив. КОНЕВСКОЙ (И. И. ОРЕУС)

Фотография А. Семенова. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

Коневского. Брюсов, прочтя их, укрепился в своем восторженном отношении к творчеству начинающего поэта (см. п. 4) и стал пропагандировать его в кругу своих московских литературных знакомых. Бальмонт, солидарный с мнением Брюсова, тогда же задумал выпустить в свет коллективный сборник символистских стихов, — в том числе своих, Брюсова и Коневского: так возникла «Книга раздумий», альманах, выпедший в свет в ноябре 1899 г. и ставший памятником этого поэтического союза¹⁰.

Сам Коневской расценивал это заинтересованное внимание к своему творчеству со стороны новообретенных «товарищей по оружию» как событие естественное и закономерное. «У Коневского была глубокая, нерушимая уверенность в том, что его поэзия — хороша и значительна, — вспоминал Брюсов. — Он чувствовал, он сознавал себя большим поэтом, этого сознания ничто не могло поколебать (...) Когда в 1899 г. К. Бальмонт предложил издать "Книгу раздумий" — альманах, в котором рядом со своими стихами хотел поместить стихи Коневского, тот принял это как справедливую дань со стороны старшего собрата достоинству своих стихов. Ни на минуту Коневской не мог даже помыслить, что К. Бальмонт оказывает ему благородную услугу, связывая свое уже "признанное" и "чтимое" имя с именем никому не известного дебютанта»¹¹. Будучи на четыре года моложе Брюсова и на десять Бальмонта, он держался с ними на равных, подвергал поэзию Брюсова — в письмах и, видимо, также и при личном общении — строгому разбору и нелицеприятной критике, не взирая на то, что его корреспондент был к тому времени уже завоевавшим определенную литературную известность составителем сборников «Русские символисты» и автором двух собственных стихотворных книг. Это равенство в отношениях, установившееся с первых же встреч, Брюсовым было принято и признано: он отдавал должное своеобразию таланта, глубине мысли и редкой широте познаний молодого поэта, проявлявшего удивительные для его возраста зрелость и самостоятельность суждений. В заглавии статьи Брюсова о Коневском — «Мудрое дитя» — отразилось это восхищение незаурядным духовным обликом покойного друга и литературного спутника. Однако в личном общении многие «неудобные» психологические особенности Коневского — в частности, замкнутость и застенчивость, порожденные обстоятельствами одинокого духовного созревания, в сочетании с твердой убежденностью в верности своих восприятий и оценок, зачастую переходившей в самонадеянность, — препятствовали взаимопониманию и сближению. Так, два последующих эпизода общения были для Брюсова окрашены в основном впечатлениями от самоуверенного и горделивого стиля поведения Коневского. Посетив его в Петербурге в марте 1899 г., Брюсов записал: «Говорить с ним, вдруг он прерывает: — а вот я вам прочту одно глубокое стихотворение. И даже не добавляет, что свое. Это так понятно. И читает, читает, читает»¹². Когда два месяца спустя, в мае, Коневской навещил Брюсова в Москве, последний опять же отметил, что тот «похвалялся много», но и читал «стихи хорошие»¹³.

Стихи и критические опыты Коневского, по всей вероятности, были тогда интереснее и ближе Брюсову, чем их автор, во всей совокупности особенностей своего психологического облика. Для Коневского же, чья поэтическая юность протекала в атмосфере «келейности», одиноких раздумий, был определенно более всего драгоценен самый факт доверительного общения с Брюсовым. Прошедший ту же «школу» французского символизма, что и Брюсов, убежденный в плодотворности путей, избранных новейшим поэтическим движением, он завоевал дружбу и поддержку одного из самых последовательных сторонников символизма в России и уже вполне профессионального литератора. Высокая оценка, которую неизменно давал Брюсов творческим опытам Коневского, также имела для молодого автора немаловажное значение. Брюсов был ценен Коневскому и как отзывчивый, интересный собеседник, чутко реагирующий на все новое и примечательное в литературной жизни, как один из немногих в России знатоков и почитателей новейшей французской поэзии.

Тяга к общению с Брюсовым была главной причиной двух приездов Коневского в Москву, довольно продолжительных: он провел в Москве часть сентября 1899 г., а также первые дни января 1900 г. Эти встречи стали апогеем их дружеского сближения. Сообщая А. А. Курсинскому 23 сентября 1899 г. о событиях последнего времени, Брюсов писал: «Затем приехал в Москву Ореус, приехал на две недели, нарочно ко мне. Пришлось показывать ему Москву, проводить с ним целые дни, вводить его в наше общество, к Бахману, А. Лангу, Викторову. То был поток, водопад, море — не знаю, есть ли еще какое восточное сравнение, — поток стихов и споров о стихах». И далее он добавляет о Коневском: «Это один из первых поэтов наших дней»¹⁴. В этом убеждении Брюсов окончательно укрепляется, когда в конце 1899 г.

МЕЧТЫ И ДУМЫ

Иванъ Коневского.

МЕЛКОМЪ: I—V.

УМОЗРѢНІЯ СТРАНСТВІЙ.

ЖИВОПИСЬ БЕКЛИНА

(Литическая характеристика).

МЕЛКОМЪ: VI.

1896—1899.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Телерофия Сиб. мис. общ. для Россіи, Е. Евразійскаго, Троицкая, 18.
1900.Ex libris.

Милому

Валерию Я. Брюсову.

въ знакъ признательности
за любовь къ моему творчеству
и
средства мировоззрѣній

И. Ореус

Ноябрь 1899г.

ИВАН КОНЕВСКОЙ. МЕЧТЫ И ДУМЫ. СПб., 1900

Титульный лист с пометами Брюсова и импунтитул с дарственной надписью: «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и средства мировоззрений И. Ореус. Ноябрь 1899 г. Пет.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

выходит в свет книга Коневского «Мечты и думы»: «Поэзию Ореуса считаю одной из замечательнейших на рубеже двух столетий»¹⁵. Брюсов настойчиво проповедует творчество Коневского в среде московских литераторов. «По-прежнему я его считаю очень замечательным поэтом и сержусь на Вас, что Вы его не поняли», — писал Брюсов о Коневском в октябре 1899 г. М. В. Самыгину¹⁶. При этом он не закрывал глаза на «неприятнейшую черту» в личности Коневского: «излишняя докторальность, учительность речи — но это от юности. Он уверенно говорит и решительно даже о том, что, видимо, знает поверхностно»¹⁷. В эти же месяцы совместными усилиями Брюсова и Коневского было подготовлено и выпущено в свет «Собрание стихов» Александра Добролюбова с двумя предисловиями — «К исследованию личности Александра Добролюбова» Коневского и «О русском стихосложении» Брюсова; вынашивались и обсуждались планы более полного и капитального издания произведений пенимого ими обоими поэта. Ушедший из литературы и из «образованного» мира Добролюбов явился во взаимоотношения Брюсова и Коневского дополнительной связующей нитью¹⁸.

С осени 1900 г. переписка Брюсова и Коневского, до того времени чрезвычайно активная, начинает повенному затухать, становится менее пространной и многотемной и более «деловой». Подробные эпистолярные размышления и оценки Коневского все реже находят у Брюсова непосредственный отклик, живой творческий диалог увядает. Отчасти это было вызвано более тесным и действенным сближением Брюсова с кругом московских символистов, организацией издательства «Скорпион», которому он отдавал много сил, собираньем материалов для альманаха «Северные цветы» и его печатанием — основная часть этих забот легла на плечи Брюсова. Но отчасти это объяснялось также известной сдержанностью Брюсова по отношению к Коневскому, пришедшей на смену прежней увлеченности; при неизменном прежнем высоком мнении о его поэтическом творчестве. Их последняя личная встреча

состоялась в Петербурге 4 ноября 1900 г.: Брюсов лишь отметил, что Коневской «находится в дурном периоде жизни и не интересен»¹⁹. В июне 1901 г. Коневской собирался приехать в Москву и повидаться с Брюсовым, но не осуществил своего намерения²⁰. Определенное отдаление от Коневского в последние месяцы его жизни явилось, быть может, одним из оснований для признания Брюсова, что дружбой с погибшим поэтом он «не сумел воспользоваться в полной мере»²¹.

В позднейшем автобиографическом очерке Брюсов разъясняет, чем именно обогатила его дружба с молодым петербургским поэтом: «Коневскому я обязан тем, что научился ценить глубину замысла в поэтическом произведении, — его философский или истинно символический смысл. Страстный поклонник Верхарена, Вьеле-Грифина, Анри де Ренье (в его поэмах), Суинберна, юноша, до изумительности начитанный во всемирной литературе (он свободно читал на пяти языках), Коневской своим примером, своими беседами заставил меня относиться к искусству серьезнее, благоговейнее, нежели то было "в обычае" в тех кругах, где я вращался прежде, не исключая и кружка Бальмонта. Бальмонт любил поэзию, как любят женщину, страстно, безрассудно. Коневской поэзию чтит сознательно и поклонялся ей, как святыне»²².

И переписка Брюсова с Коневским, и сопоставительное рассмотрение их поэтического творчества приводят к выводу, что Брюсов в этой автохарактеристике лапидарно и веско раскрыл самые важные причины влияния Коневского на свое духовное и эстетическое формирование. Как это ни может показаться парадоксальным, но в рассматриваемом творческом диалоге именно Брюсов, а не юный Коневской, мало искушенный в жизни и почти полностью отчужденный от «внешнего» литературного мира, был в первую очередь объектом воздействия, скорее «ведомым», чем «ведущим». Объясняется это не одними только «докторальными» установками Коневского, но и в значительной мере тем, что он уже в годы ранней юности сумел выработать свое, достаточно цельное и независимое мироощущение, которое обосновывал и отстаивал с незаурядным волевым упорством. Эти особенности личности поэта в полной мере отразились в его творчестве. «Сильный, замкнутый в себе характер, порывы которого Коневской старался подчинить своим теоретическим убеждениям, — придавал такое же единство его "мечтам", — отмечает Брюсов. — Эта выдержанность взглядов, подходов к вопросам, и дает главное своеобразие поэзии Коневского. В ней не повторяются готовые "клише" из стихов других поэтов, так как Коневской на все имел *свой* ответ, каждое явление, каждое чувство мог определить со *своей* точки зрения»²³. Поэтическое творчество Коневского отличается не только резко отмеченными индивидуальными чертами, но и исключительной цельностью и «моноцентричностью». Поэзия была для него одним из способов мыслительной деятельности: Брюсов подчеркивал, что Коневской — «сознательный поэт-мыслитель»²⁴. Молодой поэт-символист и критик (впоследствии известный историк западноевропейских литератур) А. А. Смирнов также указывал в статье о Коневском, что «острая сознательность, разумность — основной тон» его лирики²⁵.

Самое раннее из опубликованных стихотворений Коневского, написанное им в семнадцать лет, уже объединяет в себе, как в фокусе, основные темы и стилевые приметы его поэзии:

Я с жаждой ширины, с полнообразья жаждой
Умом обнять весь мир желал бы в миг один:
Представить себе вдруг род, вид, оттенок каждый
Всех чувств людских, и дел, и мысленных глубин.

Всегда иметь тебя перед духовным взором,
Картина дивная народов и веков!
Вот что бы я считал широким кругозором
Ума, вознесшегося вплоть до облаков...²⁶

Философическая настроенность, устремленность к постижению мира во всей его грандиозной полноте, чувство слиянности индивидуального воспринимающего сознания с мировой жизнью и историей человечества, — все мотивы, затронутые в этом восьмистишии, на разные лады получают развитие в последующем творчестве Коневского. Образ мироздания предстает в нем как воплощение души автора. В этом отношении горизонты поэзии Коневского одновременно и крайне узки, и предельно широки. В статье «Мудрое дитя» Брюсов писал о Коневском: «Его поэзия — дневник; он не умел писать ни о ком, кроме как о себе —

да, в сущности говоря, и ни для кого, как только для самого себя. Коневскому было важно не столько то, чтобы его поняли, сколько, — чтобы понять самого себя» (VI, 243). Но этот путь самопознания не предполагал субъективистского ухода от мира, отторжения внутреннего «я» от окружающей реальности — напротив, вся духовная энергия Коневского была обращена к осознанию родства с действительностью, к постижению земной красоты и жизненной силы. «Коневской хорошо знал чувство восторга перед всеми проявлениями мировой жизни», — отмечал Брюсов (VI, 244). «Всюду вещему я внемлю», — декларировал сам Коневской²⁷. Природное и человеческое, всемирное, всеобщее и индивидуальное, конкретное предстают в поэтической системе Коневского в нерасторжимом единстве: «И в луче я все солнце постигну, // А в просветах берез — неба зрак»²⁸.

Н. О. Лернер в очерке о Коневском акцентировал, характеризую творческие устремления поэта, именно этот момент оптимистического принятия мира: «Не было существования более полного и страстного. В Коневском была не только жажда жизни, но какая-то ненасытная жадность к жизни, из которой он умел брать многое такое, что только мудрецу дано замечать»²⁹. Видя в стихах Коневского проявление «широкого мирообъемлющего чувства», всюду постигающего «скрытое трепетание жизни», Лернер даже приходил к выводу, что «после светлого, гармонического вечного юноши Пушкина Коневской — самое радостное, самое бодрое явление в нашей литературе»³⁰. Эта особенность творческого сознания Коневского, устремленного к радостному слиянию со стихийной мировой жизнью, безусловно, была для Брюсова одной из самых примечательных и близких черт в его поэзии. Знакомство Брюсова со стихами Коневского в пору, когда уже был позади этап, вызвавший к жизни книгу «*Me eum esse*» (1897), с ее программно «декадентской» замкнутостью и чувством разужерения в действительности, стало дополнительным стимулом для обретения новой, активной связи с миром и расширения тематических и образно-идейных горизонтов в творчестве. Эта тенденция обозначила следующий этап в поэтической эволюции Брюсова, отчетливо выразившийся в «*Tertia vigilia*».

Глубина замысла, философское, «сознательное» начало, которое, по признанию Брюсова, научил его ценить Коневской, широта, отчетливость и концентрированность поэтической мысли со всей определенностью впервые сказываются именно в этой книге. Постоянная забота Коневского о смысловой точности, выразительности и объективной содержательности поэтического слова становилась для Брюсова одним из ориентиров на пути к чеканному, конструктивно ясному, «монументальному» стиху, образцы которого впервые были даны опять же в «*Tertia vigilia*». Энергия и образность мысли, проявлявшиеся в сжатых, афористических формулах, которыми изобилует зрелая поэзия Брюсова³¹, также обнаруживают соответствия у Коневского. Брюсов не раз в письмах к Коневскому цитирует его отдельные стихи как пример силы и яркости поэтического образа, впоследствии дает заглавие одному из разделов в книге «*Stephanos*» — «Правда вечная кумиров» и предпосылает ему эпитаф — строку из стихотворения Коневского «К пластику»: «Познал ты правду вечную кумиров»³². Мотивами произведений Коневского навеяно позднейшее стихотворение Брюсова «Земле» (1912) из книги «Семь цветов радуги», воспевающее единение «сына земли» со всеми ее «ликами» и порождениями: «Я брат зверью, и ящерам, и рыбам. // Мне внятн рост весной встающих трав» (II, 98—99); на эту зависимость указывает и эпитаф из стихотворения Коневского «Море житейское»: «Я — ваш, я ваш родич, священные гады!»³³. Утверждающийся в поэзии Брюсова 1900-х годов «высокий» стиль с риторико-одическими интонациями, который начинал формироваться в стихах «*Tertia vigilia*», обнаруживает немало общих черт с «торжественным, изукрашенным слогом»³⁴ Коневского.

В то же время при многих родственных чертах даже в тематически близких стихотворениях обоих авторов сказываются принципиальные различия их поэтических миров. Достаточно сопоставить характернейшее для творчества Коневского произведение — поэму «Дебри» с близким ей по образному строю стихотворением Брюсова «Папоротник» (июль 1900 г.), вошедшим в «*Tertia vigilia*» («одно из, конечно, наиболее милых мне явлений в Вашей поэзии», — писал о нем Коневской Брюсову — п. 49). Оба произведения, живописующие лесной пейзаж, заключают в себе развернутую метафору прикосновения к «древним тайнам» природы. Однако у Брюсова изображаемый «предвечерний» мир грез противоппоставлен его «дневному» воспринимающему сознанию, намекает на те «глубины духа», где таится «ужас многоликий». Стихотворение «Папоротник» — характерный образец «тайновидческих» устремлений и прозрений Брюсова, писавшего несколько позднее: «Все мы по-

рываемся за пределы, все мы жаждем вздохнуть чуждой стихией (...) Мы жадно исследуем все таинственное и странное, что нашли в своих душах, спускаемся во все ее глубины, чтобы хоть там "коснуться мирам иным"³⁵. Образы, предстающие в стихотворении Брюсова прозрачными, «таинственными и странными», символизирующие «чуждую стихию» и угрожающие цельности его поэтического видения, Коневскому раскрываются как подлинное и все благое воплощение мироздания, выстраиваются в его поэме в торжественной иерархии; в ночную ворожбу погружен мир, безусловный для авторского «я» и неразрывный с его всеобъемлющим самопознающим духом:

Ведь в куще каждой есть тайник.	Родник и плещет, и поет
А за кустом залег овраг.	В долине дикой и крутой.
И там поет, живет родник.	И травы влага обдает,
А я в кустах над ним поник	И уж дышу я влагой той
И мне он шепчет: глубже ляг!	— п т. д. ³⁶

Еще отчетливее различия поэтических миров Брюсова и Коневского проступают при сопоставлении их, условно говоря, пейзажной лирики. Условность определения в том, что пейзаж у Коневского чаще всего является проекцией отвлеченного натурфилософского созерцания, он возникает в его стихе, когда «дух замирает, кристаллизуется в пространственные образы»³⁷. Ход поэтической мысли Брюсова в подобном случае противоположный: от конкретных наблюдений и впечатлений — к раздумьям, обобщениям. Характерно, что Коневской весьма холодно отнесся к пейзажному циклу Брюсова «Картинки Крыма и моря» в «Tertia vigilia» (п. 49). В восприятии внешнего мира Коневской ближе к тютчевской бытийственности³⁸, личность в его поэтическом сознании через природу стремится к слиянию со всемирным началом. Брюсов же в мире природных явлений ищет не столько истину, сколько красоту, его «пейзажная» лирика более эмоциональна, чем медитативна, и в этом отношении она состоит скорее в родстве с поэзией Фета, с ее пафосом конкретности и торжествующей изменчивости. Брюсову картины природы раскрываются в их самоценном, Коневскому — в их сущностном значении. Коневской всюду находит подтверждение своему чувству всеединства, своей «отвлеченной романтике, окрашенной мистическим всебожием» (по словам С. К. Маковского)³⁹; Брюсов всегда утверждает суверенитет своего индивидуального сознания, подчеркивает его отчужденность от жизни мировых стихий:

Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

(«Лежу на камне, солнцем разогретом...»,
1898 — TV; I, 165)

В брюсовских стихах:

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо Божьих дел —

(1898 — TV; I, 171)

— у Коневского могла вызвать сочувственный отклик только первая строка (так же, как и Брюсов в пору создания «Tertia vigilia», он отвергал субъективно-импрессионистическую зыбкость и неотчетливость образной ткани); другие же признания ему решительно чужды. Пугающее Брюсова ощущение «безмерности» коренится в самой сути поэтического самосознания Коневского:

...взор мой — брат и солнца и тумана:
Он роскошью всемирной обаян⁴⁰.

При всем тяготении к «безмерности» и широте мировосприятия тематические границы поэзии Коневского были несравненно уже, чем у Брюсова в годы работы над «Tertia vigilia». Многие важнейшие для поэзии Брюсова мотивы (мотивы судьбы, страсти, «демонические» настроения) остаются вне его творчества. Чужды Коневскому и сознательная дробность, мозаичность, характеризующие поэзию Брюсова, передача богатства и широты действительности через смену различных «ликов» и «масок». Показательно, что отдел «Любимцы веков», открывающий «Tertia vigilia» и объединяющий стихи, в высшей степени характерные для художественной системы зрелого Брюсова (аналогичные циклы стихов на исторические и

мифологические темы повторяются и в «Urbi et orbi», и в «Stephanos»), Коневской отверг (см. п. 49, прим. 16). Это, однако, не было принципиальным неприятием сюжетности и экзотической «живописности» в поэзии, — Коневской приветствует те творческие опыты Брюсова, в которых к трактовке избранного сюжета подключаются столь близкие ему пантеистические и «легендарные» мотивы, в которых возвеличивается дерзание, влекущее к воссоединению с мировым целым. Поэтому его так воодушевила поэма Брюсова «Царю Северного полюса». Брюсов посвятил ее Коневскому в первом издании «Tertia vigilia» — и, конечно, не только потому, что Коневской, имевший в своей родословной шведские корни, ощущал кровную связь с варягами и викингками и также воспевал «предков дерзостные тени» («Варяги», 1900) ⁴¹. Описанное в поэме плавание к полюсу, символизировавшее собою творческое деяние человеческого духа, приобщение к «тайне заповеданной» вселенской жизни, отвечало самым глубинным основам пантеистического мироощущения Коневского.

В писательской судьбе Коневского немало особенностей, роднящих ее с судьбой Д. В. Веневитинова, — вплоть до того, что можно проследить известное типологическое сходство ролей, сыгранных каждым из них в литературном процессе своего времени. Это сходство видно и в особенностях личности и биографии обоих поэтов (ранняя духовная и творческая зрелость, преждевременная смерть, несвершившиеся надежды на будущий поэтический расцвет), и в определенных идейных тяготениях (опора на традиции немецкой натурфилософской мысли), и, что особенно существенно, в преобладании созерцательно-рефлексивного начала в лирике. Коневской в значительной мере унаследовал поэтические принципы, отстаивавшиеся Веневитиновым и другими литераторами-любомудрами, воскресил их в новой историко-литературной ситуации ⁴². В лирике Коневского господствуют неопределенно-медитативные формы, характерные для Веневитинова, торжествует веневитиновский пафос отвлеченной мысли, подчиняющей себе всю систему художественных образов. «Поэтические мотивы у Хомякова — как и у Веневитинова, как у всех любомудров — это составные части цельного мировоззрения, — пишет современный исследователь. — Именно поэтому они поддаются комментарию тезисами его философии, с помощью такого комментария осмысливаются как часть общей и единой концепции мира» ⁴³. Эти наблюдения в высшей степени справедливы и по отношению к поэзии Коневского. В его творчестве нет места ничему случайному, нет второстепенных, побочных линий, автономных по отношению к главной идее, — все подчинено могучей центростремительной силе рефлектирующего сознания.

«Моноцентризм» поэтического мироощущения Коневского с особенной отчетливостью сказывается в его критических этюдах. Касаясь творчества волнующих его художников, Коневской, отличавшийся чрезвычайной широтой интересов и пристрастий, неизбежно опосредованным образом характеризует в первую очередь собственные идейно-эстетические стремления и собственные пути миропознания. Когда в живописи Арнольда Бёклина Коневской прозревает «раздолье Божьего мира», переживает «ощущение вековой шири, бесконечности в историческом бытии», воспринимает «жизнь, плавно и пышно льющуюся, как широкая река меж богатых нив» ⁴⁴ и т. д., то он тем самым исповедуется в собственных творческих пристрастиях и тяготениях к мировому всеединству. Когда Коневской пишет о том, что французский поэт Жюль Лафорг «изнемог (...) от неизбывной печали о скудости и чуждости нашей единоличной восприимчивости и о безобразной раздробленности мира на соринки явлений» ⁴⁵, то он признается и в собственной отторженности от благого всеединства. Бёклин и Лафорг предстают как две ипостаси внутреннего мира самого Коневского, как его pro и contra: хаос Лафорга, родственный и сознанию Коневского, — неизбывная метафизическая угроза космосу Бёклина, другому полюсу его сознания.

Столь же избирательны и столь же лично окрашены предпринятые Коневским разборы творчества русских поэтов. Самое главное для Коневского — «мировоззрение поэзии», философско-созерцательная устремленность автора. Поэтому в центре его пристрастий — поэзия Баратынского, Тютчева, Вл. Солжыева, Кольцова, в наследии которого ему наиболее близки философские «думы», обычно остающиеся на периферии читательского внимания, А. К. Толстого, который столь же избирательно воспринимается исключительно как поэт метафизического склада. Характеристики, которые дает Коневской любимым авторам, при всей их зоркости и силе обобщения, часто внеисторичны и отвлеченно-абстрактны, в них неизбежно в первую очередь спроецирована личность самого Коневского и нередко оказываются совершенно обойденными вниманием важнейшие пласты их творчества. Утверждая, например, что Кольцов — «певец волевой мысли и мыслительной воли»

мечтающий «померяться своими частными силами с сокрушительными могуществами мировых сил»⁴⁶, что в поэзии Н. Ф. Щербини передана страсть «объединения, объятия со всей полнотой и богатством бытия, ради его всецелого познания и создания»⁴⁷, Коневской менее всего задается целью очертить индивидуальную неповторимость анализируемых поэтов; в их творческих свершениях ему видятся лишь различные грани, различные художественные способы постижения мирового универсума. В творчестве Коневского трудно проследить какую-либо эволюцию. Возможно, тому причиной непродолжительность жизни поэта, однако характерно, что уже в самых ранних стихотворениях его творческий облик предстает вполне сформировавшимся, в последующих произведениях намечается лишь движение вглубь, к самому себе, все более детальная разработка ранее заданных аспектов мировосприятия. Многие стихотворения Коневского имеют посвящения — И. Я. Билибину, П. П. Конради, отцу, Ф. А. Лютеру и т. д. Эти посвящения условны, они — лишь дань личной симпатии автора близким ему людям: стихотворение, посвященное Брюсову («Призыв», 1899)⁴⁸, не имеет к Брюсову прямого касательства, не вступает ни в какие игровые соотношения с его художественным миром. В стихах Коневской может только выражать самого себя, он совершенно не способен к тому творческому «протеизму», который был в высшей степени свойствен Брюсову.

Естественно, что при такой общей установкеприятие Коневским произведений Брюсова должно было быть весьма избирательным. Таким оно, в принципе, и было, но при этом необходимо учитывать, что Коневской склонялся к отвлеченно-расширительной и умозрительной трактовке многих аспектов брюсовского творчества, в своем непосредственном содержании ему едва ли близких (таково, например, благосклонное отношение к эротической теме в поэзии Брюсова, чуждой целомудренному Коневскому и в творчестве, и в обычном жизненном смысле). Стихами Брюсова Коневской был живо увлечен⁴⁹ и считал их, наряду со стихами Ф. Сологуба, самым примечательным явлением в современной русской лирике. В «новых, сочных и пластичных образцах поэзии В. Я. Брюсова ("Tertia vigilia")» он находил «силу и жажду жизни человеческой и сверхчеловеческой»⁵⁰. Сходны по пафосу с брюсовским «плюрализмом», в котором сам поэт находил источник жизненной силы и духовного богатства, признания Коневского:

Есть утешение большое —
Явленьем всяким пламенеть,
Все равнодушное, чужое
В себя принять, в себе воспеть⁵¹.

Устремленность к «биениям жизни», к воспеванию безудержности мировых сил («Только в размахе — величье!»⁵²), порождавшая, наряду с непосредственной лирической исповедью, в поэзии Коневского также «эпические думы», находила свой отзвук в стихах Брюсова, исполненных активного, действенного пафоса. Общая оптимистическая установка у обоих поэтов, интерес к эпическому началу, к «героическим» сюжетам включали в себя момент неприятия господствовавших в поэзии 1880—1890-х годов меланхолических мотивов, настроений уныния и скорби, лирической риторики (Брюсов на этом пути также преодолевал «декадентский» эгоцентризм и отчуждение от мира, сказавшиеся в «Me eum esse»). Показательным образцом становится для Коневского поэзия Эмиля Верхарна, который в 1890-е годы уже впечатляюще полно выразил свое многогранное дарование, с характерными для него эпическими и социальными мотивами, а также творчество Ф. Вьеле-Гриффена, разрабатывавшего легендарно-исторические и фольклорные сюжеты.

Исканиями этих мастеров были ознаменованы для Коневского достижения подлинного символизма, которые он противопоставлял импрессионистическим и формальным опытам многих других современных авторов. В 1897 г. Коневской называет Верхарна крупнейшим из «новых людей» французской литературы⁵³. Необходимо отметить, что социальные аспекты действительности, преломившиеся, в частности, в творчестве Верхарна, не привлекали внимания Коневского в своем существе, в конкретно-историческом содержании; они открывались его созерцательному взору лишь как разновидность мировых «стихийных разломов и переворотов» и подкрепляли представление о человеке как о частице природной силы. Но даже и с учетом такой отвлеченной интерпретации поэтические явления, которые пропагандировал Коневской, могли быть по достоинству оценены Брюсовым. В значительной мере под влиянием общения и переписки с Коневским он стал с напряженным вниманием

читать Верхарна, тогда еще малоизвестного в России, и пришел к убеждению, что бельгийский поэт открыл новые горизонты в литературе⁵⁴. Чтение Верхарна наложило зримый отпечаток на «*Tertia vigilia*». Брюсов был знаком с его поэзией и ранее: в 1896 г. он уже знал и переводил его стихи, однако, по наблюдению Т. Г. Динесман, «сколько-нибудь значительного места в поэтическом мире Брюсова Верхарн тогда «еще не занимал»⁵⁵; стихотворения Брюсова середины 1890-х годов создавались под определяющим воздействием творчества Верлена и Малларме. На пути же преодоления господствовавшей в них субъективно-импрессионистической стихии роль своеобразного ориентира сыграла для Брюсова не в последнюю очередь поэзия Верхарна. Эта смена эстетических «властителей дум», сопровождавшаяся расширением образно-тематических границ и усилением медитативного начала в собственном творчестве, движением навстречу «большому миру», совершалась у Брюсова в значительной мере под влиянием общения с Коневским.

В универсально-философском подходе Коневского к поэзии Брюсов видел одновременно и силу, и ограниченность, пристрастность его оценок. Он ценил глубину иных суждений и характеристик Коневского, отдавал должное внимательности его наблюдений и тщательности разборов. Такой заинтересованности и такого понимания Брюсов не встречал тогда ни в печатной критике, ни в отзывах других собратьев по перу. Аналитические характеристики Коневского, безусловно, немало дали Брюсову для осмысления собственного творчества, вызывавшего тогда по преимуществу случайные эмоциональные оценки. Но вместе с тем для него были неприемлемы философский ригоризм и дидактичность Коневского, а также требования, продиктованные логическим пуризмом и стеснявшие свободу творческого самовыражения. Когда, вполне в духе нормативной критики «с точки зрения логики», настаивавшей, «чтобы между внешними объектами поэтического описания соблюдались закономерные соотношения»⁵⁶, Коневской разбирает одно из самых зрелых и выдержанных по художественной мысли стихотворений Брюсова «В дни заустений» (п. 24), тот, внешне соглашаясь с правомерностью критических умозаключений, все же ничего не меняет в собственном тексте. Характерно, что почти никогда Брюсов не вступает в спор с Коневским, ограничиваясь порой замечаниями вроде «Вы не правы о моих стихах» (п. 50), — видимо, хорошо понимая особенности «монологического» сознания своего корреспондента и бесплодность диалога в подобных случаях.

«Монологизм» и единство личности Коневского в полной мере сказывались в его творческих опытах. «(...) Мне святыня — цельный мой состав», — указывал сам поэт⁵⁷. Стихи, проза, критическая статья, дневник, письмо — все это были для него различные способы закрепления собственных наблюдений и размышлений, принципиальной жанровой и тематической границы между этими различными формами самовыражения для него не существовало. Это видно и по письмам Коневского к Брюсову, которые перерастают то в импровизированные критико-философские эссе, то в полемические этюды, то в путевые заметки. И. Г. Ямпольский, сопоставив фрагменты из частного письма Коневского к Вл. Гиппиусу, в котором поэт делился своими впечатлениями от природы Швейцарии, с аналогичным по теме прозаическим отрывком «В горних»⁵⁸, убедился в совпадении многих мотивов и деталей, единстве манеры описания и образного строя этих различных по своему назначению текстов⁵⁹. Брюсов подчеркивал: «Коневской везде, и в личной беседе и в письмах, оставался тем самым, каким был в своей поэзии, говорил и писал письма тем же самым "трудным", запутанным языком, каким слагал свои стихи»⁶⁰.

Архаизированный, синтаксически усложненный слог Коневского, избыливающий малоупотребительными словами и речевыми оборотами, представляет собой одну из самых ярких, неповторимых примет его творческой личности. В биографическом предисловии (отредактированном Брюсовым) к посмертному изданию отец поэта писал: «Понемногу выработался у Коневского свой собственный, своеобразный слог, во многом не удовлетворявший "академическим" требованиям (...) Этот непривычный нашему времени язык возбуждал против себя много нареканий, но Коневской упорно его держался и против всяких посторонних поправок горячо протестовал»⁶¹. В тяготении Коневского к подчеркнуто индивидуальному стилю прослеживается потребность придать «лица необщее выражение» своим созерцаниям и думам, отмежевание от общей стилиевой инерции, от банальности и усредненности языковых средств у большинства современных ему стихотворцев. «"Я люблю, чтобы стих был несколько корявым", — говорил сам Коневской, которого раздражала беглая гладкость многих современных стихов», — свидетельствует Брюсов в своем очерке о поэте⁶². При этом «необыч-

А. М. ДОВРОЛЮБОВ

Фотография Р. Соболева. С. Петербург, 1890-е годы
Ленинградский исторический архив

только сплошное фиглярство, неискреннее ломание, уродливость чудаческой мысли, во что бы то ни стало желающей быть оригинальной»⁶⁵. Еще резче отозвался о стихах Коневского поэт и критик Н. М. Соколов: «глупая белиберда», «предел глупости», «вымученная и кривляющаяся изломанность», «неутомимая и ожесточенная цецуха» и т. д.⁶⁶ Даже при благожелательном в целом отношении к Коневскому как к «остро мыслящему человеку» и выразителю «искренного стремления», каков свойственно, например, анонимному рецензенту «Стихов и прозы» в журнале «Русская мысль», камнем преткновения к пониманию его личности, «неясной и непоптайной», оставались «тяжелая речь» и самые стихи — «отрывистые, угловатые», «скомканные, холодные, некрасивые»⁶⁷. Приведенные отзывы были высказаны в чуждом для символистов литературном окружении. Но и в «своей» среде творческие искания Коневского не получили безусловного признания — с неизменным сочувствием и пониманием к ним относились, кроме Брюсова, лишь некоторые близкие ему литераторы в Москве (прежде всего А. Ланг-Миропольский), а в Петербурге — ближайшие друзья-сверстники Коневского. Не был принят Коневской и в кругу «Мира искусства».

Сам поэт, как свидетельствует Брюсов, ни в малой мере не был раздосадован реакцией «широкой» критики на его стихи — негодующими и насмешливыми отзывами о коллективной «Книге раздумий» («Мечты и думы» Коневского прошли почти незамеченными). Убеждение в значительности собственных поэтических опытов подкреплялось у него столь же твердой уверенностью в том, что подлинно новое искусство не может встретить надлежащего понимания и признания у современников — носителей рутинных эстетических представлений. В этой намеренной, принципиальной отчужденности от воспринимающей среды — одна из характерных черт личности Коневского и специфика его литературной позиции, не во всем совпадавшей с позицией Брюсова.

В 1890-е годы в среде нарождавшегося русского модернизма выделилась, если восполь-

ный» слог ни в малой мере не был для Коневского стиливой маской. Справедливы в этом отношении наблюдения А. А. Смирнова: «Красивые, громоздкие, шероховатые стихи его часто производят впечатление недостаточной отделки, обработки (...) но если вчитаться в них, становится ясной невозможность изменить хотя бы одно слово. Витиеватая, затейливая форма не выдумана, не создана искусственно Коневским, но возникла естественно, необходимо, в силу его торжественного, проникновенного отношения к своим темам»⁶³.

Затрудненный образно-синтаксический строй речи Коневского, необычный способ изложения мыслей были одной из главных причин недоумения критиков перед его произведениями и даже вызвали подозрения в том, что за этим своеобразием языковой фактуры не кроется ничего подлинно содержательного. «Бедность и неясность мысли нарочно прикрываются деланною вычурностью и неясностью выражений», — писал, например, книговед А. М. Ловягин о предисловии Коневского к «Собранию стихов» А. Добролюбова⁶⁴. Сходным образом критик Н. П. Ашешов утверждал, что за «хаотической» манерой письма и «нелепым набором слов» в стихах Коневского — «одно

зоваться аналогией с французской литературной ситуацией последней трети XIX в., также своя группа «проклятых» поэтов, стоявших в открытой оппозиции по отношению к читательским пристрастиям и ко всем общепризнанным эстетическим нормам, бывших «париями» в мире «большой» литературы. Очерчивая «тип самозамкнутых и самовлюбленных одиночек — deductio ad absurdum крайнего индивидуализма», П. П. Перпов рассматривает Коневского как типичнейшего выразителя психологии этой группы: «Коневской вообще чуждался людей, жил одиночкой и, в своей самоупоенности, видимо, боялся всякого соприкосновения с внешним миром, который мог разбить или хотя бы надломить стекло его реторты, где он укрывался, подобно гетевскому Гомункулу»⁶⁸. Сходную репутацию имели в Петербурге даже в «своей», околосимволистской среде Александр Добролюбов и Владимир Гиппиус; такими же «отреченными» от литературы «дикими декадентами» были в Москве Брюсов и А. А. Ланг; можно было бы назвать еще несколько менее характерных и менее известных имен. Их творческие опыты, повсеместно вызывавшие негодование и глумление, фактически оставались вне общего литературного процесса, не получали доступа в периодические издания и функционировали на правах некоего курьеза. Горделивое презрение и ответный вызов по отношению к читательской среде были в этих обстоятельствах для «отреченных» единственно возможной позицией. Так, своей книге «Одинокий труд» Ланг предпослал вступительную инвективу «Я обвиняю»⁶⁹, в которой высказал негодование по поводу сложившегося общественного мнения вокруг «декадентов»: «Читая сборники В. Брюсова, я почувствовал его сильный и первобытный талант, но наверно и его заклевали наши присяжные критики (...) Вспомните еще первый сборник Добролюбова, и как смели над ним глумиться жалкие фразеры! Успокойтесь, ревнители, — больше он не пишет. Вы доканали его, лишили Россию мощного поэта»⁷⁰.

Но наряду с «проклятыми» в литературе действовали модернисты «признанные» и полупризнанные, которые достаточно широко печатались, всерьез воспринимались читательской средой и зачастую (как Н. Мinsky и Д. Мережковский, начинавшие поэтическую деятельность в народнических традициях) имели еще «домодернистскую» литературную репутацию. Первые придерживались крайних художественных позиций, вторые были более умеренными, традиционными и, не прибегая в своем творчестве к «диким» и «странным» приемам последовательных «декадентов», стремились войти в контакт с читательской аудиторией и на свой лад «перевоспитать» ее, привить ей новые эстетические вкусы и идеи. «Признанные» модернисты (кроме двух вышеупомянутых, к ним следует отнести в первую очередь З. Гиппиус, К. Бальмонта, Ф. Сологуба) также постоянно подвергались нелицеприятной критике за «декадентство», но их творчество было гораздо доступнее и приемлемее, более отвечало устоявшимся читательским представлениям о поэзии, чем вызывающе дерзкие или просто непонятные стихи молодого Брюсова и Добролюбова. Пройдет не менее десяти лет, прежде чем широкая литературная среда признает оправданными в историко-литературном отношении и даже плодотворными крайности «декадентского» бунта, прежде чем такой критик, как А. А. Измайлов, отразивший в своих оценках общее изменение эстетических критериев, скажет о роли «крайних» «декадентов» в деле перестройки «старых лир на новый лад»: «(. . .) теперь можно видеть почти заслугу их в том, что они стали воспевать уродливость кактусов в то время, когда все ополченными и вышелущенными словами воспевали розу. Была заслуга в том, что они обратились к каким-то демоническим чувствам, когда стихотворствующее мещанство в тысячу первый раз копалось в будничных обывательских ощущениях и чувствах»⁷¹. Но в 1890-е годы «крайние» модернисты имели лишь самое ограниченное «кастовое» признание, действовали фактически на грани, отделявшей профессиональный литературный труд от «внелитературных» сочинительских опытов. «Признанные» модернисты писали с оглядкой на «стороннего» по отношению к ним читателя; «отреченные» культивировали «герметическое» творчество, уповали прежде всего на немногих сочувствующих, зачастую старательно пытались даже внешним образом «сакрализовать» свои опыты, «сделать их труднодоступными для читательской массы: так, Вл. Гиппиус издал первый свой сборник стихов — «Песни» — не для продажи и без права рецензирования, «Собрание стихов» А. Добролюбова было отпечатано тиражом 300 экз., а в проекте объявления о нем даже указывалось, что «в продажу книга не поступит» и будет рассылаться желающим по предварительной подписке (см. п. 36, прим. 6 и п. 32, прим. 2).

Позиция Брюсова в этих обстоятельствах была достаточно своеобразной. Эпатирование общепринятых вкусов, которому он отдал щедрую дань в трех выпусках «Русских символис-

тов» и в книге «Chefs d'oeuvre», явилось для него своего рода отрицательной формой контакта с читателями. Завоевание скандального амплуа было у Брюсова намеренной и продуманной системой действий, рассчитанной на то, чтобы поколебать незыблемые эстетические критерии, указать — хотя бы и в «чрезмерной», вызывающей форме — на возможность и необходимость принципиально новых художественных исканий и экспериментов. Брюсов стремился на свой лад убедить читателей, для его поэзии была необходима широкая воспринимающая среда, — Коневскому же в его творческой деятельности до читателя просто не было никакого дела, главным для него неизменно оставались полнота самовыражения и верность самому себе, и ради этого он не боялся остаться в полном одиночестве. При всем тяготении к собственно литературной деятельности, при всем стремлении печататься и проповедовать свои идейно-эстетические взгляды и художественные завоевания «нового» искусства Коневской был мало способен к расчетливой, организованной и всесторонне продуманной системе действий, к «дипломатической» тактике и компромиссам, которых неизбежно требовали обстоятельства формирования символизма как цельного литературного направления. Психологически он не был готов выйти из той «келейной», замкнутой творческой атмосферы, которую всеми силами стремился рассеять Брюсов. «Со страстью целей добиваться — не жребий мой», — признавался сам Коневской («Соглашение», 1899) ⁷². Брюсов в статье «Мудрое дитя» подчеркивал, что «Коневской вовсе не был литератором в душе» ⁷³.

Не проявлявшееся с достаточной отчетливостью в первые месяцы общения, это различие между Брюсовым и Коневским стало сказываться, когда в 1900 г. начало свою деятельность московское символистское издательство «Скорпион», открывшее достаточно широкие перспективы приверженцам новой поэтической школы. Брюсов к этому времени уже отказался от прежних приемов вызывающего «декадентского» эпатажа, его книга «Tertia vigilia» вызвала серьезные и сочувственные отклики, в том числе статью Максима Горького ⁷⁴. Симптоматичен был отзыв И. И. Ясинского о новейших стихотворениях Брюсова: «(. . .) мы с удовольствием должны заметить, что, начав с гримас и с диких судорог, этот поэт постепенно сбрасывает с себя шелуху напускного декадентства, и песни его начинают звучать совершенно самобытными и красивыми красками» ⁷⁵. Достигнув определенного признания, Брюсов видел в себе силы и возможности для того, чтобы стать одним из вождей крепнущей литературной школы, и «Скорпион» открывал для этого желаемые перспективы. Будучи одним из организаторов символистского альманаха «Северные цветы», Брюсов стремился к тому, чтобы объединить на его страницах всех приверженцев «нового» искусства и сочувствующих ему, независимо от внутренних разногласий и различного понимания литературных задач, — в том числе и «умеренных» символистов (Мережковский, З. Гиппиус), с убежденностью отвергавших «декадентский» эзотеризм и невятицу. В деле осуществления этого принципа Коневской уже не мог стать Брюсову надежным союзником. Неспособный к какой-либо литературной «дипломатии» и уступчивости, Коневской всегда самоуверенно и до конца обосновывал собственную точку зрения, не сдерживал полемических выпадов. Красноречивым примером такой величеприятной полемики служит опубликованная в первом выпуске «Северных цветов» статья Коневского «Об отпевании новой русской поэзии», направленная против З. Гиппиус, которая выступила с критикой творчества А. Добролюбова. Одному из наиболее престижных тогда авторов, принадлежавших к символистскому направлению, Коневской предъявил обвинения в ограниченности кругозора и «разнузданной беспечности насчет литературы» ⁷⁶.

Коневской оказывался «неудобным» максималистом, однако, не только по отношению к брюсовской объединительной тактике. Брюсов хорошо видел принципиальные отличия его литературной позиции от той, которой придерживались другие ведущие авторы, печатавшиеся в изданиях «Скорпиона»: «Иван Коневской был в гораздо большей степени настроен мистично, нежели весь московский кружок. Коневской был совершенно чужд того культа формы в поэзии, которому мы, москвичи, служили тогда до самозабвения. В последнем учете, для Коневского поэзия все же была только *средство*, а никак не «самоцель». В каком бы то ни было смысле, формула «искусство для искусства» была для Коневского неприемлема и даже нестерпима» ⁷⁷.

Одной из самых первостепенных задач в литературе для Брюсова было: «создать новый поэтический язык, заново разработать средства поэзии», как он писал в статье «К истории символизма» (1897) ⁷⁸. Одним из бесспорных завоеваний на этом пути Брюсов считал творчество Бальмонта. В незавершенном очерке истории русского стиха и рифмы (1896) Брюсов определял его поэзию как этапное достижение: «(. . .) является Бальмонт, явление во многих от-

ношениях замечательное. Под влиянием лучших западных образцов он находит новые пути русскому стихосложению»⁷⁹. Однако для Коневского поэзия Бальмонта была как раз примером чисто формального творчества, не подкрепленного глубиной и точностью художественной мысли. С исключительным темпераментом Коневской разоблачал самоценную «виртуозность» в новейших поэтических исканиях, воплощением которой служило ему прежде всего творчество Бальмонта — «поэтического фокусника»⁸⁰. Не принимал он «бальмонтовских» черт и в произведениях Брюсова. Характерно, что Коневской чрезвычайно высоко ценил поэзию Сологуба, далекую от него по своему идейно-психологическому содержанию, но привлекавшую сдержанностью художественной палитры и отчетливостью, определенностью мысли. Однако именно стремление к «виртуозности», к обновлению и совершенствованию арсенала поэтических средств символисты, и Брюсов в первую очередь, осознавали одной из своих насущнейших, первоочередных задач. В этом смысле Коневской стоял особняком по отношению к «скорпионовцам». Не исключено, что отмеченные мотивы разногласия в скрытой форме повлияли на характер взаимоотношений Брюсова с Коневским в последние месяцы его жизни. В целом в тональности отношений между поэтами нетрудно распознать зачатки тех коллизий, которые несколько лет спустя обозначатся с достаточной отчетливостью между Брюсовым и «младшими» символистами, «теургам», — противостояния «самоцельного» и самоценного творчества творчеству, подчиненному некоей высшей идее. Поэтому, хотя Брюсов и отдавал должное глубине, меткости и оригинальности многих критических суждений своего друга, хотя вкусы и пристрастия их обоих формировались на преклонении перед русской поэзией классической поры и новейшей французской поэтической школой, он едва ли всецело мог рассчитывать на то, что Коневской в дальнейшем остался бы его полным литературным единомышленником.

Все моменты расхождения в литературно-эстетических позициях, однако, отступили в сторону после ошеломившей Брюсова гибели Коневского. Осознанием невозможности утраты проникнута некрологическая статья Брюсова «Мудрое дитя. (Памяти Ив. Коневского)»: «(. . .) имя его в печати появилось впервые всего два года тому назад, в 1899 г., и все же на его место у нас нет очередного. Быть может, среди современных поэтов можно указать более даровитых, т. е. более одаренных стихийной мощью творчества, но нет ни одного, обладающего такой подготовкой к своему делу, таким всеобъемлющим знанием литературы, таким пониманием задач нового искусства»⁸¹. Коневской надолго остался для Брюсова высшим критерием оценки новых дарований. Познакомившись с вступавшим в литературу Андреем Белым, Брюсов с надеждой записал летом 1902 г.: «Это едва ли не интереснейший человек в России (. . .) Вот очередной на место Коневского!»⁸². Когда в 1901 г. историк литературы Н. О. Лернер, еще не знавший о смерти Коневского, критически отозвался о его стихах в письме к Брюсову, тот едва не поссорился с ним. «Конечно, мне все равно, что за мысли у него, — записал Брюсов о Лернере в дневнике, — но я не мог, не должен был терпеть его отзывы о Коневском и Балтрушайтисе»⁸³. «Много лет спустя, — вспоминает Лернер, — встретившись с Вал(ерием) Як(овлевиче)м, я заговорил о Коневском, и он вспомнил о нем с прежней нежностью. А Брюсов (. . .) был не из особенно сентиментальных. Кстати сказать, я в 1901 г. вовсе не «нападал на Коневского», а насмешливо отозвался о каком-то его стихе, тяжелом и неудачном, но Брюсов так любил Коневского, что не шутя рассердился»⁸⁴. 3 октября 1901 г. Брюсов написал стихотворение «Памяти И. Коневского», которому предпослал эпиграф из стихотворения В. К. Кюхельбекера «19 октября»:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушенных сил!⁸⁵

Стихи Кюхельбекера были написаны в связи с гибелью Пушкина. Переадресовывая их Коневскому, Брюсов изменил третью строку: «В начале поприща торжеств и славы». Наряду с переживанием утраты в стихотворении Брюсова главенствует тема торжественного единения с миром — сквозная тема поэтического творчества Коневского:

Ты просиял и ты ушел, мгновенный,
Из кубка нового один испив.
И что предвидел ты, во всей вселенной
Не повторит никто... Да, ты счастлив.

Линь, может быть, свободные стихии
Прочли и отразили те мечты.
Они и ты — вы были как родные,
И вот вы близки вновь, — они и ты!

Сразу же после получения известия о гибели Коневского Брюсов установил отношения с его отцом, генералом И. И. Ореусом, и начал хлопоты по изданию сочинений покойного поэта. За подготовку книги взялся близкий друг Коневского Н. М. Соколов, получивший в свое распоряжение его рукописи. Брюсов задумал включить в издание, кроме произведений Коневского, также биографические материалы и воспоминания о нем и просил Соколова привлечь к этому предприятию петербургских друзей покойного⁸⁶, однако этот замысел так и не реализовался. Посмертное собрание стихов и прозы Коневского вышло в свет в ноябре 1903 г. под редакцией Брюсова лишь с кратким биографическим очерком, подготовленным отцом поэта, и статьей Брюсова «Мудрое дитя. Творческие замыслы И. Коневского»⁸⁷.

Эта статья представляет собой первый опыт целостной характеристики творчества и мировоззрения Коневского. Брюсов сумел передать самую суть индивидуальности молодого поэта, те ее особенности, которые делали неповторимо своеобразной его поэзию и обеспечивали ей глубину и значительность: «Поэзия Коневского прежде всего — раздумья. Философские вопросы, которыми неотступно занята была его душа, не оставались для него отвлеченными проблемами, но просочились в его "мечты и думы", и его стихи просвечивают ими, как стебельки трав своим жизненным соком. Подобно всем своим сверстникам, деятелям нового искусства, Коневский искал двух вещей: свободы и силы. Но в то время как другие искали их в "преступлении границ", в разрешении себе всего, что почему-либо считается запретным, будь то в области морали или просто в стихосложении, — Коневский взял вопрос глубже. Он усмотрел рабство и бессилие человека не в условностях общезнания, а в тех изначалах навязанных нам отношениях к внешнему миру, с которыми мы приходим в бытие: в силе наследственности, в законах восприятия и мышления, в зависимости духа от тела»⁸⁸.

Брюсов уловил и начала внутреннего разлада, проникавшего философско-поэтический мир Коневского: «(. . .) рядом с (. . .) умилением пред тайнами земной красоты, и из этого умиления — возникало и сознание, что все окружающее нас, все внешнее, — такое прекрасное, такое увлекающее — тоже оковы, теснящие наши личности»⁸⁹. Двудеинный пафос поэзии Коневского, по Брюсову, заключается в стремлении к безудержной свободе духа и одновременно в осознании и переживании неразрывной связи духа с плотью, с «наследием веков», с «внешней природой», с «отрадными играми бытия». Хотя Брюсов и не делал в статье историко-литературных сопоставлений, но всем ходом своих рассуждений подводил к мысли о том, что поэзия Коневского представляет собой закономерное продолжение традиций русской философской поэзии XIX в., традиций Баратынского, Тютчева, Вл. Соловьева. Убеждению в исключительной значимости творчества Коневского для литературного процесса рубежа веков Брюсов остался верен и в последующее время. В незавершенной статье 1917 г., посвященной итогам развития предреволюционной литературы, Брюсов называет Коневского наравне с Бальмонтом, Сологубом, Блоком, Белым и другими авторами, выведшими русскую поэзию из «паралича» 80-х годов к ее новому расцвету⁹⁰.

Нужно отметить, однако, что творчество Коневского, в значительной мере предвосхитившее идейно-эстетические искания «младших» символистов, тем не менее после его смерти всеобщего признания так и не получило и определяющего воздействия на поэтические новации 1900—1910-х годов не оказало. В среде символистов оно воспринималось с должным уважением, но без особенного энтузиазма; выдвинуться на авансцену литературной жизни, завоевать широкий круг восторженных почитателей поэзии Коневского не было суждено. Характерен вывод, к которому пришел А. А. Смирнов в статье о Коневском «Поэт бесплодный»: «Он совершил свой малый круг, и совершил другой, более великий, ему не было дано. Но после него осталось богатое, дорогое наследство, которым мы должны воспользоваться. Если Коневский не путеводная звезда, то один из тех немногих, одиноких, мрачно-прекрасных маяков, освещающих дорогу зимней ночью»⁹¹. Поэзия ближайшего десятилетия не пошла по стопам Коневского, «путеводными звездами» для нее в несравненно большей мере стали поэтические миры Бальмонта и Брюсова; «виртуозность», которую ниспровергал Коневский, стала почти обязательным условием поэтического самовыражения. В 1904 г. Брюсов писал Вяч. Иванову, стремясь привлечь его внимание к творчеству Коневского: «Он пытался сделать (в языке) кое-что из того, что вы свершили»⁹². Действительно, в творчестве Иванова и Коневского немало сходных черт: тяготение к архаической стилистике, риторико-оптимистический пафос, философская насыщенность, восприятие мира как всеединства и т. д., — но стихи Вяч. Иванова отличаются также намеренным артистизмом, многотемностью, исключительным вниманием к ритмико-звуковой организации, «барочной» чрезмерностьюобрази-

тельных средств, и это их качество не в последнюю очередь способствовало тому, что именно Иванов стал в 1900-е годы одним из поэтических «мэтров».

Кроме Брюсова, никто из крупных писателей не предпринимал внимательного анализа творческого наследия Коневского. Если в печати и вспоминали умершего поэта, то это чаще всего были попутные и лаконично-суммарные аттестации, как, например, в статье Г. Чулкова «Исход: «задумчивый и суеверный Иван Коневской»⁹³. Благодаря Брюсова за книгу Коневского. Вяч. Иванов писал, что его «влечет» написать о ней, «но и пугает трудностью тонкой задачи»⁹⁴. Творчеством Коневского живо интересовался А. Блок и даже предполагал написать о нем для «Нового пути» «длинно», в связи с выходом «Стихов и прозы»⁹⁵. Не осуществив этого намерения, Блок, однако, коснулся поэзии Коневского в рецензии на книгу А. Л. Миропольского (1905). В восприятии Блока Коневской знаменует переходный этап от «собственно-декадентства» к символизму и заключает в себе характернейший признак этого периода — «совсем особенное, углубленное и отдельное чувство связи со своей страной и своей природой»⁹⁶. Пронзительное поэтическое ощущение России и Петербурга, которое ставил Блок в заслугу Коневскому, находилось в непосредственном родстве с теми переживаниями, которые овладели тогда сознанием самого Блока, уже начинавшего прозревать «богатую нищету России» и «упрямо двоящийся образ города на болоте»⁹⁷. Неожиданные на первый взгляд ростки влияния творчества Коневского обнаружались в поэтических исканиях 1910-х годов: тогда были оценены как поэтическое завоевание «затрудненность» и «косноязычие» Коневского, его тяготение к «вещному», семантически осязаемому слову, в противовес музыкальной стихии, господствовавшей в поэзии символистов. Ревностным пропагандистом творчества Коневского стал С. П. Бобров, называвший его «чудесным Святогором слова». «Мы не можем, — писал Бобров, — скрыть нашей крайней скорби о том, что поэт сей теперь, через какие-нибудь 11 лет после смерти своей — забыт, забыт совершенно (...). А между тем на поэтическом горизонте нашем после Тютчева не было столь огромной фигуры»⁹⁸.

Однако все позднейшие литераторы обращали внимание большей частью на отдельные аспекты творчества Коневского и были мало восприимчивы к его поэтической личности во всей ее сложной совокупности. В этом отношении Брюсов остался единственным писателем, осознавшим место и значение Коневского в истории русской поэзии, сумевшим постигнуть его неповторимый целостный образ. В заключительных строках очерка о Коневском Брюсов со всей весомостью утверждал: «(...) в том, что он написал за свою недолгую жизнь, есть создания безупречные, которые всегда будут принадлежать к перлам нашей лирики»⁹⁹.

В настоящую публикацию включены все выявленные на сегодняшний день письма, составляющие переписку Брюсова и Коневского. Вся переписка сосредоточена в архиве Брюсова (письма Брюсова к Коневскому были возвращены автору И. И. Ореусом-отцом после гибели сына).

ИВАН ОРЕУС С МАТЕРЬЮ

Фотография. С. Петербург, 1880-е годы
Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

Письма Брюсова к Коневскому печатаются по автографам, хранящимся в фонде Брюсова в ГБЛ (Ф. 386, 72.7). Из них 5 писем были ранее опубликованы (с сокращениями) В. Дмитриевым в кн.: В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 139—142. Письма Коневского к Брюсову печатаются по автографам, хранящимся там же (Ф. 386, 97. 8—10). Письмо Коневского от 31 января 1900 г. (п. 29) печатается по автографу, хранящемуся в архиве Брюсова в ИМЛИ (Ф. 13. Оп. 3. № 13).

В настоящей публикации использованы материалы из архива Николая Леонидовича Степанова (1902—1972). Этот архив включает и материалы, хранившиеся у Брюсова и переданные И. М. Брюсовой для работы над готовившимся, но не осуществившимся изданием произведений Коневского в серии «Библиотека поэта» (см. об этом вступ. ст. А. Е. Парниса к публ. статьи Н. Л. Степанова «Иван Коневской. Поэт мысли». ЛН.; 92. С. 179). Ныне материалы Н. Л. Степанова хранятся в собрании А. Е. Парниса.

Вследствие того, что автографы стихотворений Коневского, приславшиеся им в письмах к Брюсову, служили исходным материалом для В. Я., Н. Я. и И. М. Брюсовых при подготовке к печати посмертной книги Коневского, а в 1933—1937 гг. были использованы Н. Л. Степановым, состав их оказался разрозненным. В фонде Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 97.8 и 9) стихотворения отъединены от писем, а небольшая часть стихотворений и отрывков писем к Брюсову оказалась в фонде Коневского в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об., 27, 28, 30). Поэтому в настоящей публикации указываются архивные шифры автографов стихотворений Коневского. Архивные шифры писем указываются только в тех случаях, когда они хранятся не в фонде Брюсова в ГБЛ.

¹ Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Очерки. Стихотворения. Автографы / Под ред. Модеста Гофмана. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, [1909]. С. 63.

² Письмо от 15 августа 1901 г. // ЛН. Т. 85. С. 646—647. В обзоре «Русская литература в 1902 году», написанном для журнала «The Athenaeum», Брюсов, перечисляя умерших в последнее время деятелей русской культуры, подчеркивал, заключая свой мартиролог: «Лично для меня куда более горестной потерей явилась смерть молодого поэта Ивана Коневского, которая, однако, не привлекла большого внимания» (Ильёв С. П. Обзоры русской литературы Валерия Брюсова для английского журнала «The Athenaeum» (1901—1906) // Чтения 1980. С. 310).

³ О посещении Брюсовым могилы Коневского см. также: Парнис А., Тименчик Р. Эпизод из жизни Валерия Брюсова // Даугава. 1983. № 5. Отметим попутно, что о Коневском упоминал, рассказывая о своем юношеском пребывании в Зегевольде, О. Мандельштам (в главе «Эрфуртская программа» автобиографической книги «Шум времени». Л.: Время, 1925).

⁴ Петровская Н. И. Из воспоминаний // ЛН. Т. 85. С. 779.

⁵ ЛН. Т. 85. С. 206.

⁶ Ореус И. Снаряды // Книжки Недели. 1896. Ноябрь. С. 96.

⁷ Псевдоним восходит к названию острова Коневец (Konivets, Kononsaari) на Ладожском озере, приблизительно в 100 км к северу от Шлиссельбурга; на острове располагался Коневецкий Рождественский мужской монастырь. Стих. «С Коневца» («Я — варяг из-за синего моря...», 1898) — одно из ключевых для поэзии Коневского, символизирующее единство «варяжского» и русского начал в душе автора (СП. С. 36—37). В статье 1917 г. Брюсов писал о сожалениях Коневского, «что он не избрал себе другого псевдонима: Иван Езерский, который прямо напоминал бы, что автор происходит “от тех вождей, чей в древни веки парус дерзкий поработил берега морей”» (Брюсов В. Иван Коневской (1877 — 1901 г.) // Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 152). О псевдониме «Иван Езерский» Коневской писал 2 июля 1899 г. в письме к А. Я. Билибину (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 60б).

⁸ В архиве Н. М. Минского сохранились автографы стих. Коневского «На лету» и «Меж нив», отправленные 31 июля 1896 г. в конверте с надписью: «В редакцию журнала “Северный вестник” (Троицкая, 9) с просьбой передать или переслать г-ну Виленкину» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 302; Виленкин — настоящая фамилия Минского). Брюсов свидетельствует: «Коневской посылал (...) тетрадь своих стихов Н. М. Минскому, которому одно стихотворение очень понравилось (так, что он заучил его наизусть), но знакомство на том и оборвалось. Коневской взял у Минского свою тетрадь и больше не появлялся» (Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 155). В целом справедливы в отношении Коневского позднейшие слова Вл. Пяста, характеризовавшего литературную ситуацию в Петербурге на рубеже веков: «Отдельными островитянами проходили в те годы по университету немногочисленные студенты-поэты. В 1901 г. умер гениальный Иван Коневской. Он (...) не мог в Петербурге найти для себя почти ни одного достойного собрата-товарища» (Пяст В. Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 10).

⁹ Дневники. С. 57. Ср. свидетельство Вл. Гиппиуса в его воспоминаниях о Коневском, записанных в 1930-е годы Н. Л. Степановым: «Читал стихи он нараспев, с истеризмом и с усилением согласных, как финны» (Архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ В биографическом очерке о Коневском Брюсов несколько иначе излагает обстоятельства своего знакомства с его поэзией, называя другого посредника — Владимира Гиппиуса: «Лично я, прочтя переданную мне Вл. Гиппиусом тетрадь с первыми поэмами Коневского, без

колебания признал в нем уже сложившегося мастера и поспешил познакомиться с их автором, как с "товарищем по оружию". Через меня Коневского узнал К. Бальмонт, и я помню, с каким восторгом одно время он говорил о юноше поэте» (*Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 151*). Однако эта позднейшая версия не подтверждается фактами, зафиксированными в дневнике Брюсова (см. п. 4, прим. 1) и в его переписке с Коневским. Ср. свидетельство в письме студентки-бестужевки О. В. Яфы, относящемся к осени 1898 г., т. е. еще до знакомства Коневского с Брюсовым: «Ореус преусневает: говорят, недавно он читал свои стихи пред лицом Бальмонта, Минского и других поэтов и был ими признан большим талантом» (*Яфа-Синакевич О. В. Жили-были: Воспоминания // ГЛБ. Ф. 163. Ед. хр. 328. Л. 5*).

¹¹ *Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 155—156.*

¹² *Дневники. С. 63.*

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ См. наст. кн., Переписка с Курским, п. 55.

¹⁵ *Дневники. С. 78.*

¹⁶ Наст. кн., Письма к Самыгину, п. 27..

¹⁷ *Дневники. С. 76.*

¹⁸ Подробнее об эволюции мирозерцания Добролюбова и его отношениях с Брюсовым см.: *Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник, III. Тарту, 1979; Иванова Е. В. Один из «темных» визитеров // Прометей. № 12. М., 1980; Она же. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 3; Reeve F. D. Dobroljubov and Brjusov: Symbolist Extremist // The Slavic and East-European Journal. 1964. Vol. VIII, N 3. P. 292—301.*

¹⁹ *Дневники. С. 95.*

²⁰ «Едет в Москву Ореус-Коневской; этот меня разыщет», — сообщил Брюсов 12 июня 1901 г. А. А. Шестеркиной (*ЛН. Т. 85. С. 636*).

²¹ См. прим. 1.

²² *Брюсов В. Автобиография // Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. I, кн. I. С. 112.*

²³ *Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 162.*

²⁴ Характеризуя творчество Ф. Сологуба и Коневского в письме к А. Л. Волинскому (1902), Брюсов отмечал: «Эти два поэта-мыслителя (первый бессознательный, второй сознательный)...» (*ГЛМ. Ф. 51. Оф. 1351*).

²⁵ *Смирнов А. Поэт бесплотия // Мир искусства. 1904. № 4. С. 81.*

²⁶ *СП. С. 1.*

²⁷ До и после. 1898 // *СП. С. 38.*

²⁸ С Коневца. 1898 // Там же. С. 37.

²⁹ Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 110.

³⁰ Там же. С. 123. Ср. сходные впечатления от поэзии Коневского другого критика 1900-х годов: «Душа Коневского была открыта и доступна для всех трепетаний и волнений жизни, она жаждала широты "полнообразья", она желала обнять весь мир со всеми его чувствами, мыслями и ощущениями. И эта, если можно так выразиться, панкосмическая жажда существования делала из Коневского настоящего, призванного, стихийного поэта (...) В его поэзии играет и бьется нерв чисто растительной радости, слышен пульс какого-то органического восторга перед величием и красотой мироздания. Более цельного, экзотического отношения к природе я не запомню в нашей молодой поэзии» (*Крымский С. [Кара-Мурза С. Г.]. Неизвестный поэт // Семья. 1904. № 6. 8 февр. С. 10—11*). См. также наст. кн., с. 549, п. 25, прим. 1.

³¹ См.: *Максимов Д. Брюсов: Поэзия и поэтика. Л., 1969. С. 118—120; Сукиасова Н. М. Афористичность творчества Брюсова // Ученые 1971. С. 228—243. Ср. наблюдения Д. П. Снято-полк-Мирского в статье «В. Я. Брюсов»: «Именно у Коневского, стремившегося создать метафизическую поэзию, постигающую и обнимающую весь мир, Брюсов научился так насыщать свои стихи мыслью. К Коневскому же восходит и идея, столь близкая Брюсову в эти годы, — "поэзия — познание"» (Современные записки, № 22. Париж, 1924. С. 421).*

³² *МД. С. 196; СП. С. 53.*

³³ *МД. С. 161; СП. С. 48.*

³⁴ *Смирнов А. Указ. соч. С. 82.*

³⁵ *Брюсов В. Ко всем, кто ищет: Как предисловие // Миропольский А. Л. Лестница: Поэма в VII главах. М.: Скорпион, 1903. С. 10, 12.*

³⁶ *СП. С. 34.*

³⁷ *Смирнов А. Указ. соч. С. 82.*

³⁸ В статье «Тютчев в поэтической культуре русского символизма» Н. К. Гудзий справедливо отмечает: «Из ранних русских символистов наиболее органически связан с Тютчевым И. Коневской» (Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. III, № 2. С. 480). С мирозерцанием Тютчева Коневского роднит, по наблюдению Н. К. Гудзия, прежде всего «ощущение избыточной радости от погружения в животворящие силы природы»; кроме того, «патетика Тютчева, равнодушие его к ораторским приемам речи, и в связи с этим увлечение архаизмами, восклицаниями и риторическими вопросами, повторениями рядом одних и тех же слов — все это присуще и Коневскому» (Там же. С. 481, 486).

³⁹ *Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 180.*

⁴⁰ Слово к истине. 1899 // *СП. С. 83.*

⁴¹ *СП. С. 118.*

⁴² Параллель между Коневским и Веневитиновым ранее проводил П. Н. Зайцев (в не-

опубликованной статье о Коневском «Жертва утренняя», датированной апрелем 1914 г.): «У Коневского есть в истории странный, таинственный прообраз, хотя б(ыть) м(ожет) меньшего объема — это Дм. Веневитинов, юноша поэт, смерть которого оплакивал сам Пушкин. И как Веневитинов, умирая, являл миру Лермонтова, еще мальчика, но пред которым, однако, предносилось уже Виденье Демона, так и Ив. Коневской оставлял по себе симфонии и стихи из «Золота в лазури» А. Белого и «Стихи о Пр(екрасной) Даме» Блока» (*ГБЛ. Ор.* 190, 71. 27. Л. 3).

⁴³ Маймин Е. А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М.: Наука, 1976. С. 56.

⁴⁴ *СП.* С. 161, 164, 167.

⁴⁵ Там же. С. 177.

⁴⁶ Там же. С. 214, 212.

⁴⁷ Коневской И. Мировоззрение поэзии Н. Ф. Щербины // *СЦ* 1902. С. 206.

⁴⁸ *СП.* С. 85.

⁴⁹ С. К. Маковский, вспоминая о своей последней встрече с Коневским весной 1901 г., сообщает, что тогда они беседовали о поэзии и что Коневской больше всего читал наизусть стихотворения Брюсова (*Маковский С. Указ. соч.* С. 292).

⁵⁰ Коневской И. Об отпевании новой русской поэзии // *СЦ* 1901. С. 186.

⁵¹ Крайняя дума. 1899 // *СП.* С. 92.

⁵² Из стих. Коневского «Мыслей настойчивых воля...», 1899 // *СП.* С. 94.

⁵³ Коневской И. Предвоящий протест новых поэтических движений (стихи Лафорга) // *СП.* С. 189.

⁵⁴ Подробнее о восприятии Брюсовым творчества Верхарна см. во вступительной статье Т. Г. Динесман к публикации их переписки (*ЛН.* Т. 85), а также в статье В. С. Дронова «Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн» (*Чтения* 1962).

⁵⁵ *ЛН.* Т. 85. С. 549.

⁵⁶ Гинабург Л. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 219—220.

⁵⁷ *Starres Ich.* 1896 // *СП.* С. 17.

⁵⁸ *МД.* С. 67—68.

⁵⁹ См.: Коневской И. Письма к Вл. В. Гиппиусу / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник* 1977. С. 82.

⁶⁰ Венгеров. *Рус. лит.* XX в. Т. III, кн. VIII. С. 155.

⁶¹ *СП.* С. X.

⁶² Венгеров. *Рус. лит.* XX в. Т. III, кн. VIII. С. 162—163.

⁶³ Смирнов А. Указ. соч. С. 82. Ср. восприятие поэтической стилистики Коневского поэтом и критиком-символистом Н. Е. Полярковым: «Большинство его страниц девственны в своей искренности (...) Шлифовки нет, все первобытно, неподдельно и поэтому интересно. Является полная возможность проследить многие движения души, узнать, как постепенно она кристаллизуется, принимает определенную форму, делается более и более многогранной» (*Полярков Ник. Поэты наших дней: (Критические этюды).* М.: Тип. И. Холчева и К^о, 1907. С. 16). «Прекрасная корявость» Коневского упоминается и в книге Д. П. Святополк-Мирского «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924. С. XII).

⁶⁴ Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. IV. С. 451.

⁶⁵ Образование. 1904. № 3. Отд. III. С. 136. Стоит подчеркнуть, что нередко неприятие стихов Коневского происходило в первую очередь от их элементарного непонимания; в архаизированных, усложненных, но отчетливых по смыслу строках критики прочитывали — или старались прочитывать — только «декадентскую» абракадабру. Показательна в этом отношении рецензия А. В. Амфитеатрова на «Книгу раздумий». Приведа в ней четверостишие из стих. Коневского «В роды и роды»:

Где те колена с соколиным оком,
Которым пронизалась даль небес?
Они носились в пламени глубоко
Степей, как бес

(*КР.* С. 60)

— и не поняв, что слово «колено» употреблено поэтом в сравнительно редком, но вполне нормативном значении — «род, поколение в родословной» (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956. Т. 5. Стлб. 1148), на что указывала и форма множественного числа («колена», а не «колени»), Амфитеатров усмотрел в процитированных стихах благодарный материал для разоблачения «декадентского» претенциозного флигерства и дал им собственную, совершенно беспочвенную «интерпретацию», на деле свидетельствовавшую лишь об ограниченности языковой культуры самого критика: «Колена с соколиным глазом на оном — это страшно, должно быть. Я никогда не видал колен, зрячих соколиными глазами, и не подозревал возможности их существования (...) Пара колен с соколиными глазами, пронизающими небесную даль, несется во образе и подобии беса, через степи, объятые пламенем (...) Какой Дантовский образ! Нет, мало: апокалипсический! (...) Два колена, с мигалочками на них соколиными глазами, в ужасе стучат друг о дружку... О! это великопечнее, — виноват: по-декадентски надо выразиться — «запредельнее», чем даже вихревая пляска Паоло и Франчески да Римини! ... Пара колен! Пар-р-ра колен!» (*Old Gentleman [Амфитеатров А. В.] Литературный альбом, XII // Россия. 1900. № 328. 24 марта.*)

⁶⁶ См.: Русский вестник. 1904. № 6. С. 739—742. Автор этой рецензии на «Стихи и прозу» Коневского Николай Матвеевич Соколов (1860—1908) обратил, в частности, внимание на извещение в «Предисловии»: «Работу по собиранию рукописей, сличению их и подбору вариантов исполнил Н. М. Соколов» (СП. С. VI), т. е. близкий друг Коневского Николай Михайлович Соколов. «Увы! Под этою библиографическою заметкою будет стоять та же фамилия, с тем же же инициалами... Не знаю, чем я провинился перед судьбой, но, должно быть, мой грех был велик, если она послала мне такую тяжёлую кару в инициалах имени моего однофамильца», — писал рецензент (С. 742). Это невольное смешение друга Коневского с его ниспровергателем произошло в наши дни: во вступительной статье к публикации писем Коневского к Вл. Гишпиусу указано, что первым текстологом Коневского является поэт Николай Матвеевич Соколов (*Ежегодник 1977*. С. 86).

⁶⁷ РМ. 1904. № 6. Отд. III. С. 172.

⁶⁸ Перцов П. *Литературные воспоминания*. С. 243, 244.

⁶⁹ Перевод заглавия знаменитого письма Э. Золя «J'accuse» к президенту республики в связи с шумевшим тогда делом Дрейфуса.

⁷⁰ Березин А. *Одинокий труд*: Статьи и стихи. М., 1899. С. 6.

⁷¹ Измайлов А. Новый хмель на старых руинах: (Новые веяния в русском стихотворстве) // Биржевые ведомости. Утр. выпуск. 1909. № 10926. 25 янв.

⁷² СП. С. 73.

⁷³ Там же. С. XIII.

⁷⁴ Горький М. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313. 14 нояб.; То же: Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941.

⁷⁵ Ясинский И. И. «Северные цветы» // ЕС. 1901. № 6. С. 153.

⁷⁶ СП 1901. С. 181. В свою очередь, и З. Гишпиус была невосприимчива к творческим опытам Коневского, видя в них лишь безуспешные попытки самовыражения замкнутого «декадентского» сознания. В статье «Критика любви» (1901), касаясь предисловия Коневского к «Собранию стихов» А. Добролюбова — «мучительного, уродливого — но и детски жалкого, совершенно непонятного», — она характеризует Коневского как «духовного брата Добролюбова», такого же «бедного человека наших дней, который хочет и не может высказать себя, человека в отчаянии, погибающего, одного из тех, кого не слышат» (Антон Крайний *Гишпиус 3.*). Литературный дневник (1899—1907). СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. С. 55—56).

⁷⁷ Венгеров. *Рус. лит. XX в.* Т. III, кн. VIII. С. 151.

⁷⁸ ЛН. Т. 27—28. С. 272.

⁷⁹ *Вопр. языкознания*. 1970. № 2. С. 107.

⁸⁰ См. письмо Коневского к Вл. В. Гишпиусу от 12 апреля 1900 г. (*Ежегодник 1977*. С. 97).

⁸¹ Мир искусства. 1901. № 8—9. С. 136—137. Высокая оценка творчества Коневского сказала у Брюсова и в ходе редакторской правки статьи А. Л. Волынского «Современная русская поэзия», печатавшейся в «Северных цветах». Сообщая в письме к Волынскому (датированном «1902») о предполагаемых коррективах в тексте, Брюсов, в частности, указывает: «совершенно неверно, что у „Скорпиона“ особым фавором пользуется Сологуб. Я предложил бы изменить это место так: „Бальмонт и Ив. Коневской“» (ГЛМ. Ф. 51. Оф. 1351). В опубликованном тексте статьи Волынского о пристрастиях «московских символистов» говорится: «Большим фавором у этих поэтов пользуются Бальмонт и Ив. Коневской» (СП 1902. С. 244).

⁸² *Дневники*. С. 121.

⁸³ Там же. С. 105.

⁸⁴ Письмо к Н. Л. Степанову от 8 декабря 1933 г. // Архив Н. Л. Степанова. Слова «нападал на Коневскую» восходят к цитате из письма Брюсова к Н. О. Лернеру (авг. 1901 г.): «(...) тот Ив. Коневской, на которого Вы так жестоко нападаете (...)» (ЦГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 90). В письме к Брюсову от 25 июля 1901 г. Лернер, характеризую содержание «Северных цветов на 1901 год», замечал: «Воображаю, как Вы хохочете, когда какой-нибудь идиот не на шутку хвалит драму т-пе Гишпиус или стихи Коневского»; в сходном тоне Лернер отзывался о Коневском и в письме к Брюсову от 8 августа 1901 г.: «Надеюсь, что Вы, с Вашим умом и свойственной Вам терпимостью, не рассердились на мои замечания о „Сев(ерных) цветах“. Стыдно автору таких стихотворений, как „Осенние цветы“, быть в обществе Ивана Коневского и Анастасии Минович» (ГБЛ. Ф. 386, 92. 12.) Позднее Лернер изменил свое отношение к творчеству Коневского. 8 мая 1904 г., ознакомившись с посмертным изданием произведений Коневского, он признавался Брюсову: «Теперь я вынужден расписаться в своей прежней дерзости. Мне стыдно и больно за мои прежние (3 года назад) слова о Коневском. Я тогда еще не дорос до него. А теперь — теперь я читаю его как близкое, родное» (ГБЛ. Ф. 386, 92.14). (См. также неопубл. ст. Лернера о Коневском. — ИРЛИ. Архив С. А. Венгерова (ф. 377. Картотека.)

⁸⁵ Это стихотворение было известно Брюсову по публикации при письме В. К. Кюхельбекера к Н. Г. Глинка в «Русском архиве» (1901. № 2. С. 239).

⁸⁶ Н. Мих. Соколов писал Брюсову в этой связи осенью 1901 г.: «Я виделся с двумя, которых очень любил наш милый Иван Иванович, передал им о Вашем прекрасном плане, и они откликнулись. Имя одного, кажется, Вам известно: Павел Павлович Конради; другой — очень талантливый мыслитель — Сергей Петрович Семенов. С радостью принимаю и я Ваш вызов. Каждый из нас может дать описание или изображение светлой личности нашего Ореу-

са, и от Вас зависит определить приблизительно время, к которому следовало бы подготовить воспоминания, чтобы издание не затормозилось» (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). В ответном письме Брюсов предлагал: «(...) не начнете ли Вы уже теперь розыски *писем* Ив(ана) Ив(ановича), из которых многие непременно должны бы войти в сборник? (...) Далее, не пора ли уже составлять те «воспоминания» и «характеристики», которые мы приложим к изданию? Кто именно предлагает их? Вы, Семенов, Конради — трое? или еще кто? Вот что мне кажется самым первым делом. Во всяком случае раньше осени 1902 года нельзя надеяться напечатать книгу, значит время есть. Хорошо бы весь материал собрать (хоть непереписанным) к середине декабря» (*ИРЛИ*. Ф. 444. Ед. хр. 42). 27 декабря 1901 г. Соколов сообщал Брюсову о перспективах работы над задуманным циклом воспоминаний о Коневском: «(...) на Рождестве будут составлены воспоминания о нем его любимого наставника Ф. А. Лютера, друга его детства И. Я. Билибина и друга его молодости А. Я. Билибина (...) Старший Билибин (Иван) опишет гимназические и первые университетские годы Ореуса, второй — последние. Лютер познакомит с его нравственным обликом, как друга и ученика. Все философские фрагменты и очерки переданы мною на просмотр и оценку С. П. Семенову» (*ЦГАЛИ*. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50).

⁸⁷ В сокращенной редакции эта статья была перепечатана в 1909 г. в антологию «Книга о русских поэтах последнего десятилетия»; в полном объеме и с присоединением «постскрипума» (1910) вошла в книгу Брюсова «Далекое и близкое. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М.: Скорпион, 1912). Многие характеристики, содержащиеся в статье «Мудрое дитя», повторены в позднейшем биографическом очерке Брюсова «Иван Коневской», написанном для издания «Русская литература XX века» под редакцией С. А. Венгерова. Брюсов выслал его в издательство «Мир» 15 сентября 1917 г. (см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 597. Оп. 1. Ед. хр. 80).

⁸⁸ *СП*. С. XIII.

⁸⁹ Там же. С. XIV.

⁹⁰ *ЛН*. Т. 85. С. 218.

⁹¹ *Смирнов* А. Указ соч. С. 83.

⁹² *ЛН*. Т. 85. С. 446. Аналогичную параллель проводит П. Н. Зайцев в статье «Жертва утренняя»: «(...) В. Иванов в некоторых отношениях близко соприкасается с Коневским, приводя к согласному ладу не успевшие найти форму образы последнего, и с величайшим правом оспаривая у других принадлежавшие Коневскому права и обязательства к Символизму, как вождя и учителя» (*ГБЛ*. Ф. 190, 71.27. Л. 3). С. Крымский [С. Г. Кара-Мурза], указывая, что Коневской в своих стихах «нередко употребляет архаические русские слова, из боязни банальным обиходным словом навлечь оттенок будничной пошлости на изображаемый предмет», также подмечает: «В этом отношении Коневской несколько напоминает другого, также мало известного, но весьма оригинального поэта Вячеслава Иванова» (Семья. 1904. № 6. 8 февр. С. 11).

⁹³ *ЗР*. 1908. № 7—9. С. 100.

⁹⁴ Письмо от 19 февр. / 3 марта 1904 г. // *ЛН*. Т. 85. С. 447. В статье «Символизм» («Simbolismo»), написанной в 1936 г. для Итальянской энциклопедии Треккани, Вяч. Иванов упоминает Коневского в числе крупнейших русских представителей этого направления, наряду с Блоком, Андреем Белым, Мережковским, Бальмонтом, Анненским, Сологубом, Брюсовым, З. Гиппиус, Волошиным и Балтрукайтисом (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 667). Имеются также сведения, что к творчеству Коневского проявлял интерес С. М. Городецкий. Вяч. Иванов сообщал Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в письме от 20 июля 1906 г., что Городецкий пишет о Коневском статью (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 248); этот замысел Городецкого, видимо, остался неосуществленным. В другом письме к Зиновьевой-Аннибал (от 8 июля 1906 г.) Иванов сообщал о своих беседах с Городецким, в ходе которых обсуждалась поэзия Коневского и прослеживалась линия преемственности по отношению к ней: «... мы пришли к соглашению, что нить действительно такова (Коневской, я, он)» (*Иванов Вяч.* Указ соч. Т. II. С. 757—758).

⁹⁵ См. письмо Блока к П. П. Перцову от 9 декабря 1903 г. (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 75). Ср. запись Блока, относящуюся к этому же времени: «Рецензии для „Нового пути“ 1904 (...) Коневской?» (*Блок А.* Записные книжки, 1901—1920. М.; Л., 1965: С. 57).

⁹⁶ *Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 598—599.

⁹⁷ Там же. Образ Петербурга — «города зыбкого, как мост на плотах», «с немymi, глухими домами», погруженного в «мир демонов, зловонных и холодных», — воссоздаваемый в стих. Коневского «Убийственный туман сгустился над столицей...» (1899), «Ведуны» (1900), «Среда» (1901) — *СП*. С. 98—99, 112—113, 119—121, — Блок воспринимает как цельное и верное поэтическое видение и развивает его в своей статье «Безвременье» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 78), в письме к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г. (Там же. Т. 8. С. 130) и в ряде стихотворений из урбанистических циклов. Влияние Коневского на творчество Блоком петербургской темы отмечал В. Н. Орлов (см.: *Орлов Вл.* Поэт и город: Александр Блок и Петербург. Л., 1980. С. 45—47). Подробный анализ воздействия Коневского на творчество Блока см. в статье: *Морберер В. Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН*. Т. 92, кн. 4. В своей бегло намеченной историософской концепции Петербурга и образно-символической трактовке русской столицы Коневской был также одним из предшественников Андрея Белого и его романа «Петербург».

⁹⁸ Бобров С. О лирической теме // Труды и дни на 1913 год. Тетр. 1 и 2. С. 135. Вспоминания о своих и Б. Л. Пастернака литературных пристрастиях в пору создания поэтической группы «Центрифуга», Бобров писал: «Ужасно любил Коневского, а за него и Брюсова (который уже от нас как-то отходил (...)). См.: Рашковская М. А. Поэт в мире, мир в поэте: (Письма Б. Л. Пастернака к С. П. Боброву) // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 140. Ср. противопоставление Коневского Блоку в дневниковой записи Боброва от 7 января 1913 г. (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 407). Б. Л. Пастернак дает своеобразную интерпретацию творческого метода Коневского в письме к К. Г. Локсу от 13 февраля 1917 г. (ВЛ. 1972. № 9. С. 157). В. Г. Шершеневич проводил параллель между опытами Коневского и принципами «научной поэзии», сформулированными Рене Гилем (Шершеневич В. Футуризм без маски: Компильтивная интродукция. М.: Искусство, 1913. С. 32). Н. Поляков видел черты сходства с поэзией Коневского в творчестве малоизвестного поэта-символиста А. Диесперова (см.: Поляков Н. Молодые искатели // Юность. 1907. № 1. С. 8). Следы влияния Коневского находили и в творчестве В. Хлебникова; ср.: «Хлебников шел во многом от таких символистов, как Коневский, Вяч. Иванов (...)» (Саянов В. Очерки по истории русской поэзии XX века. М., 1929. С. 96).

⁹⁹ Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 163. Отметим попутно, что еще более высокую оценку, чем Брюсов, дал творчеству Коневского П. Н. Зайцев в неопубликованной статье «Жертва утренняя» (1914). Отталкиваясь от брюсовской характеристики, Зайцев утверждал, что Коневской «не только „мудрое дитя“, но и муж высоких деяний», проводил параллели между Коневским и поэтами-символистами 1900-х годов, надеялся на пробуждение широкого интереса к безвременно погибшему поэту в будущем: «В символической поэзии можно проследить влияние Коневского полосами, местами. Например, внутренняя преемственность от Коневского видна во многих произведениях „Нечаянной Радости“ Блока, который соприкасается порой с Коневским (ближе?), чем В. Иванов. Но у Блока нет крепости, нет и властного утверждения своей личности. В его поэзии в целом отсутствует фокус, которым так сильна поэзия Коневского. Его лады звучат и в других поэтах. Но вся сила его поэзии, ее влияние — в будущем. Как Тютчева — Коневского не хотят помнить теперь. И это почти хороший радующий признак: еще не пришло его время. Но с тем большей радостью, с тем большей любовью придут к нему...» (ГБЛ. Ор. 190, 71. 27. Л. 3—4). В 1913—1914 гг. Вл. Нарбут готовил к печати неизданные произведения Коневского и статью о нем (см.: Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Нарбут В. Избранные стихи. Paris, 1983. С. 10—11). 8 ноября 1911 г. Нарбут писал Брюсову: «Не взяли бы Вы у меня статьи (больше биографической) „И. И. Коневской“? При составлении ее (она еще не совсем закончена) в мои руки случайно попали новые данные, относящиеся гл(авным) обр(азом) к характеристике этого юноши поэта. Упомяну, что в статью вошло и неск(олько) стихотворений) последнего периода жизни Ореуса. В сборнике изд. „Скорпион“ их нет(...) Или, быть может, лучше издать отдельно, книжкой (2—3 листа) — „И. И. Коневской“?» (ЛН. Т. 92, кн. 4. С. 173). Замышлявшееся Нарбутом издание в свет не вышло. Упомянутые им стихи остались неизвестными.

1. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 18 декабря 1898 г.)

Спешу известить Вас, многоуважаемый Валерий Яковлевич, что рукописи А. Добролюбова мне в тот же вечер были возвращены в исправности ¹. Очень благодарен Вам за присылку двух сборников Ваших ² и трех переписанных для меня новых стихотворений ³. Самым удачным из всего написанного Вами я считаю покуда: «Со всеми мы братья...», «Мечтатели, сибиллы и пророки...» и в сборнике «Me eum esse» пьесу «Утро» ⁴. «Сбор на колокол» мне нравится по прочтении не настолько, как названные стихи. Некоторые строфы мне внушают чувство в «Vestalis Virgo» («на холодном полу галереи, в полумраке больном...») — хотя эти два стиха действуют крайне болезненно ⁵, в № 7 из «Раздумий» — качание ступеней над бездной и «голос спасенья откуда-то издали... свыше», и в особенности четверостишие:

Неверное только движенье,
Хоть шаг по заветной дороге —
И нет ни стыда, ни тревоги,
И вечно, и вечно паденье ⁶.

В этих стихах — есть головокружение волчка, вертящегося на свинцовой оси в зеленовато-черной мировой сфере.

В поэме «Дебри» я заполнил пробел — переход от второй к последней части ⁷. В скором времени отдам всю эту поэму в переписку на печатной машине, и тогда отошлю Вам один экземпляр ⁸.

Спишу известить Вас, многуважаемаго Валеріа Григорьевича, что рукопись А. Добролюбова мною в тот же вечер была возвращена в исправности. Очень благодарен Вам за присылку двух сборников Ваших и трех переписанных для меня новых стихотворений. Сильно удивил меня из всего написанного Вами я считая покуда, «Со всеми мы братья...» «Мечтатели, сибиллы и пророки...» и в сборнике «Месит все плесу, Утро». Сборник колокол мне нравится по прочтении не настолько, как по названию стихи. Некоторые строфы мне внушают чувство в «Vestalis Virgo» («на холодный пол залези, в полушарик болванок...» — хотя эти два стиха кажутся крайне бездарными).

ПИСЬМО Н. И. ОРЕУСА БРЮСОВУ

Автограф. Петербург, 18 декабря 1898 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Радуюсь в творчестве Вашем освобождению от любви к экзотическим и феерическим словам, от которых всегда один шаг до фиглярской мишуры. Такие слова (как «ажурный», «идеальный», «сплин», «принцесса», «пурпурный», «альков», «каскад») всегда напоминают стиль афиш, объявляющих о диковинных представлениях в цирке⁹.

После Нового года надеюсь доставить Вам на недолгое время рукопись моих критических очерков о Laforgue¹⁰ и Verhaeren¹¹. Убедительно советую Вам не обращать внимания на Merrill, Montesquiou, Moréas, Kahn¹² и т. п., и тщательно изучить роскошное и глубокое творчество таких поэтов, как Vielé-Griffin и H. de Régnier. Они всё совершенствуются и устроятся. Их творческий пыл достигает зенита в самых новых сборниках — у того и у другого. «Clarté de Vie» Вьелэ-Гриффина¹³, «Jeux rustiques et divins» де Ренье¹⁴ изобилуют мастерски-гармоничными поэмами, в которых поистине чувствуется новая поэтическая жизнь. Я жду с нетерпением новой книги — вероятно, очень объединенного внутренне цикла стихов Вьелэ: «Phocas le Jar-

dinier», которая в свет уже появилась и выписана мною¹⁵.

Вы бы очень одолжили меня, доставив мне список вашего перевода поэмы Вьелэ-Гриффина: «Ronde des Cloches du Nord»¹⁶, а также произнесенный Вами передо мной перевод песни Матерлинка¹⁷.

В ожидании поэмы «Дебри» примите список трех мелких стихотворений, кажется, заслуживших Ваше внимание¹⁸.

Преданный Вам Иван Ореус

98 18/XII

¹ Находясь в Петербурге, Брюсов записал 14 декабря: «Утром был у Ореуса. Болезненный юноша, с нервными подергиваниями; немного напоминает Добролюбова былых дней, но менее привлекателен. Весь занят новейшими французскими поэтами, Vielé-Griffin, Régnier, Verhaeren (...) Мы не очень-то сошлись с ним. Взял у него рукописи А. Добролюбова» (Дневники. С. 57—58). В тот же день Брюсов выехал из Петербурга в Москву, возвратив Коневскому перед отъездом автографы произведений Добролюбова.

² ChdO 2 и МЕЕ.

³ Брюсов выслал Коневскому автографы стихов: «Духи земли» («Со всеми мы братья...», 1898), «Числа» («Мечтатели, сибиллы и пророки...», 10—11 августа 1898 г.) и «Песня сборщиков» («Пожертвуйте, благодетели...», 24 августа 1898 г.). Эти стихи, объединенные в одну подборку, сохранились среди писем Брюсова к Коневскому (ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 9—10об.). Все они впервые опубли. в КР: первое и второе без заглавия, третье под заглавием «На новый колокол»; см. также I, 232, 133 и 283.

⁴ Стих. «Не плачь и не думай...» (1896) под заглавием «Утро» опубли. МЕЕ; см. также I, 129.

⁵ Стих. «Vestalis virgo» * («О весталка! фиалка морей!...» — ChdO 2) затем печаталось под заглавием «К монахини» (I, 72—73).

⁶ Цитируется стих. «Свиваются бледные теш...» — 7-е в цикле «Раздумья» (ChdO 2, С. 56—57; I, 88—89). Последние строки стихотворения Брюсов впоследствии переработал:

* Весталка (лат.).

Послышится ль голос спасенья:
Откуда — из бездны или свыше?

(ПСС. I. С. 130)

⁷ По-видимому, на вечере у Сологуба 12 декабря Коневской читал поэму «Дебри», получившую высокую оценку Брюсова (см. вступ. ст. и прим. 9 к ней, а также черновик письма Брюсова к Добролюбову от декабря 1898 г.: «Его „Лес“ замечателен» — *Тетради*, п. 98.) С посвящением Владимиру Гиппиусу поэма опубл. в *КР*; см. также: *МД*. С. 81—87 и *СП*. С. 30—35.

⁸ Этого намерения Коневской не осуществил (см. п. 3).

⁹ Имеются в виду поэтические образы из стихотворений, включенных в *ChdO 2*: «пурпурная ночь», «у пурпурных небес» («С кометы»), «синий алыков» («Ваувау»), «раскаленный сплин» («Скала к скале; безмолвие пустыни...»), «спящая принцесса» («Поцелуи»), «ажурный навес», «брызги каскада» («Идеал»), «голубой каскад» («Снега»). В стих. «По поводу Chefs d'oeuvre», включенном в *МЕЕ*, Брюсов сходным образом расценивает «экзотические и феерические» «картины» своей предыдущей книги:

Нет! не читай этих вымыслов диких,
Ярких и странных картин!

(I, 102)

¹⁰ Жюль Лафорг (1860—1887) — французский поэт-символист.

¹¹ Отдельные очерки и статьи 1896—1899 гг. о творчестве французских поэтов (Верлена, Лафорга, Верхарна, А. де Ренье, Вьеле-Гриффена) Коневской позже объединил в обширную работу «Стихотворная лирика в современной французской поэзии» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6). Начальная глава этой работы — «Предвещающий протест новых поэтических движений» (Стихи Лафорга) — была подготовлена к печати Брюсовым и вошла в посмертную книгу Коневского (*СП*. С. 170—189). Глава о Верхарне (1897) опубликована не была. Коневской писал: «Немного раньше Лафорга, но уже переживши тот возраст, до которого тот всего только и дожил, выступил во французской поэзии фламандец Эмиль Вергерен (Emile Verhaeren). Пятью годами старше Лафорга, он однако в гораздо большей мере, чем тот, знаменует поворот к мистикам нового типа, последовавшего за тем, во главе которого можно поставить не столько Верлена (ибо он витает над обоими), сколько классика сумбурности Малларме. Усугубляя ужас лафоровского восприятия жизни, чуждый его кислому юмору и ноющей жалостливости, он именно тем и отрывается от хилости, расхлябанности такого типа поэзии и выказывает себя натурой сочной и могучей, почти богатырской, несмотря на глубокотаящиеся в нем семена тлена. Его напевы мук жизни — это уже не нежные стоны сердобольного печальника, это — пророческий вещий вой, преисполненный широкого трагизма (...) Столь же, сколько Лафорг, этот поэт измучен мыслительной борьбой, но в еще большей мере — взрывами буйной воли» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12об.). Об отношении к Верхарну Брюсова см. вступ. ст. и прим. 54 к ней.

¹² Стюарт Мерриль (1863—1915) — французский поэт (родом из США), примыкавший к символистам, последователь Ст. Малларме и П. Верлена. Брюсов интересовался его творчеством и предполагал охарактеризовать его в задуманной, но неосуществленной статье «О новейших французских поэтах» (наряду с Вьеле-Гриффеном, А. де Ренье, Э. Верхарном и А. Ретте). См. письмо Брюсова к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 446). Перевод Брюсова из Мерриля («Первый снег», 1896) см.: *ПСС XXI*.

О Р. де Монтескье-Фезенсак см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 28, прим. 9.

Жан Морэас (наст. имя Яннис Пападиамандопулос, 1856—1910) — французский поэт (родом из Греции), один из вождей символистского движения 1880-х годов и создатель самого термина «символизм».

Гюстав Кан (1859—1936) — французский поэт-символист, прозаик, критик.

¹³ Сборник стихов «Сияние жизни» («La clarté de vie», 1897) одного из ведущих представителей французского символизма Франсиса Вьеле-Гриффена (1864—1937).

¹⁴ Сборник стихов «Игры поселян и богов» («Le jeux rustiques et divins», 1897) видного французского поэта символистской школы Анри де Ренье (1864—1936), впоследствии — известного прозаика.

¹⁵ Книга Ф. Вьеле-Гриффена «Садовник Фока» (1898). Ср. сопоставительную характеристику Вьеле-Гриффена и де Ренье в «Записной книжке № 11» Коневского (1900): «Вьеле-Гриффен и де Ренье — полные изощрения, таинственности и отчужденности, истинно проникновенные и многообъемлющие гении. Из них второй — гораздо более внешний, но мастер, несравненный в изображении всей пластики и убранства жизни сельской, дворцовой и воинской; он, видя во всей полноте принадлежности всех явственных образов и обликов мира, видит их всегда в войне, видит сверху светлой поверхности и красок все гени, призраки и все невидимые лица, неслышимые отголоски, которые за ними. Первый — до тонкости самоуглубленный, и весь обвешанный крепким и нежным дыханием» (*ЦГАЛИ*. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2об. — 3).

¹⁶ «Хороводная песня колоколов севера». См. п. 2, прим. 10.

¹⁷ Перевод песни М. Метерлинка «Et s'il revenait un jour?..» («А если он возвратится...»). Опубл. в *КР*. См. также: *Стихотворения и поэмы*; перевод помещен здесь с редакторской датировкой: «(1899)» — год издания *КР*; однако рукопись перевода, высланного Коневскому (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7), датирована Брюсовым: 1895. Текст перевода был послан Брюсовым

Перцову в письме от 19 декабря 1895 г. (*Письма к Перцову*. С. 57). Автограф перевода см. также: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/8. Л. 2об.— 3).

¹⁸ Приложены стихи от июня 1897 г.: «Под звук ущелья», «В листве», «Силы» (*МД*, 45—47; *СП*, 21—23; *ГБЛ*. Ф. 386, 97.8. Л. 16—16об.).

2. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 4 января 1899.

Простите, друг мой, что так долго не отвечал. Были праздники, и я блуждал в толпе, которую очень люблю, настоящую смешанную толпу, где и пьяные, и нищие, и изящные дамы. Теперь возвращение к книгам и раздумиям. Полуосенний дождь. Вечер. Вы не любите резкого, яркого, — вот почему Вам близок Verhaeren для меня слишком бледный, слишком длинный, слишком обдуманный... Даже и Vielé-Griffin. Живее чувствую Верлена¹. Как можете Вы осуждать Mallarmé². Говорят о непонятности, — но предубеждение! Он прав. Читать его — создать то же, что он, и понять, что иного слова, иного звука не могло быть.

Quelle soie...

Vaut la torse et native nue

Que, hors de ton miroir, tu tends!³

Разве это не для вечности! А еще: “Une dentelle s’abolit Dans le doute du Jeu suprême”⁴ — или “Le transparent glacier des vols qui n’ont pas fui!”⁵ — Здесь я читал многим Ваши стихи, живее других их приветствовал Георг Бахман (немецкий поэт, его книга стихов Berlin, 1897)⁶. Почему Вы пишете правильным размером? Мы, помнится, говорили об этом. Неужели красиво это позорное и утомительное чередование ударений и quasi-ударений? Впрочем, у Вас есть почти — свобода (Листва ты явленная)⁷. Я призываю Вас и всех, с кем говорю, бороться против этих ненужных стеснений⁸. Le vers est libre et nulle forme fixe n’est plus considérée comme le moule nécessaire à l’expression de toute pensée poétique (Vielé-Griffin)⁹. Из моего перевода Avril est mort посылаю начало: переписывать скучно, да и любопытно лишь как попытка¹⁰. Затем Maeterlinck¹¹ и два совсем недавно написанных¹². Очень буду рад получить «Лес»¹³ и прочесть о Laforgue и Verhaeren¹⁴.

Душою Ваш Валерий Брюсов.

P. S. Умер Rodenbach¹⁵. Знали ли Вы его? Есть вещи милые и ласкательные.

Ответ на п. 1.

¹ Об отношении Брюсова в 1890-е годы к поэзии Верлена см.: *Мирза-Авакян М. Л.* Работа Брюсова над переводами «Romances sans paroles» Верлена // *Чтения 1966* (приведены заметки о Верлене из записных тетрадей Брюсова). В статье «К истории символизма» (1897) Брюсов характеризует поэзию Верлена, Рембо и Малларме — трех поэтов, которые «создали славу символизму» и внесли «свое в реформу поэтического языка» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 272).

² Брюсов и Коневской, видимо, беседовали о поэзии Малларме в декабре 1898 г. в Петербурге. Суждение о Малларме см., например, в статье Коневского «Предводящий протест...»: «...бегство в мир восторгов и иступлений выражалось в уродливых или бессильно-выкрутасных формах, как (...) намеренно искорченный, не то иероглифический, не то контрапунктический язык Малларме» (*СП*. С. 175). См. также п. 1, прим. 11.

³ Цитируется первый катрен сонета Малларме «Каким шелкам...» (1885):

Каким шелкам в провалах лет,
Где множество химер истлело,
Сравниться с наготою тела
В глубинах зеркала? О нет!

(Перевод А. Ревича)

Брюсовым опущены первые две строки:

Quelle soie aux baumes de temps
Où la Chimère s’exténue...

⁴ Первые две строки сонета Малларме «Кружево» (1887): «Кружево уничтожается // В сомнении высшей игры». В *РС 1* эти строки взяты эпиграфом к стих. «Осеннее чувство». Брюсовский перевод эпиграфа см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 2.15. Л. 89об.

⁵ Четвертая строка из сонета Малларме «Лебедь» («Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...», 1885). Подстрочный прозаический перевод Брюсова (1895): «прозрачный ледник полетов, которые не бежали»; стихотворный перевод 1895 г.: «На ясном леднике полеты без следа»; стихотворный перевод 1906 г.: «Полетов ясный лед, не знавших высоты!». Варианты 1895 г. см.: *Гаспаров М.* «Постскриптум» в разделе «Мастерская художественного перевода» // *Лит. учеба*. 1981. № 5. С. 227; вариант 1906 г. — *ПСС ХХI*. С. 86.

⁶ Сборник стихотворений Г. Бахмана «Образы и звуки» («Gestalten und Töne». Berlin, 1897). Сохранился в библиотеке Брюсова с дарственной надписью: «Валерию Брюсову на память о беседе о Верлене и Тютчеве. G. Bachmann 28.X». На «субботах» Бахмана собирались литераторы из окружения Брюсова: «все присутствующие знали, что *здесь* каждый стих будет оценен по достоинству, что *здесь* не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма» (*Брюсов В.* Мои воспоминания о Викторе Гофмане // *Гофман В.* Собр. соч. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917. Т. 1. С. XXXVII). Ср. также некрологическую статью Брюсова «Памяти Георга Бахмана» (Весьм. 1907. № 7; подпись: Аврелий): «Поражая своим знанием литературы, всех народов, всех стран, всех эпох, Бахман поражал еще более своей способностью видеть красоту во всех ее проявлениях, и не только видеть, но и открывать ее другим» (с. 55). Сохранилось письмо И. М. Брюсовой к Н. Л. Степанову от 26 января 1934 г., где она сообщает о своем, так и не осуществленном намерении записать воспоминания вдовы Бахмана: «7 января, то есть накануне смерти Белого, умерла Ольга Михайловна Бахман, та самая вдова Г. Г. Бахмана, которую Вы у меня видели в здравом уме и полной памяти, которую видела и слышала в свое время Ореуса и других поэтов. Умерла она внезапно у себя ночью. Все ее имущество, вместе с рукописями и разными реликвиями, перешло в чуждые литературе руки нотариальной конторы, как «вымороченное» (?) *. Я что-то только приблизительно знаю это слово. Все собиралась я записать за Ольгой Михайловной ее литературные воспоминания, откинув из них все бытовые и кулинарные примеси...» (архив Н. Л. Степанова).

⁷ Имеются в виду заключительные строки стих. Коневского «Силы» (см. п. 1, прим. 18): «Листва, ты — явленная // Невеста нетленная!».

⁸ Ср. более подробное изложение сходных мыслей в письме Брюсова к Случевскому от 27 марта 1899 г.: «Мне всегда казалось невозможным никакое принуждение извне к той или иной форме в поэзии. Мне было безусловно ясным, что размерам нельзя учиться из учебника теории словесности, но что их надо постигнуть душой. Поэтому я мало обращаю внимания, можно ли мои стихи размерить ямбами или дактилями, мне довольно, если они хорошо звучат» (*Лит. критик*. 1939. № 9—10; *День поэзии*. 1963. М., 1963. С. 251). Анализ стиховедческих взглядов Брюсова второй половины 1890-х годов см. в работе: *Взгляды Брюсова на языковую приемлемость*.

⁹ «Стих свободен, и нет такой твердой поэтической формы, которая служила бы образцом для выражения любой поэтической мысли (Вьеле-Гриффен)». Источник цитаты установить не удалось.

¹⁰ См. п. 1, прим. 16. Перевод «Хороводной песни колоколов Севера» Вьеле-Гриффена, приложенный к письму (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7. Л. 7—8об.), опубликован не был; приводим его текст:

Умер апрель от любви, и души наши устали...

— Мертвые, бледные розы —

Словно полной реки берега

Развиваются прошлого грезы,

Желанья, восторги, печали.

Словно полной реки берега:

Спящие деревни,

Города, соборы,

Замок гордый, древний,

Лес, равнина, горы...

В бездне беззвездной, куда упали

Камень за камнем недавние годы

— Желанья, восторги, печали,--

Кто различит прихотливые своды,

Колонны, сверкавшие в зале?

Вот они — мертвые, бледные розы,

— Лепестки в пыли на дороге —

Они вызывали столь нежные грезы,

Они создавали восторг бытия!

Теперь же их топчут тяжелые ноги,

Никто их не вспомнит, не вспомню и я...

— Мертвые, бледные розы! —

* Знак вопроса поставлен И. М. Брюсовой.

Сегодня бал на Северном Мосту,
Сегодня бал на Северном Мосту.

Музыка шопота, шороха, смеха,
— Звук и отзвучное эхо.—
Голос твой слышу в чужих разговорах,
Веер твой слышу — застенчивый шорох,
Вижу — твоя промелькнула улыбка...
И плачет, и плачет задумчиво скрипка.

См. также автограф стихотворного перевода Брюсова в записной тетради № 21 («Лето 1895 г.») — ГБЛ. Ф. 386, 2.22. Л. 44—46 об.; перевод в прозе — Там же. Л. 47 — 50 об. См. также блокнот «Моя стихи» (Там же. 14. 5/4. Л. 21).

Задумав издавать в конце 1895 г. журнал «Горные вершины» (см.: *Тетради*, п. 39, прим. 18), А. М. Добролюбов писал Брюсову: «Присылайте „Avril est mort...“, переводы из Мерриля и других французских символистов, Ваши оригинальные произведения и т. п.» (ГБЛ. Ф. 386, 85.16).

¹¹ См. п. 1, прим. 17.

¹² Судя по характеристике в ответном письме Коневского («стихотворения о праздниках»), Брюсов выслал автографы стих. «Рождество Христово» («Он вопел к ней с пальмовой ветвью...», 23 декабря 1896 г.) и «Пасха, праздникам праздник» («Проклинайте молодость...», 25 декабря 1898 г.). Эти автографы сохранились среди писем Брюсова к Коневскому (ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 44—45 об.). Второе стихотворение в автографе имеет посвящение: «(Посвящается), как подражание, Вл. Гиппиусу»; имеется в виду, видимо, стих. Вл. В. Гиппиуса «Лёля» («Лёля, праздник! Надень свое белое платье!..» — *Гиппиус Вл. Песни*. СПб., 1897). В неотправленном письме к Сологубу («1898. Рождество») Брюсов сообщал: «"Праздникам праздник" написано к девочке, лет четырнадцати («Едва ли ей было четырнадцать лет, Так задумчиво» etc. И «Умри, умри, триолет, Ей только четырнадцать лет...»), но чтобы Вл. Гиппиус не сказал, что я их взял у него, посвящаю ему» (ГБЛ. Ф. 386, 72.37); стих. «Едва ли ей было четырнадцать лет...» опубли.: *МЕЕ*; I, 108; оба стихотворения о праздниках — *TV*; I, 205, 206; «Умри, умри, триолет...» — не опубликовано.

¹³ Т. е. рукопись поэмы «Дебри».

¹⁴ См. п. 1, прим. 10, 11.

¹⁵ Крупнейший бельгийский поэт и прозаик-символист Жорж Роденбах (1855—1898) умер в Париже 25 декабря.

3. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 1899 г. 6 января.

Благодарю Вас, милый Валерий Яковлевич, за письмо и списки Ваших стихов. Очерки о Laforgue и Verhaegen в скором времени получите, а поэму «Дебри» найдете в сборнике, который будет выпущен в конце этого месяца Бальмонтом и в который включены будут избранные стихотворения его, Ваши, Ф. К. Сологуба и мои ¹. К великому прискорбию всех участников в сборнике, Вл. В. Гиппиус отказывается от участия ². Очень жаль, что вы не переписали до конца перевода из Vielé-Griffin: начало кажется мне очень удачным, не менее перевода «песни» Maeterlinck. Ваши стихотворения о праздниках меня совсем не удовлетворяют ³.

Вьелэ-Гриффин обаевает меня сочетанием тонкой сложности и углубленности мысленных мотивов с изобилием образов, подчас — душевных, нежных, подчас — державно-великолепных. Сопоставьте его победоносный эпилог к «Cueille d'Avril» с тихо и ясно таинственными думами из «Clarté de Vie», вроде «Sieste» или «La Coupe» ⁴.

Далее замечу, что Вергэрена люблю именно за яркость и сочность его красок, ваятельность рисунка, и вообще — богатырскую крупность внутреннего строя его творчества ⁵. Верлэн часто слишком для меня жидок и дымчат.

В сборник, издаваемый Бальмонтом, включены будут также, по моей мысли, те величавые ясновидящие стихотворения Фофанова, которые затеряны среди груд хлама, загромаждающих творчество этого поэта, и должны явить читателю мало заметный истинный образ его ⁶.

Преданный Вам И. О р е у с.

Ответ на п. 2.

¹ Имеется в виду «Книга раздумий» (цензурное разрешение 26 марта 1899 г.), печатание которой, однако, задержалось до ноября (см. п. 18, прим. 5). Издана она в измененном составе относительно сообщаемого плана — без стихов Сологуба и с дополнением цикла стихотворений Модеста Дурнова «Красочные сны».

² Этот поступок Вл. В. Гиппиуса был, видимо, одним из демонстративных проявлений его «отречения» от «декадентства» в конце 1890-х годов, о котором он сообщает в автобиографии «О самом себе» (ИРЛИ. Ф. 377. 2-е собрание автобиографий С. А. Венгерова. № 184. Л. 4). Подробнее см. в предисловии И. Г. Ямпольского к публикации писем Коневского к Вл. В. Гиппиусу (*Ежегодник 1977*. С. 84—86). Отход Гиппиуса от крайностей декадентства наметился еще в 1897 г.; ср. письмо З. Н. Гиппиус к Сологубу от 7 июня 1897 г.: «У нас был Гиппиус. Он читал мне свои стихи, и многие, действительно, очень недурны. Я рада за него, декадентничанье его, Добролюбова и Квашнина было жалко и стыдно, хорошо, что он один сумел это победить» (ЦГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 21; упоминается Евдоким Николаевич Квашнин-Самарин — 1879—1921 — поэт, близкий к А. Добролюбову и Вл. Гиппиусу, впоследствии — морской офицер).

³ См. п. 2, прим. 12.

⁴ Сборники стихотворений Вьеле-Гриффена «Апрельский сбор» (1895) и «Сияние жизни» (см. п. 1, прим. 13); стихи из второго сборника — «Сиеста» и «Чаша».

⁵ Ср. характеристику Верхарна в работе «Стихотворная лирика в современной французской поэзии»: «Поэт, буруеваемый накипью густой фламандской крови, до основ потрясаемый, как художник, волнуемой вкруг него картиной, уложил, не долго думая, в эту претившую ему, но слишком обаятельную валку богатый запас своей неудержимой жизненной энергии. Здесь-то сообщился ему закал, дух упорства и настойчивости в ковке мироизображения, гордыня отчетливой мысли, гордыня созидательной воли. Этой атмосферой порожден был один из стилей его поэзии — тяжелыми валами катящийся, полновесный, литой стих, и отчетливая чеканка каждого образа» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 16—16 об.).

⁶ Стихотворения Фофанова в «Книгу раздумий» не вошли. Среди черновых набросков статьи Коневского о Фофанове сохранилась такая запись: «Самые торжественные и величавые звуки Фофанова: «Утешитель», «Милосердие», «В тихом храме», «Отче наш», «На Неве», «Шествие ночи» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 50б.). Возможно, что именно эти стихи он предлагал включить в готовящийся сборник.

4. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 26 янв(аря) 1899.

Ваши тетради прочел, и уже давно¹, и Вас приветствую. Да, это торжество, и тоже «дух на своих независимых путях подходящий к таинственному»². Что говорим мы о наслаждениях искусством, все было мне в Ваших стихах. Теперь неизменно повторяю отрывочные стихи, слова, созвучия. Вышим, самым желанным считаю я сонеты, и среди них «Сын Солнца», круг всем блистающий, где заключительная речь — изумительная, потрясающая... «Пребудешь ты ожесточенно жив»³ — этого стиха мне довольно, чтобы любить Вас отныне вечно.

Валерий Брюсов.

¹ Творческие тетради Коневского не сохранились. Стихи из них были скопированы И. М. Брюсовой (ГБЛ. Ф. 386, 4.5, а также 129.41). В январе 1899 г. Брюсов записал: «Любопытнее всего были три тетради Коневского, которые привез с собой Бальмонт. Мы все были увлечены, читали, переписывали, выучили наизусть. Я написал ему восторженное письмо, хотя и знал заранее, что получу сдержанный отзыв» (Дневники. С. 60).

² Неточная цитата из статьи Коневского «Перед живописью Швинда» (1897 — МД. С. 97; СП. С. 140).

³ Цитата из пятого, заключительного сонета цикла Коневского «Сын Солнца» — «От солнца к солнцу» (1896 — МД. С. 40; СП. С. 18). Цикл посвящен «другу моему Асканию» — Александру Яковлевичу Билибину (1879—1936) — впоследствии профессору математики, брату художника Ивана Яковлевича Билибина (1876—1942). Асканий — гимназическое прозвище А. Я. Билибина. Дружба Коневского с А. Я. и И. Я. Билибиными, начавшаяся еще в гимназические годы, особенно тесной стала в университетский период. Подробнее о создании цикла см. в статье Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 55—56).

А. Я. БИЛИБИН

Фотография А. Семенов. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

5. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 27 января 1899 г.)

Милый Валерий Яковлевич
полный признательности к Вам за истинные и пламенные чувства Вас одушевляющие, спешаю доставить Вам некоторые новые стихотворения¹. Многократно извиняясь за продолжающееся замедление в доставке очерков Laforgue и Verhaeren², решаюсь обещать их Вам наверное, на срок, не более поздний, чем 10-е февраля. В настоящее время пишу характеристику поэзии de Régnier³. Задержана же была и есть посылка двух других очерков тем, что они находились до сих пор в чтении у Гиппиуса, а в самом близком будущем мне надо будет их прочесть вслух в обществе, собирающемся у автора нескольких отличных тонкими суждениями статей по критике живописи (о Владимирском соборе: «Мир Божий» 1898 г., № 3, и о Бёклине), вообще — любителя современных форм искусства, С. К. Маковского⁴. Теперь, вместе с этим письмом, охотно могу доставить Вам мою лирическую характеристику Бёклина⁵. Она сблизит меня с названным Маковским и не открыла доступа в журнал

«Мир искусства», редактор которого Дягилев мне объяснял свое несогласие напечатать ее весьма уклончиво, а Маковскому прямо заявлял, что ни слова в ней не понял⁶. Последний же, тщательно изучивший и облюбовавший живопись великого швейцарца, высказывал мне, что рад был бы познакомиться из этого очерка мыслями для своей характеристики.

Только так же ознакомился через Бальмонта с книжкой стихов: «Gestalten und Töne» Бахманна⁷. Главное достоинство этого поэта — музыка стиха, его размер и напев. Образы по большей части не отвечают этим звуковым формам. Но внезапно, особняком выделяется из общего, часто водянистого тона этой поэзии прямо могучее стихотворение «Das Erdthier», в котором гибкость и трепетность стиха — в кровном союзе с дерзновенной силой, величием и ширью образов. Несколько даже возбуждает недоумение строгая страстность этого стихотворения среди расплывчато-мягких, сказочных мотивов, руководящих всем остальным, что есть неподдельного в творчестве автора (таковы баллады «vom Alpensee», «von der Blume des Meeres» — вещи истинно поэтические). Точно так же особняком выделяется, хотя и ближе к тем нежным мотивам, но все же отмечена совсем особенным, очень живым и светлым чувством или только — предчувствием радости, пьеса «Vom toten Sänger»⁸. Таким образом выносится впечатление, что личность автора — в значительной мере вялая, но одаренная многообразными силами и способная шире развернуться.

Кстати, об одной большой литературной симпатии Вашей, Franz Evers, которого я знаю по трем сборникам: «Königslieder», «Eva», «Paradiese»⁹. Если

знать только "Königslieder", так можно было бы не обинуясь решить, что это — неискusstный фигляр, наглотаившийся современных слов. Изменяют это решение некоторые, немногие пьесы из "Eva", совсем притом не характерные для настроения, на которое претендует первый сборник (напр(имер), "Schwüle" — лучшее в книге "Eva"); наконец, внушают даже доверие к некоторым «сверхчеловеческим» порывам поэта некоторые стихотворения из "Paradiese", отмеченные глубокой проникновенностью ("Der Greis spricht") или дерзостью страсти ("Frühling", "Natur") или даже — одно — истинным мировым прозрением ("Feierstunde")¹⁰. Все же эти чистые струи в творчестве Эверса не искупают того непомерного самодовольства, побуждающего его в фальшивых, недоношенных словах трубить о своих несовершенных победах, которое бьет в нос, когда читаешь "Königslieder".

Посылаю Вам сердечный привет.

Иван О р е у с.

27 января 1899 г. Пб.

Ответ на п. 4.

¹ Письмо начиналось стихотворениями: «Единственный плач» (1898, при публикации: «Элегия» — МД. С. 188; СП. С. 54); «По праву рождения» (1898 — МД. С. 164; СП. С. 49); «На другое утро» (1899 — МД. С. 183; СП. С. 58); «Зимняя ночь» (1899 — МД. С. 169; СП. С. 58); «В роды и роды. II» («Много на свете сокровищ несметных...», 1899 — МД. С. 166; СП. С. 57). Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 12—15 об.

² См. п. 1, прим. 10, 11.

³ Статья «К характеристике Henri de Régnier» вошла в состав работы «Стихотворная лирика современной французской поэзии» (см. п. 1, прим. 11), л. 26—32, 34—37 об.

⁴ Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — сын художника К. Е. Маковского, художественный критик, поэт, впоследствии — редактор журнала «Аполлон» (1909—1917). Упоминаются его статьи «В. М. Васнецов и Владимирский собор» (Мир Божий. 1898. № 3) и — тогда еще не напечатанная — «Арнольд Бёклин. Критический очерк» (Там же. 1899. № 4). В 1897—1900 гг. Маковский был студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. О знакомстве с Коневским Маковский вспоминал: «Летом 1898 года одновременно (...) путешествовали мы — по южной Германии, еще не зная друг друга, и оба увлеклись живописью Бёклина. Познакомился я с ним, уже перейдя на третий курс, и тотчас сошелся. Разговорились как-то в университетской шинельной, после лекции Введенского (...) Провожая меня через Неву, он говорил без умолку о поэзии, о литературе, с цитатами на нескольких языках, и тут же пригласил к себе "во вторник вечером", когда приходили к нему поэты. С этого дня мы встречались часто, и разговор немедленно возобновлялся на те же волнующие его темы» (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 179).

⁵ Статья «Живопись Бёклина. Лирическая характеристика», датируемая автором «Август 1897. Июнь 1898» (МД. С. 149—158; СП. С. 160—169).

⁶ Маковский, рассказывая о попытке Коневского вступить в контакт с редакцией «Мира искусства» (С. П. Дягилевым и Д. В. Filosoфoвым), объясняет неудачу этого предприятия исключительно крайней застенчивостью и «конфузливостью» поэта: «Как-то с увлечением рассказывал я о нем в редакции "Мира искусства", после чего посоветовал ему заглушить со своими стихами и статьями и Дягилеву и Filosoфoву... Неделий позже встречаю Дягилева: идет нарядный, сияющий по Невскому. Весело поздоровался и сразу залился смехом:

— Ну, нечего сказать, какое чудило — ваш протеже Коневской. Представьте: явился в редакцию, едва стоит на ногах от конфуза, зуб на зуб не попадает. В руках — увесистый сверток... Я протянул ему руку, предложил сесть... Батюшки мои! Заторопился, задержался, и — бац, шлепнулся мимо стула на пол! Мы с Димой бросились поднимать... Да он вскочил и вольком выкатился вон со своим свертком, так и не сказав ни слова!

Кажется, этим инцидентом сотрудничество Коневского в "Мир искусства" и кончилось» (Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». С. 182). Публикуемое письмо корректирует эту версию, указывая, вероятно, более точно причину, по которой сотрудничество Коневского в журнале не состоялось.

⁷ См. п. 2, прим. 6.

⁸ Упоминаются стихотворения Бахмана из сб. «Gestalten und Töne»: «Das Erdtiet», «Sage vom Alpensee», «Das Lied von der Blume des Meeres. I—III», «Vom toten Sänger» («Земной зверь», «Сага об альпийском озере», «Песнь о морском цветке», «О мертвом певце»).

⁹ О Ф. Эверсе см.: наст. кн., Письма Ноздрина, вступ. ст., прим. 9. Упоминаются сборники его стихотворений «Королевские песни» (1894), «Eva» (1894) и «Рай» (1897). В 1890-е годы Брюсов чрезвычайно высоко оценил его творчество. Восторженная характеристика Эверса дана в письме Брюсова к В. К. Станюковичу от 30 ноября 1894 г.: «В Германии появился удивительный поэт Франц Эверс. Человек еще очень молодой — 23 лет, — появившись в печати впервые в 91 году, он уже написал книг 10! Все эти книги полны шедеврами. Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше и Шиллера, и Гете,

15-го марта 99.

Привет!

Стихи, что Вы мне прислали, читал и читаю, и люблю; дороже других мне последнее — Дымы, дымы! ¹ — Ваш отзыв о Бахмане совсем верен, ибо нацртили Вы именно его характер. О Эверсе, думаю, Вы не правы.

Вы любите осуждать, а я прежде всего ишу желанного. Во всем и в каждом миге есть, перед чем должно преклониться. Единственный храм, достойный молитвы, — пантеон, храм всем богам, дню и ночи, и Христу, и Адонису, и демонам. Я люблю и старика Гомера, и утонченного Вергилия, реторику Виктора Гюго и намеренные намеки Маллармэ. Есть высшее, где все различия меркнут, все пределы примиряются ². Разве осуждать не страшно, зная, что отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах» ³, до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

Ваше. Разве осуждать не страшно, ведь то отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах», до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

Ваш

Валерий Брюсов

Р.И. Статью о Персептис видю, мне не жаль. Надеюсь, скоро быть в Петербурге; рад был бы, если бы приехал свидаться. Вот попытка переключить стихи Бахмана, которые нравятся Павлу.

ПИСЬМО БРЮСОВА Н. И. ОРЕУСУ

Автограф. Москва, 15 марта 1899 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и Гейне, и Ленау, его драма — если и ниже Шекспира, (то) выше Альфиери и Шиллера (...). особенно восхищен я его любовной лирикой (книга «Ева»). (ЛН. Т. 85. С. 732—733). Ср. скептический отзыв П. П. Перцова об отношении Брюсова к Эверсу как характерном примере его юношеской страсти «открывать необыкновенных литературных гениев, которые уже в ранней юности затмевали Шекспира и Гете» (Перцов Н. П. Литературные воспоминания. С. 252). См. также: Тетради, п. 16, прим. 6.

¹⁰ Называются стих.: «Марево», «Старец говорит», «Весна», «Природа», «Праздничный час».

6. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 15-го марта (18)99

Привет!

Стихи, что Вы мне прислали, читал и читаю, и люблю; дороже других мне последнее — Дымы, дымы! ¹ — Ваш отзыв о Бахмане совсем верен, ибо нацртили Вы именно его характер. О Эверсе, думаю, Вы не правы.

Вы любите осуждать, а я прежде всего ишу желанного. Во всем и в каждом миге есть, перед чем должно преклониться. Единственный храм, достойный молитвы, — пантеон, храм всем богам, дню и ночи, и Христу, и Адонису, и демонам. Я люблю и старика Гомера, и утонченного Вергилия, реторику Виктора Гюго и намеренные намеки Маллармэ. Есть высшее, где все различия меркнут, все пределы примиряются ². Разве осуждать не страшно, зная, что отвергнутое уже вне нас. Ведь любил же он, создавший, почему же не могу любить я. Хочу, чтобы мне не было чуждым — ничего. Всё, всё — до детской игры, до мечтаний о «мертвых бригах» ³, до мелодрамы с убийствами. Верю, что только такое «я» — достойно своего поклонения. И еще верую, что к нему придут все.

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Статью о Верхарне, видно, мне не дожидаться. Надеюсь скоро быть в Петербурге; рад был бы, если б пришлось свидеться ⁴. Вот попытка пересказать стихи Бахмана, которые нравились Вам ⁵.

ЗЕМЛЯ

Я не мертва!
Ты разве не слышишь мой жизненный трепет,
Тихую дрожь!
Смертный, когда ты умрешь,
В моих объятьях ты сладко уснешь,
Но я жива!
Слушай, о слушай мой вдумчивый лепет,
Мои слова.
Весной я мечтаю: ручьи и трава
Это грезы мои наяву;
Зимой я дремлю и дышу я едва,
Но готовлюсь сквозь сон опять к торжеству.
Я с морем покою, я в ветре зову,
Я в вечном стремлении к солнцу лплыву,
Я жива! Я жива!

1898.

Ответ на п. 5.

¹ Стих. Коневского «На другое утро» (см. п. 5, прим. 1); его третья и четвертая строки: «И все утро плывут они, мне только слышимы, — // Дымы, дымы!».

Подробнее о впечатлении Брюсова от присланных ему стихов Коневского см. в его письме к Бальмонту от 11 февраля 1899 г. (*Тетради*, п. 102).

² Одно из заветных убеждений «плюралистического» мирозерцания Брюсова конца 1890-х годов, отчетливо сформулированное им в программном стихотворении «Я» («Мой дух не изнемог во мгле противоречий...», 24 декабря 1899 г. — *TV*; I, 142) и в теоретической статье «Истины. Начала и намеки» (*СЦ* 1901; VI, 55—61). Почти в тех же выражениях, что и в письме к Коневскому, Брюсов высказывает свои мысли в письме к Самыгину, переписанном в феврале 1899 г. в дневник (наст. кн., Письма к Самыгину, п. 24). Ср. также письмо Брюсова к И. А. Бунину от 28 марта 1899 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 442); письмо к В. К. Станюковичу (весна 1899 г. — *ЛН*. Т. 85, С. 747). О плюрализме Брюсова см. также: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и поэтика. Л., 1969. С. 49—50; *Помирный Р. Е.* Из идейных исканий В. Я. Брюсова (Брюсов и Лейбниц) // *Чтения 1971*. С. 167—168; *Кульяс С.* Формирование эстетических взглядов В. Брюсова и философия Лейбница // *Учен. зап. Тартуского гос. ун-та*. Вып. 620. Тарту, 1983.

³ Слова из стих. Коневского «Море житейское» (1898): «И вот мне припомнились мертвые брети // Глубоко, под пологом вод» (*МД*. С. 161; *СП*. С. 47—48).

⁴ Брюсов был в Петербурге с 18 по 21 марта 1899 г. См. п. 7, прим. 2.

⁵ Вольный перевод-переложение первой части «рапсодии» Бахмана «Das Erdtier» (см. п. 5, прим. 8). Публикуется впервые. Автографы перевода см. также: *ГБЛ*. Ф. 386, 14.5/10. Л. 110б.

7. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 18 марта 1899.

От И. И. Ореуса

(...)

Вот, милый Валерий Яковлевич, ряд новых стихотворений Вам ¹ в возмещение за обещанные и не доходящие до Вас писания мои по художественной критике. А за неисправность их доставки уж не взыщите: очень уж большой на них спрос со стороны разных лиц. Надеюсь не обмануть Ваших ожиданий хоть к приезду Вашему и вручить их Вам самолично. Прошу Вас, только что приедете, известить меня, и тогда дам Вам знать, когда мне можно с Вами свидеться ².

Глубоко сочувствую тому «пантеону», на который вы указываете, но не могу все, что вы упоминаете, любить как божественное согласие между стремлением и осуществлением, как красоту. Любить всех для меня непрекрасных могу разве только проникая их своим, чуждым их назначению, смыслом, внут-

ренным устроением. Я могу их построить как образцы несовершенств, внутренних разногласий, — что и выполняю в судящей их критике — и так хоть в некоторой мере сообщаю им образ и подобие, позволяющий мне смотреть и на них не как на вполне «внешнее» — чуждое, извергнутое из мировой жизни. Не знаю, должно ли приходиться к Вашему образу зрения, и не уничтожает ли он великой силы оттенка и различия.

Ответ на п. 6. 18 марта 1899 г. Брюсов приехал в Петербург, но Коневской этого еще не знал, отправляя письмо.

¹ Письмо открывается стихами от января — марта 1899 г.: «В крови моей великое бorenье...» (МД. С. 192; СП. С. 59), «Нараспев» (МД. С. 200; СП. С. 70—71); «Припев» (МД. С. 199; СП. С. 60); «Волнения» (МД. С. 177—178; СП. С. 64—66); «Признаки» (МД. С. 179; СП. С. 66), «С холодной воли» (МД. С. 194; СП. С. 75), «Вариации на «Поминки» Кольцова» (МД. С. 197; СП. С. 62—63), «Отголоски» (МД. С. 163; СП. С. 71—72). Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 6—10об.; «Zeitgedichte» («Современные стихотворения» — СП. С. 69—70) — ГБЛ. Ф. 386, 97.9. Л. 30—30об.

² 19 марта 1899 г. Брюсов писал жене: «Сейчас были у Ореуса. Он все тот же, читал нам стихи, все такие же. Это хорошо, но и скучно немного» (ГБЛ. Ф. 386, 142.11). «Дважды был у Ореуса, — зафиксировал Брюсов в дневнике, описывая свою петербургскую поездку. — Он все тот же и стихи пишет все такие же. Это хорошо, но и скучно» (Дневники. С. 63).

8. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 5 апреля 1899.

Я послал Вам сегодня рукописи Добролюбова, посланный мой не сумел «ценным пакетом», поэтому посылкой. Не откажите известить, получили ли, ибо я очень дорожу их сохранностью. Приложил и «Телом сцепленн(ы)й» («лист 5-ый»), и «На вечеринку уединенную» (кор. 67), — они были не потерыны, а у меня ¹.

Ваши стихи из последнего письма читаю ². Кажется мне, иногда в них недостаток сжатости, но многое я опять полюбил. «Жизни я служу, а существам не верен», «Не хочу я дольше ждать с тоскою, ждать зимой, чтоб родилась весна», «И протекают мимо таких различных душ живые родники», «И в прахе наш век прожитой», — и повторение Вами уже сказанного однажды — «Зачем причастен я мечте растений, зачем же птица, зверь и скот — мне друг» ³. В «Волнениях» манит меня сила первых стихов ⁴, во втором — замысел и последние слова, в том смысле, как они там, «буйной юности вино» ⁵. Чужды мне некоторые прямолинейности «Все ль обоймет ее волна» ⁶ или «Но и зачем же гоненья» ⁷, и два-три выражения, я уже указывал «вне себя порхать» ⁸.

Zeitgedichte я бы написал не так, ибо знаю больший смысл и в этих шумах бесследных ⁹. В жажде покоя, благого живоносного моря, Вы напрасно отрываетесь от целой половины бытия. Груда человеческих тел полуживых, полураздавленных не менее прекрасна, чем красный цвет небес, которые не красны. Marat равно близок мне, как Verlaine. Верю, что была равная сила жизни и ее ощущение у Тамерлана, как Росетти ¹⁰. Единственным считаю завет А. Добролюбова:

Хочу все во всем так делать,
Чтоб век дрожать...¹¹

P. S. Далее одно его стихотворение, кажется, Вам неизвестное ¹².

Ваш душою Валерий Брюсов.

¹ Речь идет об автографах стихотворений А. М. Добролюбова, видимо, полученных Брюсовым от Коневского в Петербурге и предназначенных к изданию. Оба названных стихотворения опубл. в кн.: Добролюбов 1900. Об источниках опубликованных в книге текстов см.: Там же. С. 67. В тот же день, что и Коневскому, 5 апреля, Брюсов писал К. М. Фофанову: «Читаю Добролюбова и радуюсь очень» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6; черновик).

² См. п. 7, прим. 1.

³ Приводятся строки из стих.: «Нараспев», «Припев», «Отголоски», «Вариации на «Поминки» Кольцова» «В крови моей — великое бorenье...». См. там же.

⁴ Первое четверостишие стих. «Волнения»: «Ждав тебя, я истомился, // С тихой страстью рвался, бился... // Дивен мне казался свет. // Пел я темный, светлый бред» (см. там же).

⁵ Заключительное четверостишие стих. «Признаки»: «Ужель, о дивная дриада, // Тобою все мне суждено — // Утеха мысленного взгляда // И буйной юности вино?» (см. там же).

⁶ Строка из того же стихотворения.

⁷ Строка из «Zeitgedichte. I» («Сумятица»): «Но и зачем же гоненья ненужные?» (см. там же).

⁸ Строки из стих. «Отголоски» (см.: Там же).

⁹ Цикл «Zeitgedichte», состоящий из двух стихотворений («Сумятица» и «Отпадение»), написан 13—17 февраля 1899 г. и представляет собой отклик на студенческие волнения, по отношению к которым поэт занял позицию отчужденного непонимания. Вл. Гиппиус в воспоминаниях, записанных в 1930-е годы Н. Л. Степановым, отмечал, что Коневской «в университет на сходку приходил со «Стеллой» Гете» (архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ Имена Жан-Поля *Марата* (1743—1793) и *Тамерлана* (Тимурленга, 1336—1405) служат Брюсову здесь символами активного волевого самоутверждения, в противоположность пассивному, созерцательно-эстетическому началу, олицетворяемому именами П. Верлена и английского художника и поэта-прерафаэлиты Данте Габриэля *Россетти* (1828—1882).

¹¹ Неточно цитируются строки стих. «На вечеринку уединенную» (см. прим. 1).

¹² О каком стихотворении идет речь — неясно.

9. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Вторая половина апреля 1899 г.)

Извините, милый Валерий Яковлевич, что не извещал Вас о получении рукописей Добролюбова, которые доставлены мне были в полной сохранности. Вам, с своей стороны, очень обязан за сообщение неизвестного мне стихотворения его же, которое мне показалось одним из наиболее цельных и ярких в его творчестве ¹. Когда я виделся последний раз с Эрлихом ², он говорил, что им не было получено еще никаких известий от Д(обролюбова) в указанном Вами смысле ³, но, когда он услышал от меня об этом выраженном им перед Вами желании, он взял от меня собрание его рукописей с намерением положить их у себя под спуд, запечатать ⁴. Я же указал ему, конечно, на то, что списки с некоторых наиболее значительных из этих рукописей сохранены у меня, как на бумаге, так и в памяти, некоторые другие, равно как списки со всех вверенных ему рукописей, остаются у Вас, и как те, так и другие, конечно, не обеспечены от распространения. У меня, между прочим, кроме сообщенного Вами стихотворения, переписаны следующие: «Не проговорит труба серебряная...», «Мы не хотим превратной свободы», «Образы»: 1. «Все-таки, вечно, всюду... будет сиять пред очами неизвестная надпись...», 2. «Друг! не пугайся...», «Отвлеченные песни», «Зеркало» (второй исход «*Sotte Suite*»), «Неестественными нитями, словно неудачными путями...», «Кто видел ужас?..», «Сегодня, если хотите, мне близко безумье всего...», «В одно из самых сухих опьянений моих...», «Вариации на тему Мюссе: «*Promenade*» сухое *perpetuum mobile*». В памяти сохранены у меня отрывки рифмованной или вообще метрической формы: «Пошлость и Рабство», «Познание», «Прощайте, вериги...», «Телом сцепленный...», «Песнь Карликов над могилой Царевны» («Ах, угасло навеки великое тело...»), «Стих — стихия...», «Русская песня» ⁵, а главное — многие пьесы изъятые из продажи сборника: «*Natura Naturans. Natura Naturata*», именно «Похоронный марш», «Бог отец», «Шепчутся травы...», «В одинокой горнице...», «Набегают сумраки...», «Облелеяли воды весенние...», «Я ли его не обвеяла...» ⁶. Сборник, впрочем, конечно, есть у Вас ⁷, так что, если буду у Вас, надеюсь, что мне доставится возможность переписать памятные мне, но не запомнившиеся стихотворения в прозе: «Я стар, я одиноко...» (одно из лучших явлений во всем творчестве Д(обролюбова)), «К Ирочке Д.», «О чем молишь, Светлый?..», «Отцу» ⁸. — Наконец, я твердо верю — и в этой уверенности утверждает меня истинный знаток духа Д(обролюбова) Эрлих — что он не замедлит возвратиться в мир, обновленный уединением. И, конечно, не угадать, что предпримет он тогда: можно ручаться лишь за то, что это будет нечто вмещающее мечту отречения от слабости и своеволия личности и далеко за нее заходящее, оставляющее ее за собой.

Я за последнее время много переводил впервые и многое приводил в порядок в прежних своих переводах из Вьелэ-Гриффина, де Ренье, Верхаарена,

Я. И. ЭРЛИХ

Фотография Б. Флаксы. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

Из моих переводов Вьелз-Гриффина, которого я перевожу особенно много, мне думается, мог бы составиться полный сборник его творчества на русском языке, который следовало бы впоследствии издать. Быть может, впрочем, еще более внутренне-цельным характером был бы отмечен сборник уже переведенных мною, а также предположенных для перевода избранных поэм из различных поэтов, как — помимо Вьелз — де Ренье, Верхаарен, Суинбёрн, Росетти, Ницше. Собрание таких избранных произведений отличалось бы, мне кажется, как глубоким внутренним единством, так и многосторонностью выражения истинно-с о в р е м е н н о й * поэзии¹⁰: под «современным» я разумею то вполне н о в о е, отличное, что поэзия наших дней привнесла к бывшим и столь же новым, но и н ы м облициям вечного¹¹. К избранным созданиям названных поэтов оставалось бы присоединить некоторые извлечения из лирики и драматических поэм Ибсена (в том числе мною составлены уже давно переводы сцен из первых трех частей "Peer Gynt"¹²), далее — отдельные очерки из лирических размышлений и проповедей Мэтерлинка (как "Trésor des Humbles", так и "Sagesse et Destinée"¹³) и Эмерсона (такие "Essays", как "Die Ueberseele", "Kreise", "Natur", "Liebe"¹⁴ — я их читал случайно в очень хорошем немецком переводе, Univers(elle) Bibl(iothek) 3702—3)¹⁵, и наконец Рёскина¹⁶. В этом, я думаю, исчерпывалась бы прямо философски-обобщающая формулировка «современности».

Спешу обозначить, что из Вьелз-Гриффина у меня извлечены, в видах этой

Суинбёрна, Росетти, Ницше. Продолжаю настаивать на убеждении, что в особенности первых трех французских поэтов нельзя переводить иначе, как прозой, и что вообще истинно-художественное творение слова не может и не должно находиться в зависимости от своей метрической формы, так чтоб оно являлось прямо нехудожественным, лишившись этой формы: последнее было бы верным признаком того, что и метрическая форма лишь маскировала недостатки его образов. Метрический звук усугубляет действие образов лирики, в союзе с ними он являет новый образец художественно-прекрасного; но в своей обособленности, без их помощи, он лишен такого значения. Строение же образов слова должно представлять, напротив того, и вне союза со звуками, самостоятельный образец художественного действия. Поэтому в переводе метрического стихотворения прозой из цельного тела красоты извлекается менее многообъемлющий, но столь же цельный живострой ее — из совокупной гармонии образно-звуковой более односторонняя, но столь же целокупная гармония чисто-образная, сопровождаемая ослабленным, но сохраняющим свое внутреннее расположение звуковым тоном⁹.

* Здесь и далее разрядка Коневского.

задачи, и уже переведены: "Hélène", "Devant la Mer", "L'Aube de la Saint-Jean", "La Chevauchée d'Yeldis", "Chanson de l'Heure triste", "Eurythmie", "La Fénaison", «Эпиграф» к "Cueille d'Avril" ¹⁷. Намечу еще некоторые другие. Из Ницше переведено мною два наиболее гениальных образца его лирики, затерянных в хламe IV-ой части «Заратустры»: "Mittags" и "Das trunkne Lied"; стоило бы еще извлечь из III-ей части: "Vor Sonnenaufgang", "Der Genesende", некоторые места из "Von alten und neuen Tafeln", 2. из "Vom Gesicht und Räthsel", кроме того — многие из "Dionysos-Dithyramben", преимущественно те, которые не вошли в состав IV-ой части «Заратустры», как-то: "Ruhm und Ewigkeit": 1.3.4. "Zwischen Raubvögeln", "Die Sonne sinkt": 1.3.4 ¹⁸ и наконец — многие совсем краткие изречения, отчасти разбросанные в "Fröhliche Wissenschaft" и в "Jenseits von Gut und Böse" ¹⁹. Из них, кстати, одно небольшое, афористическое стихотворение "An Hafis" я избрал даже эпиграфом ко всему VIII отделу своей поэзии, обнимающему собою весь период с прошлой осени (1898 г.), у меня выставлено, собственно, лишь окончание его:

Bist Alles und Keins, bist Schenke und Wein,
Bist Phönix, Berg und Maus,
Fällt ewiglich in dich hinein,
Fliegst ewig aus dir hinaus.
Bist aller Höhen Versunkenheit,
Bist aller Tiefen Schein,
Bist aller Trunkenen Trunkenheit,
Wozu, wozu dir — — Wein? ²⁰

В середине мая надеюсь побывать в Москве, и тогда ознакомлю Вас как с упомянутыми переводами, так и с некоторыми новыми стихотворениями моими.

Ваш Иван Ореус

Ответ на п. 8.

¹ См. п. 8, прим. 12.

² Яков (Яков-Вольф) Исаакович Эрлих (1874—1902) — близкий друг А. М. Добролюбова и Вл. В. Гиппиуса (в 1905 г. в письме к Андрею Белому Добролюбов назвал Эрлиха самым близким себе человеком в своей «прежней жизни». См.: *Азадовский К. М.* Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник, III. Тарту, 1979. С. 140); в 1893 г. закончил 6-ю С.-Петербургскую гимназию, где учились Добролюбов и Гиппиус, в 1894—1899 гг. — студент историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, на который осенью 1895 г. поступили также Добролюбов и Гиппиус; интересовался вопросами философии, в 1900—1901 гг. выступал как музыкальный критик в журнале «Театр и искусство» (за подписью: Я. Э.). Впоследствии Вл. Гиппиус вспоминал о нем: «Третий с нами, сближая нас, — любя нас обоих — был один из самых чутких тогда, не писатель, но с исключительной нежностью к поэзии, сам музыкант, с которым Добролюбов много говорил о музыке — через несколько лет после этого сгоревший от самого неутолимого внутреннего горения в лечебнице для душевнобольных, Я. И. Эрлих. Он нас соединил своей любовью, когда мы уже расходились, и, может быть, задерживал разрыв» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // *Венгеров. Рус. лит.* XX в. Т. I, кн. III. С. 281). После «ухода» Добролюбова в 1898 г. Эрлих стал основным хранителем его рукописей и его литературным душеприказчиком (см. письмо Эрлиха к Добролюбову от (сентября 1898 г.?) — *ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 2534*). Эрлиху посвящены стихи Добролюбова — «Встал ли я ночью? утрём ли встал?..» (*Добролюбов 1900. С. 19*), Вл. Гиппиуса — «В обетованную землю» — 1893 (*Гиппиус Вл.* Песни. СПб., 1897. С. 50—51), Коневского — «По дням» («Сияющие дни, родные встречи...», 1898 — *МД. С. 201; СП. С. 50—51*). Ср. дневниковую запись Брюсова от 10 декабря 1898 г.: «Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих (...) Эрлих студент, хотя голова его лысеет, говорит о своей системе метафизики, где примирится Спиноза и Лейбниц, но говорит скромно. С ним мы сошлись на любви к Добролюбову» (*Дневники. С. 54*).

Впоследствии предпринимались попытки издать сочинения Эрлиха посмертно. А. Добролюбов писал Брюсову: «Первое дело: посмертное собрание сочинений Эрлиха, главным образом о вере» (*ГБЛ. Ф. 386, 85.16*; недатированное письмо); 12 июня 1905 г. сестра Добролюбова, М. М. Добролюбова, обращалась к Брюсову: «... будьте добры, приостановите печатание произведений Я. И. Эрлиха, так как хотелось бы их издать отдельной книгой по просьбе родных. Если Вы их переплетите мне обратно, буду Вам очень благодарна. (У меня напечатались еще его рукописи, и я хотела бы сама приготовить книгу к печати)» — *ГБЛ. Ф. 386, 85.21*. Издание не состоялось. Об Я. И. Эрлихе см. некрологическую заметку его сводного брата О. Дымова (*Мир искусства*, 1902. № 7. Отд. II. С. 4), а также биографическую справку П. П. Веймарна (*ГПБ. Ф. 773. Оп. I. Ед. хр. 1021. Л. 70*).

³ Подразумевается предложение Брюсова издать произведения Добролюбова отдельной книгой.

⁴ В примечаниях к «Собранию стихов» Добролюбова указано, что у Эрлиха хранятся два собрания его рукописей: первое — тетрадь «Наброски, оконченные вещи, отделанные, недорисованные»; второе — «отдельные листы, разных форматов, помеченные не рукой Добролюбова, №№ от 1 до 38. Оба эти собрания составляют лирические стихи и лирические отрывки в прозе» (*Добролюбов 1900*. С. 67).

⁵ Из перечисленных стихов Добролюбова в кн. *Добролюбов 1900* опубли.: «Стих — стихия...», «Зеркало», «Мы не хотим превратной свободы...», «Пошлость и рабство», «Сегодня, если хотите...», «Песнь карликов», «Познание», «Телом спеленный...», «Прощайте, верги...»; в кн. *СЦ 1902*: «Все-таки вечно...», «В одно из самых сухих опьянений моих...» и «Кто видел ужас?». Остальные вещи остались неопубликованными. Тексты их, в списках И. М. Брюсовой, см.: *ГБЛ*. Ф. 386: «Друг! не пугайся...» (128.23. Л. 27об.), «Не проговорит труба серебряная...» (Там же. Л. 55), «Неестественными нитями...» (Там же. Л. 33), «Отвлеченные песни» (Там же. Л. 39об.—40), «Русская песня» (Там же. Л. 22об.; 128.24. Л. 17об.), «Promenade» (128.23, Л. 19об.—20).

⁶ См.: *Добролюбов 1895*.

⁷ Книга сохранилась в библиотеке Брюсова (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 87).

⁸ *Добролюбов 1895*.

⁹ В неизданной статье 1930-х годов о переводах Коневского Н. Л. Степанов писал: «В своей защите перевода стихов прозой, и даже в той мысли, что метрическая форма может «маскировать» «недостатки образов», Коневской повторяет аргументацию Гете, также высказывавшего за прозаический перевод стихов: «Я чту ритм, равно как и рифму, через которые поэзия только и становится поэзией. Но настоящая глубина и подлинная действительность, творящее и развивающее начало — это то, что остается от создания поэта, когда оно переведено прозой. Тогда остается чистое, совершенное содержание, видимость которого, если оно отсутствует, часто создает блестящая внешность и которое, если оно есть, она от нас иногда скрывает» (...) Несмотря на прозаическую форму стиховых переводов Коневского, они не перестают оставаться стихами. Точность передачи смысловой, образной стороны оригинала, ритмичность и синтаксическая «стиховность» переводов, даже фонетическая организованность их — оправдывает утверждение Коневского о том, что при «прозаическом» переводе им сохранялась «чисто-образная» «целокупная гармония» (архив Н. Л. Степанова).

¹⁰ «При всем различии представленных здесь поэтов, — писал Н. Л. Степанов, — выбор их, так же, как и отбор отдельных произведений, сделан Коневским в зависимости от его философских и художественных взглядов, благодаря чему переводы теснейшим образом связаны с его творчеством. В стихах, переведенных Коневским, — те же темы и настроения, которые характерны и для его лирики. В творчестве различных поэтов им отбирается «философская лирика», передающая «мистическое чувство» конца XIX в.

(...) Не только тщательный и глубоко продуманный отбор произведений, наиболее близких ему по своей идейной и художественной направленности, определили цельность и единство этой книги переводов. Самый метод переводов, та идеологическая и стилиевая акцентировка, которую придал им Коневской, приближают переводы к его собственному творчеству» (Там же).

¹¹ Подготовленный Коневским сборник переводов см.: *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9. Пока из этих переводов опубликован только один: «Гимн к ночи» Новалиса (в кн.: *Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах, 1812—1970/Сост. Г. Г. Раггауз. М., 1973. С. 394—399*). Вероятно, весной 1900 г. Коневским было написано «Предисловие переводчика» к составленной им окончательной программе переводов (архив Н. Л. Степанова). В записной книжке Коневского (№ 11) сохранились заметки «На память в предисловие к собранию переводов» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2—3).

¹² Переводы сцен из «Пер Гюнта» не обнаружены. Среди бумаг Коневского хранится отрывок статьи «Ибсен» (1895, копия рукой Н. Мих. Соколова — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 1). О Пер Гюнте, в сопоставлении с Дмитрием Карамазовым, Коневской пишет в статье «Красота в поступках. (Вскрытие некоторых нравственных мотивов, ныне наипаче распространенных)» — 1896. — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 4.

¹³ Переводы из книг Метерлинка «Сокровище смиренных» (1896) и «Мудрость и судьба» (1898) Коневской включил в сборник своих переводов (см. прим. 11). Архаизированная торжественность языка Коневского сказалась не только в текстах переводов, но и в названиях переводимых книг: «Сокровищница смирения» и «Мудрость и судьбина». Сохранилась также статья Коневского «Морис Метерлинка» (1896) — *ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 15.

¹⁴ Переводы из книг американского писателя и философа Ралфа Уолдо Эмерсона (1803—1882) — «Очерки» («Сверхдуша», «Кольца», «Природа», «Любовь») — в сборник переводов Коневского включены не были. Текст их неизвестен.

¹⁵ Имеется в виду издание: *Emerson Ralf W, Essays. Leipzig, 1897*.

¹⁶ Переводы Коневского из Рёскина неизвестны.

¹⁷ Перечислены переводы из Вьеле-Гриффена: «Елена», «Перед лицом моря», «Рассвет Ивана дня», «Верховое странствие княжны Ильдис», «Песнь печального часа», «Эвритмия», «Сенокос»; эпилог к сборнику «Апрельский сбор» (названия даны в переводе Коневского). Стихи «Песнь печального часа», «Эвритмия» и «Сенокос» в сборнике его переводов отсутствуют. Тексты их неизвестны.

¹⁸ Коневской выполнил и включил в сборник переводов все намеченные им переводы из

Ницше: «Полдень», «Упоенная песнь», «Перед восходом солнца», «Выздоровливающий», «О старых и новых скрижалях», «О видении и загадке»; из «Дионисовских дифирамбов»: «Знаменитость и вечность», «Меж хищных птиц» и «Солнце опускается» (все названия — в переводе Коневского). Суждения Коневского о Ницше см. в его письме к А. Я. Билибину от июня 1899 г. — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 7—7об.

¹⁹ Книги Ф. Ницше «Веселая наука» (1883) и «По ту сторону добра и зла» (1885).

²⁰ Этот отрывок из стих. Ницше «Гафизу» (без последней из процитированных строк) Коневской поставил эпиграфом не к одному из отделов книги «Мечты и думы», а ко всей книге, поместив рядом и свой прозаический перевод: «И все ты, и ничто, и виночерпий. и вино, и финик, и гора, и мышь. Во веки веков ты сам в себя впадаешь, во веки веков сам из себя вылетаешь. — Ты всех высот углубленность, — ты всех глубин призрачность; всех пьяных ты опьянение, (к чему, к чему тебе — вино?)».

10. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Конец апреля 1899 г.)

Что рукописи дошли, радуюсь; что они в заточении, печалюсь ¹. У меня переписано все, даже отмечены все поправки ². Я делаю неудачную попытку сдавать «государственные испытания» в университете, как историк. Потому не располагаю ни получасом свободного времени. Буду умершим до 1-го июня ³. (Не отложите ли Вы Ваш приезд? приедет и К. Д.) ⁴. Пока среди ненужных книг и бессильных чужих полумыслей чувствую себя погреемым.

Рыхло, сыро сыпется песок ⁵.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 9.

¹ Имеется в виду намерение Я. И. Эрлиха предохранить рукописи Добролюбова от распространения и публикации (см. п. 9, прим. 4).

² Копии стихов А. Добролюбова, выполненные В. Я. и И. М. Брюсовыми, см. в его архиве (ГБЛ. Ф. 386, 1.15/1. Л. 18об.—19об., 21—21об.; 10.4. Л. 24—25, 27об.; 37.13, Л. 11—14об.; 57.2; 128.22—25; 140.12).

³ В апреле — мае 1899 г. Брюсов сдавал выпускные экзамены в историко-филологической испытательной комиссии при Московском университете, в результате чего 31 мая 1899 г. был удостоен диплома первой степени (текст диплома воспроизводится в кн.: Ашукин. С. 126—127). «Скажу, что экзамены, “испытания”, стоили мне труда большого, — писал Брюсов. — Обычно учил с утра, часов с 10 и раньше, до ночи, до 12, до часу. И за чаем, и за обедом. Каждый курс проходил два раза и все это рассказывал сам себе» (Дневники. С. 68).

⁴ Коневской, однако, в середине мая приезжал в Москву (5 мая 1899 г. датировано его прошение ректору Петербургского университета об отпуске «в Москву и другие места России» — ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 43) и встречался с Брюсовым; в эти же дни Брюсова посещали Вл. В. Гиппиус и К. Д. Бальмонт. Ср. запись Брюсова: «Заходил ко мне за это время Ореус, читал много стихов и похвалялся много. Стихи хорошие. Жду от него много» (Дневники. С. 70). Спутниками Коневского в московской поездке были его друзья А. Я. Билибин и А. Ф. Каль; 19 мая 1899 г. все трое подписались под коллективным письмом к О. В. Яфа, в котором сообщалось: «Сегодня благополучно достигли Москвы, где и установились на более оседлое пребывание. Наш адрес: Сретенка, угол Лукова переулка, меблированные комнаты “Экономия”» (ГПБ. Ф. 163. Ед. хр. 413).

⁵ Цитата из стих. Коневского «Издадека» («Были великие, славные брани...»), написанного 1 февраля 1899 г. и посвященного Ивану Билибину (МД. С. 165; СП. С. 61—62). Ср. письмо Брюсова к Бунину (конец апреля 1899 г.): «Принужден (...) целые дни с утра до поздней ночи проводить за лекциями и книгами. Чувствую себя погреемым и применяю к себе стих Ореуса “Рыхло, сыро сыпется песок...”» (ЛН. Т. 84, кн. 1. С. 444). То же — в дневниковой записи Брюсова от апреля — мая 1899 г.: «Экзамены были для меня (...) мучительны. Эти дни в письмах любил я изображать стихом Ореуса:

Рыхло, сыро сыпется песок...

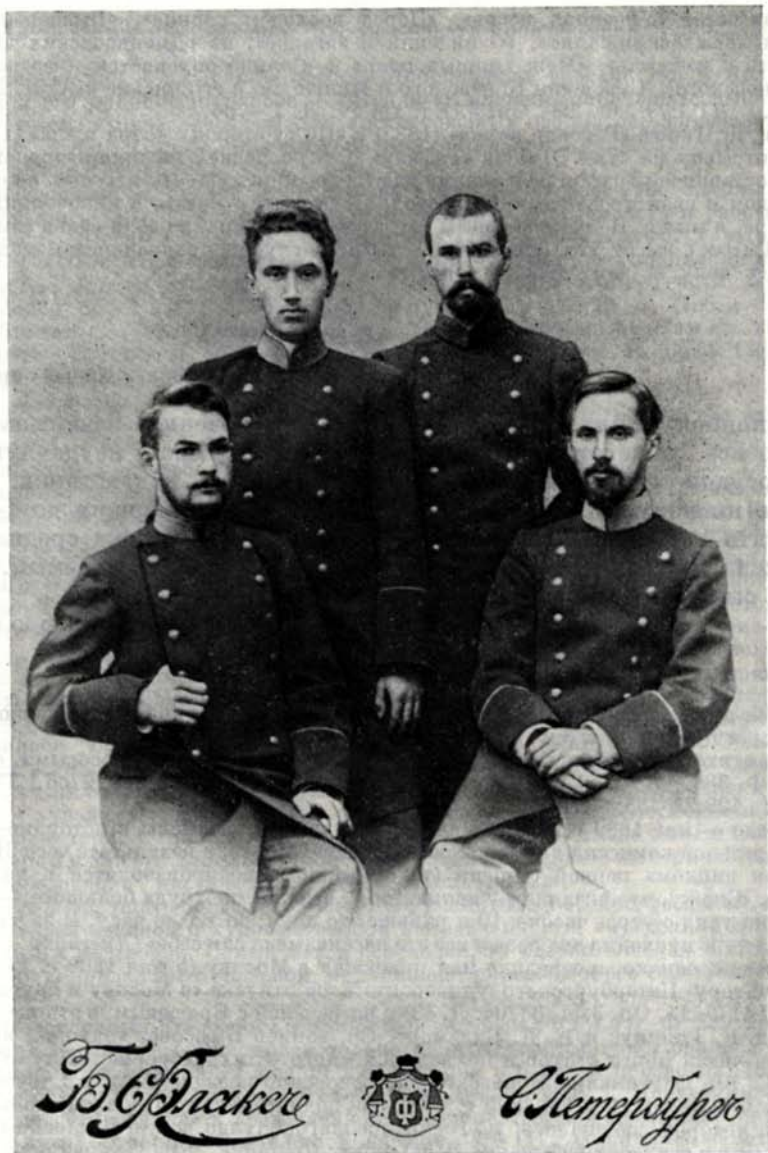
(Дневники. С. 68)

В статье 1916 г. «Иван Коневской» Брюсов приводит этот стих как «образцовый (в звуковом отношении)» — Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. III, кн. VIII. С. 163.

11. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 24 мая 1899.

Посылая Вам привет, друг мой, (о)бращаюсь к Вам со следующим (у)казанием. Если с неделю спустя Вы соберетесь доставлять мне обратно тетради

И. И. ОРЕУС, А. Я. БИЛИБИН, А. Ф. КАЛЬ, И. Я. БИЛИБИН

Фотография Б. Флакса. С. Петербург, 1899. С дарственной надписью: «Радужной и мудросердой настоя-
тельности братства Св. Захария и Елисаветы от синклита беснующихся. Илв. Билибин, Иван Ореус, А. Би-
либин of Florestan absens. Декабрь 1899»

Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

моих стихов и переводов ¹, прошу Вас на обертке посылки обозначить титул моего отца: «Его Превосходительству (Ивану Ивановичу Ореусу)». В противном случае, опасаясь, как бы сикофанты, отметив себе мое имя, не сочли нужным ознакомиться с содержанием столь объемистых рукописей, а ознакомившись, не задержали и не подвергли особому обсуждению (в особенности — переводы, напр(имер), — из отреченных книг Swinburne) ².

Преданный Вам Иван Ореус

¹ Письмо написано по возвращении из Москвы, где Коневской оставил Брюсову для ознакомления свои творческие тетради. Коневскому они были нужны для подготовки книги «Мечты и думы», куда он первоначально собирался включить и переводы.

² Алджернон Чарлз Суинберн (1837—1909) — английский поэт и драматург. Коневской беспокоился, как бы перлюстраторы письма не обратили внимания на тексты переводов из Суинберна, философия которого во многом противоречила догматическому христианству. См. также п. 36, прим. 16.

12. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Начало июня 1899 г.)

Простите меня очень. Все медлил. Но жаль было отослать Ваши стихи, не прочтя их так, как должно. А время было мало. Теперь свободен¹. Завтра посылаю. Подробнее о своих впечатлениях тоже завтра. Будьте радостны, ибо счастливы Вы, конечно.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 11.

¹ Имеется в виду окончание выпускных экзаменов (см. п. 10, прим. 3).

13. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. 5 июня 1899 г.)

И еще раз и еще раз извините меня, добрый Иван Иванович. По непрости-тельной ошибке я послал Вам не те рукописи, о которых Вы просили, притом даже те, которые сам еще хотел читать и изучать. Очень чувствую свою вину. Другие рукописи (кроме статей) пошлю завтра и письмо непременно. Не гневайтесь, я право «не нарочно», как говорят дети.

Ваш Валерий Брюсов.

Открытка. Датируется по почт. шт.

14. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 7-го июня (18)99.

Кажется, ряд моих извинений еще не кончился. Не вложил ли я в Ваши тетради свои черновые наброски? Печальнее всего, что там было и начатое письмо к Вам, Иван Иванович, так что теперь я лишен возможности пересказать Вам свои впечатления поименно. Вообще же говоря, — Ваши личные стихи для меня много дороже, ценнее, чем переводы. Менее нравится мне вторая тетрадь, где многое повторительно, иное не выступает четко. Но в конце первой тетради, из нового для меня, есть вещи снова «для века»¹. Редкое счастье читать я всегда испытываю, получая Ваши стихи. Из прошлого особенно оценил я теперь две близкие вещи «Мертвые бриги»² и «В праотчизне земного мира»³, с их верно найденными созвучиями и складом слов. Что до статей⁴, еще не читал их, занят работой по «Русс(кому) арх(иву)»⁵. Узнал, что неудача Ваша в Москве — в связи со съездом представителей всех университетов, бывшим тогда же⁶. Есть вести от Добролюбова и в ином отношении очень радостные⁷. Скоро подробнее. На днях уезжаю к морю⁸.

Неизменно Ваш Валерий Брюсов.

¹ См. п. 11, прим. 1.² См. п. 6, прим. 3.³ Строка из стих. «Обетование» (1898, у Коневского — «В праотчизне людского мира» — МД. С. 162; СП. С. 48).⁴ См. п. 1, прим. 11.⁵ Еще до официального поступления в августе 1900 г. на службу в редакцию журнала «Русский архив» Брюсов помогал в работе его редактору-издателю П. И. Бартеву. «Всю зиму я писал и всячески «работал» в Русск(ом) архиве», — сообщал Брюсов в июле 1900 г. Г. Г. Бахману (ГБЛ. Ф. 386, 70.3). Подробнее см.: Ашукин Н. С. Литературная мозаика. М., (1931). С. 144—194; Зайцев А. Д. В. Я. Брюсов в редакции «Русского архива» // Советские архивы. 1976. № 3.⁸ О какой неудаче идет речь — не установлено.

⁷ Письмо А. М. Добролюбова к И. М. Брюсовой, отправленное из Архангельска 5 апреля 1899 г. («Из Соловецкого монастыря от А. Добролюбова»). В этом письме Добролюбов дает разрешение на публикацию своих произведений (ГБЛ. Ф. 386, 85.17). См. также п. 18, прим. 3 и п. 20, прим. 1.

⁸ 15 июня Брюсов с женой уехал на южный берег Крыма, в Алупку (Дневники. С. 71).

15. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 23 июня (1899 г.)

Благодарю Вас, милый Валерий Яковлевич, за возвращенные рукописи. Все последнее время был занят перепиской многих из них (относительно многих частей «Умозрений Странствий»¹ это дело еще не кончено), корректурой отпечатков их на писчей машине, а также присоединением многих переводов (преимущественно из Swinburne и Verhaeren), которые необходимо, вместе со многими прежними Вам известными, должны войти в предположенное мною издание моей лирики — личной и переводной. Под общим заглавием: Мечты и Думы Ивана Коневского оно включит в себя I—VI отделы чистой лирики (исключаются первые два известные Вам): «Мельком», «Умозрения Странствий» и думу о «Живописи Бёклина»². К этим личным отделам присоединятся переводы в прозе из стихов Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, Verhaeren и из «Затраустры» Nietzsche³.

Ответ на п. 12—14.

¹ Раздел книги Коневского «Мечты и думы».

² Окончательная композиция книги «Мечты и думы»: «Мельком» (три вступительных стихотворения), «Мельком. I. В келье и в поле» (стихотворения 1895—1896 гг.); «II. Сонеты» (1896); «III, IV. Видения странствий» (стихотворения и прозаические путевые заметки, 1897—1898 гг.); «V. Дебри» (поэма 1897—1898 гг.); «Умозрения странствий»; «Живопись Бёклина (лирическая характеристика)»; «Мельком. VI. Пережитки, совокупности, предвещения» (стихотворения 1898—1899 гг.). При распределении материала, таким образом, был в основном выдержан хронологический принцип. Говоря о «первых двух» отделах, известных Брюсову, Коневской подразумевает тот первоначальный состав задуманной книги, с которым Брюсов познакомился в рукописи, частично скопированной И. М. Брюсовой (см.: ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 2). Два исключенных отдела — «В угаре» (переводы из Ибсена) и ранняя, оставшаяся неопубликованной поэма Коневского «Железный путь» (Там же. Ед. хр. 3).

³ Отдел переводов в «Мечтах и думах» отпал из-за недостатка средств. План издания Коневской подробно излагал в письме к А. Я. Билибину от 2 июля 1899 г. (любопытно, что там он называет другой предполагаемый псевдоним: Иван Езерский); в письме говорится о финансовой базе книги — «200 целковых», полученных от австрийской тетушки: «Тогда как предыдущие годы я тратил их на странствия, на этот раз я решил воспользоваться ими для полного издания своей лирики (в стихах и прозе) с присоединением многих переводов из иностранных стихов в прозе». «Задача переводов — наиболее полная и яркая формула философского смысла главных современных настроений; весь выбор стихотворений и отрывков производился в виду этой цели» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 60б). Вскоре, однако, выяснилось, что издание книги в том объеме, как первоначально предполагал Коневской, обошлось бы ему не в 200, а в 300 рублей. Поэтому он был вынужден отдел переводов снять (см. его письмо к тому же адресату от августа 1899 г. — копия в архиве Н. Л. Степанова).

16. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Крым. Конец июня — начало июля 1899)

Laus stultitiae¹

Можно ли любить природу? не призрак ли это обманных, уже пройденных веков? Кто скажет, но ведь пока она есть. Нас ли создала природа или мы ее создали, но есть море, и облака, и «дебри»², и каменистые тропки над обрывом. Презирайте, но верьте; мы отрицаем, но еще бессильны. И вот ложись на камень, разогретый солнцем, чтобы следить за прибоем, изучать размеры и созвучия волн, радоваться лиловым теням и светлым полосам, блуждающим по морю³. Хорошо покориться бессмыслице. Есть счастье погрузиться в тьму немыслия. Алтарь воздвиг я Немыслию, сознанию, что нет связи в думах и поступках, ибо это радостно, опьянению, пьянству, быть пьяным, как воздух

цветом липы у Фета ⁴, как покрасневшие вакханки Рубенса, уже добыча сатиров, пьяным, как все живущее с природой. Божественная природа, царство, где мысли нет, область Мудрой Бессмыслицы! — вот я твой, и плыву и плыву, отдав душу, как любовница предает тело ласкающим губам. И после ни звуков, ни образов, ни видений. Сон, как мрак, оцепененье, благо ⁵.

Валерий Брюсов.

Мне кажется дурным, что Вы нарушили наш сборник ⁶; но я утешен тем, что будет возможность иметь сборник всех Ваших стихов.

V B.

Ответ на п. 15. В письме отразились впечатления Брюсова от пребывания в Крыму в июне — июле 1899 г. Ср.: *Дневники*. С. 71—73.

¹ Stultitiae laus — латинское заглавие сатиры Эразма Роттердамского «*Moriae ēpigramon*», то есть «Похвала Глупости» (1509).

² Намек на одноименную поэму Коневского (см. п. 1, прим. 7).

³ Этот эпистолярный текст представляет собой автореминисценцию стих. «Лежу на камне, солнцем разогретом» (апр. 1898 г. — I, 165).

⁴ Парафраз второй строки стих. Фета «Ночь и я, мы оба дышим...» (1891 г.).

⁵ Ср. письмо Брюсова к И. А. Бунину (Алупка, 29 июня 1899 г.): «Вот я опять блуждаю у моря, изучаю размеры и созвучия волн, пишу светописные картинки — и оживаю, оживаю!.. (...) Глаза мои так привыкли к печати букв, к цифрам, к страницам, что зелень, и горы, и простор моря мне были невыносимы, слишком крупны, слишком ярки» (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 445). В дневнике Брюсов суммировал свои летние впечатления: «Первая поездка в Крым, когда впервые я подошел к природе, впервые понял, что значит ее любить, ею дышать, ей отдаться» (*Дневники*. С. 73).

⁶ Брюсов предположил, что авторский сборник Коневского может явиться препятствием к опубликованию его стихов в «Книге раздумий» (см. п. 3, прим. 1 и п. 17, прим. 5).

17. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Nevvola. Первая половина июля 1899 г.)

(...) ¹

Вот все, что сочинено мною со времени известного Вам. Виною тому — многие очень мучительные условия, не позволявшие мне до сих пор покидать пекло столицы более, нежели на один или два дня. Только в самые последние дни нашел убежище в местности Финляндии, недалеко от Пб., но вполне принадлежащей к истой Суоми: иглистый лес, дымно-зеленый, каменное озеро, на горизонте море ². Край отрадный, но не знаю, останусь ли там или буду сопровождать одного из друзей моих в северно-русские дебри ³. Получив такое предложение, не принял еще окончательного решения.

Очень жаль, что Вы поняли мое заявление об издании сборника своей лирики как отказ от участия в «Книге раздумий». Напротив — еще с месяц перед этим я написал К. Д. Б(альмонту) запрос о том, не составит ли для него неудобства почти одновременное появление этих двух изданий ⁴; в случае, если, в самом деле, такого рода невыгода ему представится, я, писал я тогда же, охотно согласен выпустить свой сборник через какой ему будет угоден срок. Ответа до этих пор получено не было. Но и без того можно рассчитывать, что появиться в печати моему (и)зданию будет возможность не ранее месяцев двух (и)и более; оно только через несколько дней будет пред(ста)влено в цензуру ⁵.

(Пишите мн?)е, во всяком случае, на городской адрес. Был бы очень рад, если б Вы доставили мне список Ваших стихов о Викингах. Давно стремлюсь их перечитать ⁶.

Ваш Иван Ореус

Ответ на п. 16. Текст письма поврежден.

¹ Письмо начинается автографами стихотворений июня 1899 г.: «Сон борьбы» (*МД*. С. 167; *СП*. С. 88), «Недоумение» (*МД*. С. 195; *СП*. С. 88—89), «Genius» (*МД*. С. 205; *СП*. С. 89—90), «Светлая ночь» (опубл. под заглавием «Пред светлой ночью» — *СП*. С. 91). Текст собственно письма начинается на обороте листа, где записано стих. «Светлая ночь».

² В письме к А. Я. Билибину от 2 июня 1899 г. («Nevvola, Пансион Ланг. (5 в'ерст) от ст. Mustammäki») Коневской более подробно описывает свою летнюю жизнь: «Переживал я все это время невыразимое томление, застревая в разгоревшейся извести болотной столицы. Спасался в разные более отдаленные окрестности (ибо не столь отдаленные душа уже вовсе не принимает), оценивал прелести мест, подобных Сиверской и Юкки, в июне ездил несколько раз в Выборг. «После всех сих мытарств блеснуло мне наконец надеждой на избавление проскользнувшее внезапно в газетах объявление о "пансионе Ланг", расположенном в 5—6 верстах от известной станции Mustammäki, в самой, значит, уже истой Финляндии, и, вместе с тем, в непосредственной близости и от Питера. Оказался он требующим самые умеренные условия за то, что называется "полным иждивением", и окружен могущественным горизонтом. Этот горизонт разворачивается вокруг высокого гребня возвышенностей и теряется с одной стороны в еловых борах, перелесках, холмах и буераках, с другой — в просторном светлом озере, с третьей, наконец, уже прямо в море-окияне. Сегодня провождаю здесь первый день» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17).

³ Неосуществленное намерение совместного путешествия с И. Я. Билибиным.

⁴ Письмо Коневского к Бальмонту неизвестно.

⁵ Дата цензурного разрешения на книгу «Мечты и думы» — 14 августа 1899 г. Но книга вышла, как и «Книга раздумий», в декабре.

⁶ Среди писем Брюсова к Коневскому имеется автограф 1-й части поэмы «Царю Северного полюса» (в первом издании TV опубл. с подзаголовком «Повесть из времен викингов» и с посвящением Ивану Коневскому) — «Свен Краснозубый» («1. Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не боялся...») с датой под текстом «сентябрь 1898» и с примечанием: «Это — 1; 2, 3, 4 еще не написаны» (ГБЛ. Ф. 386, 72.7. Л. 17—17об.).

18. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 26 авг(уста 18)99.

Знаю, что поздно послал Вам рукописи¹, но на них у нас был такой же «спрос», какой заметили Вы в Петербурге. Наконец, я отнял их, хотя число желающих прочесть далеко не закончено. Нет сомнения, что статья Ваша любопытна очень². Я ценил Верхарна и прежде, но теперь знаю, что он великий поэт. Однако в статье удовлетворен я не окончательно всем, иное — кажется — можно бы было написать лучше, иное сказать короче. (Впрочем, она не кончена?)

Есть у меня Вам большое предложение. Я получил от А. Добролюбова *письменное позволение* печатать его произведения³. Им я воспользуюсь. Вы могли бы помочь мне. Хотя у меня переписаны все рукописи от Эрлиха, но желательно бы было иметь перед глазами опять подлинник: надо быть верным в каждой запятой. Затем я знаю, что рассказы А. Добролюбова хранятся у некоего Ив. Вас. Покровского, а записанные им народные произведения у Вл. Гишпиуса и у Л. Постриганьева⁴. Все эти — Эрлих, Гишпиус, Покровский, Подстриганьев — живут в Петербурге. Если Вы находите мое издание нужным, посетите их, спросите, не доставят ли они мне хранящиеся у них рукописи; сняв списки, я, понятно, возвращу их. Ближайшим образом напечатать думаю я сборник стихов.

Что до Книги раздумий, по словам Бальмонта, она почти окончена. Появится на днях⁵. Читаю Ваши стихи многим. Сильнейшее впечатление производят «Дымы! дымы!»⁶ и «Брошен я в диких степях»⁷. Думаю, у Вас много нового. С чем можно — ознакомьте. Как всегда, я ваш жадный читатель. Жду и большого сборника Вашего.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Рукописи статей Коневского (см. п. 14, прим. 4). О «спросе» на них в Петербурге см. п. 7.

² Статья о Верхарне (см. п. 1, прим. 11).

³ См. п. 14, прим. 7.

⁴ Перечисляя в примечаниях к «Собранию стихов» Добролюбова известные ему собрания рукописей поэта, Брюсов отмечает, что в доступных ему материалах (собрания 1, 2 — у Эрлиха, собрания 3—5 — у Брюсова) имеются «указания еще на два собрания: *Собрание шестое*: у И. В. П-го хранятся рукописи с рассказами Добролюбова. *Собрание седьмое*: у В. Га и Л. П-ва хранятся рукописи с народными произведениями, записанными Добролюбовым» (с. 68). Собрания 6 и 7, судя по всему, остались Брюсову недоступными. Определенных сведений о И. В. Покровском и Л. Постриганьеве (или Подстриганьеве) установить не удалось. Известно лишь, что И. В. Покровский в 1902 г. работал «по найму» в петербургской гимназии Я. Г. Гуревича (ЛГИА. Ф. 171. Оп. 2. Д. 4458).

⁵ «Книга раздумий» вышла в свет лишь в середине ноября 1899 г. См. в письме Брюсова к К. М. Фофанову, написанном в ноябре: «Книга раздумий нигде не продается; т. е. ее нет нигде еще» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6. Черновик). Ср. относящуюся к этому времени недатированную дневниковую запись Брюсова: «Вышла, наконец, “Книга раздумий”, которую ждали долго и томительно» (Дневники. С. 77).

⁶ См. п. 6, прим. 1.

⁷ «Брошен я в диких полях» — строка из стих. «Издалека» (см. п. 10, прим. 5).

19. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 28 августа 1899.

(...)

Вот все, милый В. Я., что написано мною за это лето ¹. Получили Вы письмо, посланное Вам в Крым, в ответ на Вашу “*Laus stultitiae*”? ² В Финляндии, где расположился было, мне не удалось прожить это лето. Несмотря на обаятельное действие края, внутренние причины были виною тому, что я очень скоро оттуда уехал и остальную часть лета жил преимущественно под Пб., в «Лесном» (у одного своего родственника) ³. Там же, ввиду того, что тот же мой родственник останется жить там осень и зиму, буду проводить и впредь три—четыре дня на каждой неделе. Очень радуюсь этому.

Теперь на следующей неделе думаю поехать в Москву, и на некоторое время расположиться там ⁴. Надеюсь доставить Вам тогда хранящиеся у названных Вами лиц рукописи А. Д(обролюбова) ⁵. Поражен радостно неожиданными его намерениями. В высшей степени занимает вопрос, как сложилась теперь его судьба.

Относительно характеристики Верхаарена не знаю, как поступить. В ближайшем будущем я положил не продолжать исследований о современных французских лириках, согласно вполне справедливому указанию Вашему на неудобство таких характеристик прежде окончания их творчества. Но поэзию Верхаарена жаль было бы оставлять не до конца исследованною после столь тщательной разработки целого ее периода. Я уже говорил Вам о величии горизонтов и обобщающей яркости образов в картинах его: “*Villages illusoires*” ⁶, а также многих видениях из “*Apparus dans mes Chemins*” ⁷. Между прочим, в начале этого лета переводил прозой много избранных частей из этих отделов поэзии ⁸. Но полученный от Вас сборник “*Villes tentaculaires*” и непосредственно примыкающая к нему драма “*Les Aubes*” ⁹, с которой я ознакомился в последнее время, более, чем когда-н(ибудь), явили мне этого поэта вещим баяном культурной борьбы в современной Европе. Тогда как первый сборник — единственная по полноте и мировому значению симфония Града нынешней Европы, потрясающая и восторгающая, разрешающая эту симфонию драма есть призыв к сокрушению всех гражданских оснований этой культуры и гимн пересозданию ее на основаниях всечеловеческой любви.

Кто бы мог подумать, что этот иступленный и ожесточенный созерцатель современных равнин, городов, размышлений и томлений завершит целый период своего вдохновения таким пророчеством! Последний завет его благодати, впрочем, еще не в этом, а пока — в заключительном аккорде поэмы Города, в оде об Идеях, парящих над ним. Она указывает на Силу и Правду-Любовь,

Э. ВЕРХАРН

По рисунку Ф. Косси

«Весы», 1907, № 2

действующие совместно под верховным правлением божественной Красоты, как на движущие нашей жизнью стихии. Таким образом, та красота, которую он признавал единственной силой современного мира в рассмотренный мною период его творчества, она же, ничем не измененная в своей природе, распространена им теперь из области исключительно художественной на всю культурную деятельность века.

Усиленно обращаю Ваше внимание и на совокупность повестей писателя Paul Adam, как на соответствующую лирике Верхаарена эпическую быль текущих дней. Многие романы его, в особенности — “La Force du Mal”, “Le Mystère des Foules” и последний по времени — “La Force”¹⁰ захватывают в бурю самой типичной для нашего времени и вместе с тем в мировой шири происходящей культурной деятельности. В одной из этих книг — распинаяющаяся за боли живого тела деятельность врача, в другой — борьба за переустройство общественных состояний и перераспределение вещественных достояний, и наконец, в последней властвует над всем простая война, радость избияния тел человеческих. Мощные струи жизни народных громад широко разлиты по всем этим повестям. Общий недостаток отчетливой сосредоточенности, и преобладание некоторого расплывчатого тумана, все застилающего, в значительной мере вредит силе этого творчества, но все же не отнимает великого поэтического значения у этого романиста, воспитавшегося на восточной мистике, германской метафизике и современном естествознании, в его союзе с «сокровенными» знаниями.

Преданный Вам И. О р е у с ¹¹.

Ответ на п. 18.

¹ Письмо открывалось автографами стихотворений июля — августа 1899 г.: «Порывы»: I «Если всмотришься в дальнее небо ...»; II «Мыслей настойчивых воля» (СП. С. 93—94); «Крайняя дума» (СП. С. 91—92); «Прояснение» (СП. С. 97. Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8 Л. 39—40об.); «Песнь изгнанника» (СП. С. 92—93. Автограф — ГБЛ. Ф. 386, 97.9. Л. 31—31об.); «Стансы личности» I («Я обуян двумя творцами...» — СП. С. 95—96. Автограф — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об.); «Стансы личности» II («Ужели нет певцов днянь?» — СП. С. 96—97. Автограф — ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 37об.).

² См. п. 16 и 17.

³ Коневской жил в Лесном у дяди — Николая Григорьевича Дьяконова.

⁴ Прощение Коневского ректору университета о месячном отпуске «в Москву и другие места империи, ввиду необходимых денежных дел с родственниками», датировано 20 августа 1899 г. (ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 40).

⁵ См. п. 18, прим. 3 и 4.

⁶ Книга стихов «Призрачные селения» (1894).

⁷ Книга стихов «Видения на моих путях» (1892).

⁸ Прозаические переводы Коневского из Верхарна см.: ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9.

⁹ Книга стихов «Города-спруты» (1896) и драма «Зори» (1898).

¹⁰ Романы французского писателя Поля Адана (1862—1920): «Сила зла» (1896), «Тайна толпы» (1895), «Сила» (1899).

¹¹ Последний абзац письма Коневского написан на полях стихотворений, открывающих письмо (см. прим. 1 к наст. п.). Таким образом, та его часть, что написана на стих. «Стансы личности. I»: «...лающего, в значительной мере в его союзе с “сокрове...”» находится в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25—25об.). Последние слова письма «...инными знаниями. Преданный Вам И. Ореус», написанные на полях «Песни изгнанника», отъединены от предшествующего им текста и находятся в ГБЛ (Ф. 386, 97.9. Л. 31—31об.).

20. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 5 (сентября 18)99.

О Добролюбова. В письме его к нам были такие слова: «Надеюсь на славу Божию, которая научит всех всему. Пусть, печатайте все мое, что желаете»¹. Письмо это личное, ко мне и моей жене, не для других. Неужели Эрлих, В. Гиппиус и др. не верят мне на слово? Если для Вас неудобно без определенного документа просить их об этой услуге поэзии, узнайте, прошу Вас, их адреса, я напишу сам².

Жду Вас в Москву³. Письма в Крым не получал. В последних Ваших стихах мне дороже обычные Ваши приемы⁴. Верхарна все перечитываю и люблю его все больше⁵.

Ваш душою Валерий Брюсов.

Ответ на п. 19. В автографе — дата Брюсова: «5 авг(уста)» — видимо, описка, потому что письмо, безусловно, написано по получении п. 19.

¹ См. п. 14, прим. 7.

² Брюсов добивается согласия у петербургских друзей Добролюбова на издание сборника его произведений и предоставления текстов Добролюбова.

³ 9 сентября 1899 г. Брюсов сообщил Бахману: «В Москве Ореус, автор „Сына Солнца“ и др. Он был бы очень рад узнать Вас» (ГБЛ. Ф. 386, 70.3). 13 сентября он же писал В. Ф. Саводнику: «В Москву на несколько дней приехал небезызвестный Тебе Ореус, нарочно чтобы повидать меня. Мне приходится проводить с ним все вечера (...) Будь это кто иной, я захватил бы его с собой, но Ты так мрачно отнесся к стихам Ореуса, что я не решаюсь». (ГБЛ. Ф. 178, 10882. № 3). 21 сентября Брюсов записал в дневнике: «Две недели был в Москве Ореус. Первые дни мы проводили с ним напролет, что было и томительно. Ходили в Сокольники и Богородск. Переговорили о всех стихах и стихотворцах (...) Уезжая, Ореус совсем умиленно прощался со мной» (Дневники. С. 76).

⁴ Имеются в виду стихи Коневской-Брюсовой при п. 19.

⁵ Ср. письмо Брюсова к В. К. Станюковичу (октябрь 1899 г.): «Из новых французских поэтов стоят чтения — Verhaegen, Vielé-Griffin и H. de Régnier. Особенно указываю на первого, на его стихи о современности, о больших городах, о гибнущей деревне, о народе, о улице и палачах...» (ЛН. Т. 85. С. 748). Примечательно, что Брюсов называет здесь те три поэтических имени, которые особенно выделял Коневской. К сентябрю — октябрю 1899 г. относятся переводы четырех стихотворений Верхарна, выполненные Брюсовым (см.: ЛН. Т. 85. С. 558, прим. 18. Примечания Т. Г. Динесман).

В. Ф. САВОДНИК

Фотография Фр. Опица. Москва, 1898

Центральный исторический архив города Москвы

21. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 22 сентября 1899 г.)

Милый Валерий Яковлевич.

Прочтя все слышанные от Вас и тогда уже увлекшие меня новые поэмы Ваши, вдвойне был утешен ими. Поэма «Царю Северного Полюса», особенно если еще продолжится, разрастется в такой исполинский эпос, в каком Вы обнаружите негаданную в Вас силу¹. «Брань народов»² вызывает впечатление не меньшей шири и яркости. Недостает для полноты представления о Ваших достоинствах «Демонов пыли», которые еще зимой в Вашем чтении, не во всех, помнится, отношениях, но многими местами мне очень понравились³. Но и небольшие стихи «Подруги»⁴, во всяком случае, ни мало не вредят действию двух других величавых гармоний, а включают в себя большую углубленность сердечной боли.

Одним словом, из всего Вашего творчества достаточно выделить эти три пьесы, присоединяя к ним «Демонов пыли», «Со всеми мы братья...»⁵ и «Утро из „Me eum esse“»⁶, — чтобы видеть в нем обетования великих дел. Не предавайтесь слишком беззаветно математике — молю Вас⁷.

В самом скором времени постараюсь доставить Вам "Villes tentaculaires"⁸. Какие *четыре* книги Верхаарена получили Вы? Я думал, что вы выписывали только сочинения его, собранные в одном третьем томе издания "Mercure de France"⁹. Не вошедшие пока в это издание "Campagnes hallucinées"¹⁰ думаю сам выписать вскоре.

Третьего дни получал из цензуры свои писания¹¹. Пришлось поспорить с цензором из-за некоторых пропусков. Zeitgedichte¹² невозвратно похерены. Пришлось подвергнуть изменению и некоторые рассуждения в одном из §§ «Умозрений Странствий», озаглавленном: «Две народные стихи», в котором речь идет о славянстве и германстве и, как образец религии славянства, приводится в пример вероучение Льва Толстого: сошлись с цензором на том, чтобы сохранить почти все, излагающее суть дела, только без упоминания о Толстом и Ясной Поляне¹³. Вполне восстановить удалось один истинно чудовищный пропуск в рассуждении о романтизме и современной мистике, слова о Байроне, что «мятеж его против всякой вообще всемогущей силы исполнен, конечно, бессмертной мощи»¹⁴.

Таким образом, мне явилась возможность сегодня передать в окончательном виде весь сборник в типографию, и через три недели мне обещано окончание печатания. Быть может, Вы по этому случаю узнаете у Бальмонта о судьбе Книги раздумий¹⁵.

Передайте А. А. Лангу, что, прочтя его обращение к Спасителю, еще более оценил жгучесть его, чем раньше. А в «Ночи Заклятия» припевы о слезах несомненно не соответствуют силе грозного гула в обращениях заклинателя. Жду с большими надеждами его сборника: «Одинокый труд»¹⁶.

Сердечно Ваш И. О р е у с.

22 сентб. 1899.

Письмо написано вскоре по возвращении из Москвы. 28 сентября Брюсов записал: «От Ореуса получил восторженное письмо. Все его прельстило у нас — и Москва, и мои стихи, и Ланг, и общество у Бахмана. "Zeitgedichte" в его книге запрещены» (Дневники. С. 76).

¹ Поэма «Царю Северного полюса» (в автографе под текстом: «Начато в сентябре 1898. Кончено в мае 1900») опубл. в TV с посвящением Ивану Коневскому (впоследствии посвящение было снято — см. I, 246). В 1899 г. написаны главы II и III и Вступления к поэме (см.: ПСС II. С. 283).

² Стих. «Брань народов» («Брань народов не утихнет...»), датированное 18 августа 1899 г., опубл.: TV; I, 224.

³ Стих. «Демоны пыли» («Есть демоны пыли...»), написанное 21 февраля 1899 г., Брюсов читал в Петербурге в марте 1899 г. на «пятнице» у К. К. Случевского: «К удивлению моему, стихи имели громадный успех» (Дневники. С. 65; см. наст. кн., Марк Криницкий в записях Фидлера. Вступ. ст. К. М. Азадовского, прим. 14). Стихотворение впервые опубл. в КР.

⁴ Видимо, стих. «Подруги» («Три женщины грязные, пьяные...»), написанное 27 сентября 1895 г. и впервые опубл.: III I; см. также I, 78.

⁵ Стихотворение впервые опубл. в КР; позднее печаталось под заглавием «Духи земли» (I, 232).

⁶ «Утро» («Не плачь и не думай...») — МЕЕ; позднее печаталось без заглавия (I, 129).

⁷ В одной из позднейших заметок Брюсов писал: «В ранней юности я мечтал быть математиком, много читал по астрономии, несколько раз принимался за изучение аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, теории чисел, теории вероятностей...» (Избр. 1955. 2. С. 558). На осень 1899 г. приходится усиление математических интересов Брюсова: «... я изучал дифференциалы, чертил графики...» (Дневники. С. 74).

⁸ См. п. 19, прим. 6.

⁹ Имеется в виду издание: Verhaeren E. Poèmes. III. Les villages illusoires. Les apparus dans mes chemins. Les vignes de ma muraille. Paris, 1899 (Верхаарн Э. Собр. стихов. III. Призрачные селения. Представшие на моих путях. Лозы моей стены. Париж, 1899).

¹⁰ Книга стихов «Поля в бреду» (1893).

¹¹ Имеется в виду книга «Мечты и думы». См. п. 17, прим. 5.

¹² См. п. 7, прим. 1; п. 8, прим. 9.

¹³ В опубликованном тексте очерка «Две народные стихи» сохранились, однако, упоминания о «вероучении Льва Толстого» и о Платоне Каратаеве (МД. С. 121—122).

¹⁴ См.: МД. С. 96 (очерк «Перед живописью Швинда»).

¹⁵ См. п. 17, прим. 5.

¹⁶ Упоминается книга Ланга «Одинокый труд» (см. вступ. ст., прим. 70; цензурное

разрешение книги — 4 августа 1899 г.). Называемые Коневским стихи в эту книгу не вошли. Брюсов записал в дневнике 21 сентября: «Неожиданно Ореусу прельстились многие стихи Ланга, "Смерть", напр(имер):

У нас одинакова сила...
Много судьба мне дарила
Стрел своих дивно каленых.

(Дневники. С. 76)

«Обращение к Спасителю» — по-видимому, «Свободная душа» («Далеко, где темное море...» — см. п. 27, прим. 4). Автограф стих. «Ночь Заклятия» («Словно в болезни тяжелой...») также был прислан Лангом Коневскому. «Обращение заклинателя» — строки от лица заклинателя:

Не бойся за мною иди
Есть еще путь неизведанный,
Богом моим исповеданный.
Не бойся во мраке иди! —

сопровождающиеся «припевом»:

Плачет темная ночь
И слезы все падают, падают
В душу живую мою...

(Ямпольский И. Г. Письма А. Мировпольского к И. Коневскому // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 29).

22. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 30 сент(ября) 1899.

Милый Ореус! есть к Вам просьба, впрочем — вероятно и для Вас желательная. К. Д. Бальмонт просит Вас зайти в типографию Балашева, Фонтанка 95, и спросить там решительно и с негодованием (сообщив, что Вы Ив. Коневской и что Вы исполняете просьбу Бальмонта): готова ли Книга раздумий¹. Если да, то пусть они тотчас доставят Бальмонту (Москва, Ильинская ул., д. Полякова для К. Д. Б.) данные (т. е. счет) о цене печатания книги и о продаже «Освобожденного Прометей», которой они заведовали². Получив эти данные, он, Бальмонт, немедленно учинит с ними окончательный расчет. Желает еще Бальмонт, чтобы вместе с «данными» доставили ему на первое время 20—30 экземпляров Книги раздумий, для раздачи нам и близким; это непременно. Вот к Вам, милый Иван Иванович, просьба: исполните ее, если можно тотчас, ведь надо как-нибудь покончить с этой пресловутой Книгой раздумий.

На днях напишу Вам полнее, пришлю стихи. Завтра Ланг посылает Вам свою книжку³. Сборники Verhaeren'a, которые я получил, суть: *Roèmes III*⁴, *Les campagnes hallucinées*⁵, *Les aubes*⁶, *Les visages de la vie*⁷. Драма хороша, но ее можно бы было написать сильнее⁸. *Les visages* — удивительны, и в двух других сборниках есть вещи, которыми я опять и опять «упиваюсь»⁹.

[Ваш Валерий Брюсов.]

Ответ на п. 21.

¹ «Книга раздумий» печаталась в петербургской типографии «В. С. Балашев и К^о». Ср. п. 18, прим. 5.

² Сочинения Шелли в переводе Бальмонта. Вып. 6 («Освобожденный Прометей»). М. Тип. В. С. Балашева и К^о, 1899.

³ «Одинокий труд» (см. п. 21, прим. 16). 12 октября 1899 г. А. А. Ланг писал Коневскому (видимо, по получении его отзыва о книге): «Рад и очень рад, что мои стихи Вам понравились. Ваши стихи я уже давно полюбил. В них светилось для меня постоянно что-то родное. Познакомившись лично с Вами, я убедился, что Вы так же, как и я, свято и мощно верите в поэзию. Из нашего краткого знакомства я вынес самое теплое чувство к Вам» (ПР 1988. С. 23).

⁴ См. п. 21, прим. 9.

⁵ Там же, прим. 10.

⁶ «Зори» — см. п. 19, прим. 9.

⁷ Книга стихов «Лики жизни» (1899).

⁸ Драма Верхарна «Зори».

⁹ Ср. оценку творчества Верхарна в письме Брюсова к А. А. Курсинскому от 23 октября 1899 г. (наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 55).

23. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Октябрь 1899 г.)

Вот, дорогой Иван Иванович, какие длинные стихи стал я писать ¹. Читаю французских поэтов. Читал Paul Fort — это полупроза, полустихи, полухорошо, полудурно и все же скучно ². Читаю Swanhilde ³ — немного резко, но иное очень верно. С большим любопытством читаю книги Remy de Gourmont ⁴. (Все это из собрания того странного поклонника новой поэзии, о ком я говорил Вам, — С. Полякова ⁵.) Еще занят русским XVII веком ⁶. Книга раздумий подвигается, но медленно, ибо Бальмонт уехал в Париж. Очень жду появления Вашего сборника.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Письмо написано на одном листе со стих. «В дни запустений» («Придут дни последних запустений...» — I, 223). К письму были приложены также новые фрагменты поэмы «Царю Северного полюса» (см. п. 24).

² Французский поэт Поль Фор (1872—1960) — писал стихи в форме ритмизованной и рифмованной прозы; в 1890-е годы выпустил в свет несколько сборников баллад («Ballades», 1896, 1897 и др.). Впоследствии Брюсов отметит, что «полу-прозаические, полу-стихотворные баллады» Фор «по красоте языка, по смелости фантазии, принадлежат к числу превосходных созданий французской поэзии» (ПСС ХХI. С. 277).

³ «Свангильда» (1898) — поэма Вьеле-Гриффена.

⁴ Видимо, книги французского писателя и критика Реми де Гурмона (1858—1915): «Проблема стиля» («Le problème du style», 1893), «Книга масок» («Le livre des masques», 1896—1898) — сборник критических эссе о современных французских поэтах и прозаиках.

⁵ О С. А. Полякове см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

⁶ Ср. октябрьскую дневниковую запись Брюсова: «Погружен в XVII век» (Дневники. С. 77); в этом же месяце он писал В. К. Станюковичу: «Я остался один с своими книгами, с раздумьями, с родными улицами и московскими старинными церквями. Все больше отрекаюсь я от современности, все глубже погружаюсь в XVII век» (ЛН. Т. 85. С. 747). В ноябре того же года в письме к К. М. Фофанову Брюсов сообщал: «Изучаю московские церкви, колонки, обвитые виноградом, толстые колонны с татарскими лицами, темные переходы, озверелые лица угодников и редко-редко итальянская двойственность. Знаю, что такое оброчная работа, знаю, что за камень вал» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6. Черновик). Очерком о культуре Москвы XVII в. Брюсов предполагал открыть свою незавершенную «Историю русской лирики», над которой он тогда работал; сохранился план задуманного исследования: «Часть первая: XVII век. I. Москва XVII века (1. Улицы. 2. Церкви. 3. Толпа и уличные увеселения. 4. Дворцовая и боярская жизнь. 5. Жизнь среди людей). II. Усадебная жизнь. III. Эстетика русского XVII века и т. д. (подробнее см.: Коншина Е. Н. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // Записки ОР(ГБЛ). М., 1962. Вып. 25. С. 119—120; Неосуществленный замысел. С. 201—202.

24. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 1899 г. 24 октября.

Снова сообщилося мне большое утешение в Ваших стихах о полярных странах ¹. Правда, в целом картина плаванья и личностей Викингов и даже сборов их в путь, кажется мне, отмечена большим вдохновением: и в той, и в другой неизмерима ширь горизонта и размах воздуха; а что в особенности выдвигает вторую часть — так это полная гармония этих свойств с крайней яркостью и пластичностью образов. В третьей части — картине зимнего полярного края — обилие резких образов и блистаний сначала особенно как бы затеняет целостное чувство кругозора шири и дали воздуха. Как раз те слова, которые в этих первых частях должны бы вмещать в себе такое единство духа, слабее самих разрозненных образов: «мир без грез и содроганий в полутьме немеет, стынет» ² — конечно, одно из наименее метких и гармонирующих с целым выражений во всем стихотворении. И вот от этого отсутствия объединяющей души все фантастические образы в начале этой третьей части поэмы приобретают несколько внешний характер — несмотря на тонкость и яркость отдельных из них («им во льдах зеркальных снятся двойники, земные сестры...») ³.

Заметно растет дух картины в явлении бури, хотя в ней еще слишком много все зрительное запорашивается тучей снега: надо бы освоившемуся с полярным

краем пронизать взором эту выюгу. Но великого подъема достигает дух в последней строфе.

«Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим.

Дни проходят словно дымы, дни подобны быстрым тучам»⁴

— эти слова сразу возносят надо всем краем и зимой и дают созерцать их во всю их ширь. Дальнейшие образы борьбы человека с этой природой глубоко согласуются с этим общим впечатлением, вводят в мертвящую сердце картину дерзкое и непреклонное стремление воли. И не менее властно замыкается вся песнь гулким и спокойным созвучием вечности с ходом зимних дней.

Одна частная черта мне представляется подлежащей изменению: мне кажется, насколько не подходит к тюлениям эпитет: «размашистый» (не соответствующий никак косности), настолько подходил бы к ним: «расплывшийся» или даже «раскидистый»⁵.

Стихотворение: «Во дни запустений»⁶ вызвало во мне очень неровное впечатление. Несомненно, гораздо сильнее и легче написана вторая половина приблизительно со слов: «на мшистых улицах слышат звери...». В первой половине много черт очень внешних, другие кажутся мне не на своем месте: таковы слова «Победный свет не заблестит в пустыне». Здесь выражение «победный свет», которое могло бы быть такое сильное, как бы должно отнести к какому-то совсем другому моменту: только тогда эпитет «победный» приобрел бы мотивированное и подобающее ему значение; а так он лишается своего веса, являясь как-то пристегнутым сбоку, в виде какого-то обозначения мимоходом. Я думаю, такое впечатление обусловлено отрицанием при сказуемом этого суждения: тем, что свет не заблестит, он лишается права на эпитет: «победный». Поэтому-то, являясь общим обозначением этого света, он и не соответствует характеристике здесь указанного его действия. А стоящее сейчас же рядом со словами про свет в пустыне упоминание о громе поездов кажется мне, с одной стороны, кричащим, с другой стороны — мелким, если принять во внимание культуру далекого будущего: не будут ли казаться тогда грубыми и детскими наши железные пути сообщения?

Наконец, просто не вполне понятно мне, как связано Вами с замыслом представление о львах и змеях, остающихся на местах, где долее не в силах были жить люди⁷. Эти черты внушают недоумение: какими причинами объяснить себе бегство людей с первого взгляда представляется такими причинами известное в соображениях науки охлаждение климата; но возможность для львов и змей жить в этом климате исключает такое предположение; тогда остается неопределенным по значению единственное выражение, мотивирующее переселение народов: «земные силы оскудеют вдруг».

Жду от Вас по-прежнему «Демонов пыли»⁸.

В последнее время я занят был писанием очерка: «Судьба Баратынского в истории русской поэзии», в виде полугодичного реферата для отделения славяно-русских языков⁹. Самостоятельная характеристика Баратынского составляет в нем наиболее отвечающую моим задачам часть. Кроме нее значительную часть очерка занимает рассмотрение различных «критических отзывов» о поэте и вызвана условиями университетских требований по «эрудиции». Хотя, большую частью, скучно возиться с этими материалами, но относительно Баратынского даже эта сторона дела представляет кое-какой интерес: конфликт с Белинским уж очень, например, типичен¹⁰. Итак, этим писанием занимаюсь не без удовольствия.

Спеша доставить Вам это письмо, отлагаю до другого раза сообщение некоторых новых стихов.

Любящий Вас И. О р е у с.

Ответ на п. 23.

¹ Фрагменты поэмы «Царю Северного полюса» (см. п. 23, прим. 1).

² Опубликованный вариант 6-й строки III части поэмы: «Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет» (TV. С. 52; I, 248).

³ Там же, строка 9.

⁴ Там же, строки 25—26 (в опубликованном варианте: «дни подобны снежным тучам»).

⁵ Там же, строка 28. Брюсов исправил ее по указанию Коневского: «Жди моржей косматых-рыжих, бей раскидистых тюленей».

⁶ Стих. «В дни запустений» впервые опублик.: TV, без изменений по отношению к тексту, который был послан Коневскому (см. также I, 223).

⁷ Имеются в виду строки:

На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.

(I, 223)

⁸ См. п. 24, прим. 3.

⁹ Очерк закончен в 1899 г., как зачетное сочинение был принят проф. И. Н. Ждановым (см. о нем п. 49, прим. 3); сохранился в рукописи (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12). См. также п. 49, прим. 1.

¹⁰ Коневской говорит о статьях В. Г. Белинского «О стихотворениях г. Баратынского, ч. 1—2. М., 1834» и «Стихотворения Е. Баратынского» — о сборнике «Сумерки» (1842). Стихотворениям Баратынского Белинский вынес резкий приговор: «(...) поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них (...) перечтите все стихотворения г. Баратынского: что вы увидите в каждом из лучших? Два-три поэтические стиха, вылившиеся из сердца; потом риторика, потом несколько прозаических стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, умение, навык, щегольскую отделку и больше ничего» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 324—325). Столь же критичен Белинский и во второй, более поздней статье о поэзии Баратынского (Там же. Т. VI. С. 456—483).

Коневской в своем очерке отмечает «коренные различия между умственными кругозорами поэта и критика» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 3). «Белинский, — пишет он, — являлся выразителем целой умственной поры, и эта пора одушевлена была уверенностью в том, что возможно познание всего через наблюдение внешних предметов и рассуждение о них (...) и была уверена в возможности привести все желания человека в согласие с этим разумным познанием» (Там же. Л. 3об.—4), тогда как в лирике Баратынского «изображается острый протест против надежд века на достижение всецелого познания и довольства через умственное исследование природы и улучшение вещественного быта людей» (л. 5—5об.). Характеризуя критический метод Белинского, Коневской упрекает его в «чрезмерном внимании его к точно сформулированным идеям» и «недостаточной чуткости к качествам и характеру поэтического изложения этих идей» (л. 6). В целом же он считал, что недооценка поэзии Баратынского составляет «одну из самых непростительных вин» в критической деятельности Белинского (л. 3).

25. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 5 ноя(бря) 1899.

Посылаю Вам, милый Валерий Яковлевич, обещанные новые образцы своей поэзии ¹, а также обращаюсь за справкой по предмету, в данную минуту, кажется, обоих нас интересующему. Я уже сообщал Вам о том, что в настоящее время, по поводу университетских требований, взялся «изучать» Баратынского. В этом изучении мне вспомнилось слышанное от Вас сведение о том, что этот поэт особенно увлекался мировоззрением Спинозы, а также — занимался математикой. После того, что недавно в объявлении о последней книжке «Русского архива» встретил упоминание Вашего расследования истории изданий Баратынского ², я еще более получил надежд узнать от Вас точные сведения о свидетельствах, доставивших Вам известие указанных данных. Буду очень обязан Вам, если сообщите об этом в скором времени.

Недавно прочел «Visages de la Vie» ³, и после этого склоняюсь к заключению, что Verhaeren — один из тех, если не первый, кто выполнит задачу, не удавшуюся Ницше, — быть провозвестником нынешнего века и вождем его к грядущим дням. Vielé-Griffin и Swinburne равны ему, но отвлеченнее от современного быта, а Maeterlinck — в двух своих книгах наставлений ⁴ — делит со своим соплеменником глубокую близость именно к повседневному обиходу наших дней, к запросам множества душ, но, конечно, бессилен к той силе деятельных страстей, которая кипит в поэте «Идей», «Души Города» или «Моря», «Дубравы» и «Толпы» — всех этих «обличий жизни» ⁵. Мощный центр всей силы лич-

ного сознания у Verhaegen нигде, кажется, не выразился с такой яркостью, как в заключительных частях стихов про «Бру»⁶, где изображается схождение всех неизмеримых сил вселенной в духе человека. Это — истинное осуществление «сверхчеловечества».

(. . .)?

Иван О р е у с

Прошу Вас передать А. А. Лангу мой привет, благодарность за письмо и извинение в том, что не отвечал ему⁸. Намерен исполнить это в скором времени.

¹ См. прим. 7 к наст. письму.

² Имеется в виду статья Брюсова «О собраниях сочинений Е. А. Баратынского» (РА. 1899. № 11).

³ См. п. 22, прим. 7.

⁴ См. п. 9, прим. 13.

⁵ Перечисляются стихотворения Верхарна из книг «Города-спруты» и «Лики жизни».

⁶ О чем идет речь — не установлено.

⁷ Следуют автографы стихотворений осени 1899 г.: «Осенние голоса» — I «По обширным полям моих дум...» и II «Убийственный туман» (СЦ 1901; СП. С. 98—99); «К служителям» (СП. С. 99—100); «Благодарность» (СП. С. 100); «Зимний голос» (СЦ 1902; СП. С. 101); «Отречение» (СП. С. 100). Автографы см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.8. Л. 28—30об. Стихи имеют карандашные пометы И. М. Брюсовой, ею отмечены разночтения и варианты.

⁸ Видимо, речь идет о письме Ланга от 12 октября 1899 г., в котором давалась оценка поэзии Коневского (ПК 1988. С. 23).

26. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) 19 ноября (18)99

Привет!

Медлил, желая доставить оттиски расследования о Баратынском¹, но их все еще не получил. Впрочем, любопытного там мало; занятия свои библиографией (ведь я написал еще о Пушкине)² — проклиная; понимаю несколько смешной стих

Мы иссушили ум наукою бесплодной...³

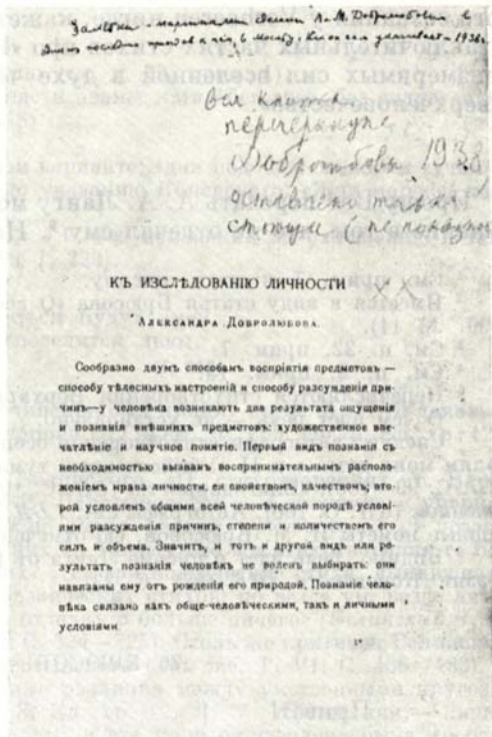
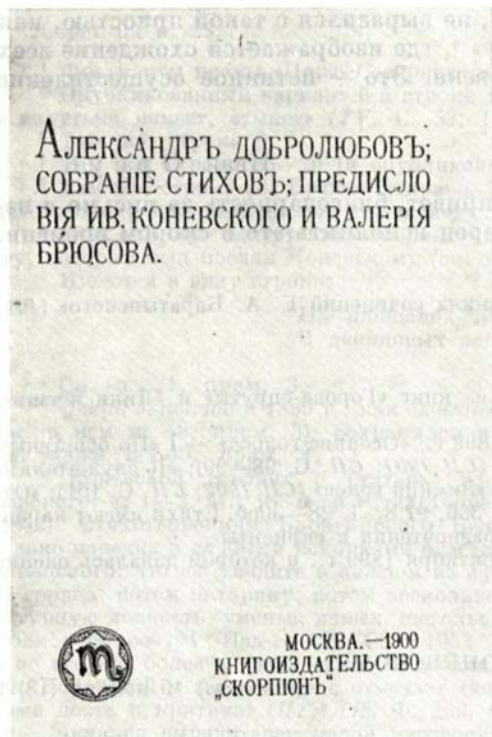
Однако занятия эти кое-что напомнили мне. Разве не удивительно, что человек не умеет переписать страницы, чтобы все было точно. Анненков, благоговевший перед Пушкиным, пропускал целые стихи⁴; поколения библиографов все поправляли его и все вводили новые ошибки. Позор ли это человека или его величие? Бессилие даже внимания или вечное своеобразие личности, которая не может только повторить, но должна внести свое?⁵

Недавно прочел я (впервые в жизни) когда-то столь читаемое «Что делать». Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями шестидесятых годов. Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод. Правила мне даже любезны, но на условии, что я знаю свою власть над ними. Мне хотелось бы написать греческую трагедию с распределением ролей лишь для трех актеров⁶. В Мережковском мне всего более чуждо, что он из свободы сделал правило, приказывает не повиноваться.

Из Ваших стихов⁷ для меня лучшие первые две вещи: «По обширным полям» и «Убийственный туман». Непонятно мне, в чем сущность в «Благодарности» (разве первые два стиха) и «К служителям». Последние два — «Зимний Голос» и «Отречение» — именно Ваши, несмотря на внешнюю новость. И вообще все эти стихи Ваши, очень Ваши. Это хорошо, ибо я Вашу поэзию люблю, но мне хотелось бы, чтобы и Вы и другие писали именно то, что я никак не мог бы ждать, для меня вечно неожиданное и потому вечно близкое⁸.

Ваши замечания к моим стихам во многом мне кажутся верными, особенно о поездках⁹; раскидистых тюленей я ввел в стихи¹⁰. Нового ничего не пишу.

Очень извиняюсь перед Эрлихом, что задерживаю бумаги Добролюбова¹¹. Но дело в том, что, как кажется, я нашел издателя, готового издать его всего (или лучше большую часть). Это тот же С. Поляков, у которого библиотека полна книгами «Mercure de France» и «Revue Blanche»¹². Пока я приготовил

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ. СОБРАНИЕ СТИХОВ. М., «СКОРПИОН», 1900

Предисловия Ив. Коневского и Валерия Брюсова

Титульный лист и страница с пометами А. М. Добролюбова: «вся книжка перечеркнута Добролюбовым» 1938, оставлено только стоящее (не показное) и И. М. Брюсовой: «Заметки-маргиналии сделаны А. М. Добролюбовым и один из последних приездов к нам в Москву. Как он сам указывает — 1938 г.»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

к печати собрание стихов Добролюбова с Вашим предисловием, в котором (о чем мы с Вами говорили) вставил в одном месте «может быть» («может быть, без художественного и мыслительного совершенства»¹³).

Что до сведений о Баратынском, то они потеряли немного через то, что запоздали, ибо нелюбопытны. Баратынский был математик, это очень известно; смотрите, напр(имер), примечание в Казанск(ом) изд(ании) 84 г. стр. 489¹⁴. Что Баратынский читал и любил Спинозу, это моя догадка. Я говорил Вам (хотя, помнится, не убедил), что, на мой взгляд, в стихах Баратынского за 24—34 годы господствуют пантеистические воззрения¹⁵. Баратынского все считали и называли философом. В письме к Пушкину он говорит, что не читал Канта¹⁶. Кого же он читал? Неужели одних только просветителей XVIII в.? А Спиноза после Гете и Лессинга стал очень известен¹⁷. (О Баратынском подбор сведений в Словаре Венгеров¹⁸.)

Знаете ли Вы Стринберга? тот же Поляков его очень проповедует и, кажется, это писатель стоящий чтения¹⁹. Читаю с большим любопытством "Divagations" Mallarmé²⁰, но после своей неудачи с его стихами не смею указывать на него²¹; и здесь есть места (хотя проза его и проще), о которых скорее мечтаешь, чем точно отдаешь отчет. "Phocas"²² и другие поэмы в общем слабее, чем мне показалось сначала. Verhaeren — торжество!²³

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 25.

¹ См. п. 25, прим. 2.

² Статья «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» (РА. 1899. № 12).

³ Из стих. Лермонтова «Дума» (1838). Ср. дневниковую запись Брюсова (октябрь 1899 г.):

«... предался я библиографии. Баратынский и Пушкин, вернее, издатели их, заняли все мое время. Я понял верность несколько смешного стиха: «Мы иссушили ум наукою бесплодной»⁴. Я чувствовал, как мой ум иссыхал» (*Дневники*. С. 77).

⁴ Критик Павел Васильевич Анненков (1813—1887) подготовил первое научное издание сочинений Пушкина в 7 томах (1855—1857) и первую научную биографию поэта. См. статью Б. Л. Модзалевского «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (*Модзалевский Б. Л. Пушкин*. Л.: Прибой, 1929). Брюсов постоянно обращается к анненковскому изданию Пушкина в статье «Что дает академическое издание сочинений Пушкина».

⁶ Ср. дневниковую запись Брюсова (ноябрь 1899): «Из библиографических изысканий: то обстоятельство, что человек не может без ошибки переписать страницу (а это так! ошибаются — Анненков, Е. Якушкин) — есть ли это позор человека или в том его величие?» (*Дневники*. С. 77). О том же см. в письме к К. М. Фофанову от ноября 1899 г.: «Понял некоторую верность смешного стиха — «Мы иссушили ум наукою бесплодной...», но и занятия этой «библиографией» напомнили мне все то же, неизменное. Неужели человек не может переписать страницы, так, чтобы было точно? Позор ли это человека или его величие? Бесилие даже внимания или вечное своеобразие личности, которая не может только повторить» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.6. Черновик).

⁶ Ср. дневниковую запись Брюсова (ноябрь 1899): «Занимаясь в Историческом музее старыми журналами, читал «Что делать» Чернышевского. Во всяком случае, повесть незаурядная, стоящая чтобы ее прочесть» (*Дневники*. С. 77). Аналогичную запись Брюсов сделал и в декабре 1899 г. (Там же. С. 78). Ср. в письме к Фофанову (ноябрь 1899): «Прочел недавно — впервые в жизни — когда-то столь громкое «Что делать». В шестидесятых годах люблбуйство и низвержение всех кумиров. Правила мне даже любезны, но лишь на условии, что я знаю свою власть над ними. Мне хотелось бы написать греческую трагедию с распределением ролей лишь для трех актеров» (*ГБЛ*. Ф. 386, 73.6). В письме к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. Брюсов сообщал, в числе задуманных «маленьких раздумий-статеек», о замысле написать «о последних статьях Чернышевского (при его переводе Вебера)» (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 446). Имеются в виду статьи Н. Г. Чернышевского 1885—1887 гг., приложенные к его переводу «Всеобщей истории» Георга Вебера, которую Брюсов изучал при подготовке к выпускным экзаменам в университете. Текст статьи («Последние статьи Андреева») см.: *ГБЛ*. Ф. 386, 3.22. Л. 9—11об. и 25—26. Андреев — псевдоним Чернышевского. Статья обнаружена в черновых тетрадях Брюсова и подготовлена к печати С. И. Гиндиным.

⁷ См. п. 25, прим. 7. О стих. «Отречение» см. также п. 32, прим. 4.

⁸ Брюсов выдвигает здесь одно из принципиальных требований к поэтам, уже выразившим свою творческую индивидуальность, — требование постоянного обновления и совершенствования художественной палитры. Ср. его письмо к А. А. Коринфскому от 2 апреля 1899 г.: «Надо, чтобы каждый новый сборник был безмерно выше прежнего, и все выше, все лучше, так до без конца, до старости и смерти. Разве можно жить, если наступающий миг не осуждает и не отвергает ускользнувший» (*Встречи с прошлым*. М., 1978. Вып. 3. С. 75. Публ. Ю. А. Красовского).

⁹ См. п. 24, прим. 6.

¹⁰ Там же, прим. 5.

¹¹ См. п. 9, прим. 2—4 и п. 18, прим. 4. По-видимому, Коневской привез в сентябре в Москву и передал Брюсову рукописи Добролюбова из собрания Я. Эрлиха (см. п. 27, прим. 5; п. 28, прим. 3).

¹² «Собрание стихов» Александра Добролюбова вышло в свет в издательстве «Скорпион» в конце марта 1900 г. (цензурное разрешение — 1 декабря 1899 г.). «*Mercure de France*» и «*Revue Blanche*» — парижские литературные журналы. В издательстве «*Mercure de France*» вышло большинство книг французских символистов.

¹³ Имеется в виду предисловие Коневского к «Собранию стихов» Добролюбова (датировано 2 сентября 1899 г.). После правки Брюсова мысль Коневского о творчестве Добролюбова приобрела такое выражение: «(...) чувство жизни, сосредоточенное, может быть, без художественного и мыслительного совершенства, невольно поражает и широтой ощущения» (*Добролюбов 1900*. С. 6).

¹⁴ Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского с портретом автора, его письмами и библиографическими о нем сведениями. Изд. IV. Казань, 1884. Издание подготовлено сыном поэта — Н. Е. Баратынским. Книга эта сохранилась в личной библиотеке Брюсова, имеет его многочисленные маргиналии. См. также главу «В. Брюсов о Баратынском» в кн. *Тиханчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века*. Ереван, 1973.

¹⁵ Мысль о пантеизме Баратынского Брюсов проводит также в статье «Мировоззрение Баратынского» (VI, 35—42), написанной в октябре 1898 г., но не доведенной тогда до печати.

¹⁶ 5—20 января 1826 г. Баратынский писал Пушкину: «... московская молодежь помешана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо ли это или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков» (Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского... С. 504—505; *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. С. 254).

¹⁷ В статье «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского» Брюсов отметил, касаясь воззрений поэта во второй половине 1820-х годов: «В своем миросозерцании Баратынский подходил тогда к некоторым положениям Спинозы» (*РА*. 1900. Кн. 1, № 4. С. 550). Восприятие Брюсовым философии Спинозы посвящены работы С. К. Кулыус «Валерий Брюсов и

Спиноза» (см. наст. кн., Письма к Самыгину, Вступ. ст., прим. 4) и «Основания всякой метафизики» В. Я. Брюсова (опыт реконструкции) (Там же).

¹⁸ См.: Венгеров. Словарь. Т. 2. С. 126—144.

¹⁹ Ср. дневниковую запись Брюсова от 19 ноября 1899 г.: «Был у меня Поляков (и Балтрушайтис) и очень проповедовал Стринберга. Надо прочесть "Inferno", "Nach Damaskus" etc.» (Дневники. С. 78). См. в письме к К. М. Фофанову (ноябрь 1899): «(...) читаю Стринберга, которого проповедует Поляков (...)» (ГБЛ. Ф. 386, 73.6). О восприятии творчества Стриндберга в России в 1890-е годы см.: Шарышкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 256—263. Примечательно, что интерес Брюсова направлен к новейшим произведениям писателя, в которых сказались символистские тенденции и тяготения к мистицизму, — роману «Ад» (1897) и драме «Путь в Дамаск» (1896).

²⁰ Книга прозаических произведений и статей Ст. Малларме «Уклоны» («Les Divagations», 1897).

²¹ Вероятно, речь идет о неудавшейся попытке Брюсова увлечь Коневского стихами Малларме (см. п. 2, прим. 2). Поэтому он не решается рекомендовать и книгу прозы.

²² См. п. 1, прим. 15.

²³ Ср. дневниковую запись Брюсова от 19 ноября 1899 г.: «Последние месяцы упиваюсь Верхарном» (Дневники. С. 78).

27. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(не ранее 12 января 1900 г.)

Привет!

Могу известить Вас о некоторых новых стихотворных писаниях. Но я не решаюсь включить их в состав истинного поэтического творчества моего. Они написаны более всего для самоуяснения по некоторым основным темам деятельности. Поэтому и заглавие им придано очень рассудительное: Соображения. Можно указать, что это «соображения» на мысль Ницше о «воле к могуществу», разработанную им в книге: "Jenseits von Gut und Böse"¹. Разумеется, способ творчества умственных понятий и суждений может и должен объединиться со способом творчества побуждений и настроений сердца. Страстное чувство, одушевляющее второй, может не препятствовать точности наблюдения и обобщения, управляющего первым из этих способов творчества; и — что не менее важно — и тем и другим восприятием предметов могут порождаться тождественные образы воображения. Но в написанных мною недавно стихах стремлением к точности понятий подавлены были, как мне кажется, особенно вообразительные силы творчества. Между тем, мною все же в слишком сильной мере управляло страстное чувство, чтобы тема разработана была во всей полноте ее умозаключительных связей. Таким образом данные стихи могут представлять значение лишь в качестве каких-то «размышлений» в рифмованной и размеренной форме, но не как образные «раздумия» (...)²

Присоединяю убедительную просьбу о письменном сообщении Ваших стихов про «Скифов»³ и стихов А. А. Ланга о душе, магическом круге и «вечерних тенях на мостовой»⁴, а также напоминание о возвращении рукописей А. Добролюбова⁵. Я Эрлиха еще не видел, но указание, которое он просил меня передать Вам, решительно, и потому явлюсь к нему не иначе, как с рукописями в руках.

И. О р е у с

К письму приложены два стихотворения под общим заглавием «Соображения»: I «В страдании лишь — могущества свобода» и II «Нет, не было у смерти большей веры», датированные: «1900; янв. 11—12». Это и служит основанием для датировки письма. В СП стихи вошли в цикл «Гномы».

¹ Книга Ницше «По ту сторону добра и зла» (1885). Ту же тему, что и в присланных стихах, Коневской разработал в статье под названием «К делу свободы и могущества. На мысль Ницше "о воле к могуществу"», датированной: Москва. Сентябрь 1899. Январь 1900 (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 31).

² Опушен текст стихов. Текст письма, предшествующий стихам, хранится в ГБЛ (Ф. 386, 97.9), а автографы стихотворений и окончание письма (от слов: «Присоединяю убедительную просьбу ...») — в ЦГАЛИ (Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 30). В правом углу листа карандашная помета Брюсова: «К письму, где говорится, что не решается присоединить это стих(отворение) к творчеству». В своем комментарии к циклу «Гномы» Брюсов процитировал начало письма до слов: «Разумеется, способ творчества...» (СП. С. 243).

³ Стих. «Скифы» (I, 152; в TV — «К скифам»). Написано 29 ноября 1899 г.

⁴ 22 января 1900 г. Ланг писал Коневскому: «Сегодня я исполняю Вашу просьбу и присылаю понравившиеся Вам мои стихотворения» (*ПК* 1988. С. 24). К письму приложены стих.: «И лягут вечерние тени на душу мою», «В магическом круге» («Я раскрыл потаенную дверь...»), «Свободная душа» («Далеко, где темное море...»). См. также п. 21, прим. 16.

⁵ См. п. 26, прим. 11.

28. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Средина января 1900 г.)

Простите, дорогой Иван Иванович, мое молчание. Я простудился, может быть, в последний день Вашего бытия в Москве, когда мы вместе осматривали церковь; было ведь очень холодно, сознайтесь, а я по развращенности души уже не способен наивно относиться к холоду ¹. Стихи Ваши, т. е. Гиппиуса, передал А. Лангу; свои он доставит Вам на днях ². Рукописи Добролюбова я отправлю (по Вашему адресу?) тоже в самом скором времени ³. Письмо о нашем сборнике напишу сегодня же (верно ли адресовать: Георгию Михайловичу Добролюбову, Невский 81 — ?) ⁴. Стихи Гиппиуса, оставленные Вами, прекрасны, замечательно-хороши (много выше, чем те, которые Вы оставили нам осенью); «Весна» — совершенство даже после Тютчевских Весен ⁵; «Тростинка» тоже совершенство ⁶.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ В начале января 1900 г. Коневский несколько дней был в Москве вместе с И. Я. Билибиным. Ср. письмо А. Я. Билибина к И. С. Шохор-Троцкой от 8 января 1900 г.: «Из всего «синклита беснующихся» в Питере в настоящую минуту обретаются один я (...) оба, т. е. мой брат и Гермагор находятся в Москве» (*ГПБ*. Ф. 163. Ед. хр. 490; Гермагор — прозвище Коневского в кругу близких друзей — «синклите беснующихся»). Брюсов записал в дневнике: «Начало года провел с Ореусом и его товарищем, И. Билибиным, студентом, сделавшим рисунки к сказкам. Виделись, бывали у Ланга, у меня собирались. Потом с Ореусом осматривали древние церкви — св. Владимира на старых садах и особенно «Живоначальной троицы», где икона грузинской божией матери и где четыре удивительнейших образа, писанных Ушаковым, изографом царя Алексея. Осматривая, простоял в «холодной» летней церкви и простудился, теперь болен» (*Дневники*. С. 80).

² Высылая Коневскому автографы своих стихотворений (см. п. 27, прим. 4), Ланг писал ему 22 января 1900 г. в сопроводительном письме: «Пока могу только благодарить Вас за стихотворения Гиппиуса, которые я уже успел прочесть некоторым друзьям и которые, конечно, привели их в неописуемый восторг» (*ПК* 1988. С. 23—24).

³ См. п. 26, прим. 11; п. 27, прим. 5.

⁴ Георгий Михайлович Добролюбов (1878 — ?) — младший брат А. М. Добролюбова, воспитанник Морского кадетского корпуса, затем морской офицер. Текст упоминаемого письма Брюсова к Г. М. Добролюбову нам неизвестен. Безусловно, в нем шла речь о подготовленном в издательстве «Скорпион» «Собрании стихов» Добролюбова и поднимались вопросы, входившие в компетенцию родственников поэта, — в частности, вызванные тем, что Г. М. Добролюбов самостоятельно собирался издавать произведения своего брата (об этом Брюсов узнал от Коневского, видимо, во время его пребывания в Москве в начале января 1900 г.). Содержание январского письма Брюсова позволяет отчасти восстановить письмо Г. М. Добролюбова к нему от 6 апреля 1900 г.: «Вы мне писали, что, узнав от Ив. Ив. Ореуса о моем желании лично издавать сочинения моего брата, Вы мне уступаете это предприятие, причем говорите, что небольшой сборник стихов Вы хотели бы напечатать сами» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). На январское письмо Брюсова Г. М. Добролюбов своевременно ответил, но его письмо до Брюсова не дошло («Первого письма Вашего ко мне я не получал», — сообщал Брюсов Г. М. Добролюбову 8 апреля 1900 г. — *ГБЛ*. Ф. 386, 71.8), и в письме к Брюсову от 6 апреля он вторично высказывал свои пожелания «скорпионовскому» «Собранию стихов» Добролюбова, к тому времени уже отпечатанному: «Я, несмотря на то, что мое издание явится до некоторой степени повторением Вашего издания, ничего не могу иметь против издания Вами этого сборника, если Вы имеете на то разрешение Алекс(андра) Мих(айловича), причем я лично нахожу, что такой сборник должен быть издан как во всякого субъективного освещения. Если же Вы непременно желаете поместить какое-либо предисловие к книге, в чем мне пришлось на днях убедиться из объявления, напечатанного Вами в первом издании «Скорпиона», то я прошу Вас прислать мне таковое, дабы я мог убедиться до выхода книги в печать, насколько оно затрагивает интересы моего брата, так как во всяком случае я желал бы предупредить возобновление толков критики и трепания имени брата в печати. Цель же моего издания — сохранить в неприкосновенности и без всякого субъективного освещения результаты творчества брата для тех, кому это будет ценно» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). Своего намерения издать стихи брата Г. М. Добролюбов не осуществил. Упо-

минаемое им в письме «первое издание «Скорпиона» — книга Ибсена «Когда мы мертвые проснемся» (цензурное разрешение 5 февраля 1900 г.), содержащая анонс в рубрике «Печатается и в скором времени выйдет»: Александр Добролюбов. Сборник стихотворений. С предисловиями Ив. Коневского и В. Брюсова. В следующей книге «Скорпиона» — К. Гамсун. Свиста (цензурное разрешение — тоже 5 февраля) — книга Добролюбова объявлена уже в рубрике «Имеются в продаже». Отметим попутно, что сборник стихов Добролюбова прошел цензуру первым из всех скорпионовских изданий (1 декабря 1899 г.), но задержался в печати и вышел в свет только в 20-х числах марта (см. п. 33, прим. 2).

⁵ Подразумеваются стих. Ф. И. Тютчева: «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...»), «Весна» («Любовь земли и прелесть года...»), «Весенние воды» («Еще в полях белеет снег...»), «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»).

⁶ Стих. Вл. Гишпиуса «Весна» («Только ты и откровенье...») и «Тростинка» («Я навсегда к тебе приник...») опубл. в его кн.: *Бестужев Вл. Возвращение*. Из книги «Завет» (1896—1906). СПб.: Цех поэтов, 1912. (Вл. Бестужев — псевдоним Вл. В. Гишпиуса).

29. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 31 января 1900 г.)

(Милы?)й * Валерий Яковлевич —

Прошу Вас сообщить лицам, желавшим знать мою книгу, что третьего дня я передал в книжную торговлю «Нового времени» десять экземпляров, которые будут пересланы исключительно в московские отделения этого книжного торга¹.

Иван Ореус

31 января 1900.

¹ Книга Коневского «Мечты и думы» вышла в свет в конце ноября 1899 г. Брюсов записал в дневнике: «Ореус напечатал «Мечты и думы». По внешности издание плохо» (*Дневники*. С. 78). На книге, подаренной Брюсову (*ГБЛ*. Ф. 386. Книги, № 1142), Коневской сделал дарственную надпись: «Милому Валерию Я. Брюсову в знак признательности за любовь к моему творчеству и сродства мировоззрений. И. Ореус. Ноябрь, 1899, Пет.» Воспроизведено в статье К. Пуришевой «Библиотека Валерия Брюсова» (*ЛН*. Т. 27—28. С. 670. Факсимиле — с. 79). Судя по количеству экземпляров, направленных в книжную торговлю Москвы, издание имело самое ограниченное распространение.

30. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Между 17 и 20 февраля 1900 г.)

Я видел, дорогой Иван Иванович, Ваши стихи, те, которые Вы послали Лангу¹. Вы очень удачно выбрали образцы нового своего творчества: это все — замечательнейшее. «По обширным полям...» значительный и полный приступ к Вашей поэзии. В «Зимнем голосе» есть стихи вечные и по выражению (старость могучая круглого года) и по звукам:

А к утру хрустальные росы осели
Таинственный холод храня

Этого не изменяйте! Слабее, по-моему, все четвертые стихи первых трех строф. «Убийственный туман» во многом совершенен, но последнее четверостишие и слишком бегло, и неожиданно, и по построению слабо. Может быть, оно необходимо, но оно не написано². Но чтобы не было слишком много восторгов, вот укоры: «Мыслей настойчивых воля» — хороши лишь первые две строфы; последние 5 стихов ни к чему³. «Если всмотрись в дальнее небо» — в отдельных стихах пышно и увлекательно, но целое сцеплено лишь образом вершин; да и то *блуждают* не очень хорошо; ⁴ у Тютчева лучше:

вершины

В полдневный зной погружены⁵.

Затем перечень выражений, которые осуждаю: «льют мне в дар»⁶, «не ведаю правды ни лжи», «лишь дышать»⁷, «ни уныния пут»⁸.

* Верх открытки оторван.

ВЕЧЕР НОВОГО ИСКУССТВА В РУССКОМ ОХОТНИЧЬЕМ КЛУБЕ
15 февраля 1900 г.

Пригласительный билет

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

О Вашей поэзии мнения самые разные — от восторженных поклонников (я, Ланг, кое-кто еще), через умеренных читателей (Бартенев Ю., Бунин И.)⁹ до крайних отрицателей (Саводник¹⁰, В. Станюкович¹¹, М. Криницкий, А. Кур-синский)¹². Последних, видите, насчиталось больше. Дурнов молчит¹³, Бахман никак не может прочесть Вашей книги. Бальмонт писал мне: «не находите ли, что книга Ореуса мучительно нелепа»¹⁴.

Был здесь «Вечер нового искусства» — воистину мучительно нелепый; о нем напишет Вам Ланг¹⁵. Но это было торжество Бальмонта, и какие-то дамы разыскали меня в помещении артистов и благодарили за наслаждение, а главное за выбор именно Бальмонта, просили послать ему привет. Должно быть, фактически статья Ваша права¹⁶.

Выходит в Москве журнальчик «Муравей», немного тянувшийся к новому, особенно в рисунках¹⁷; чуть-чуть напоминает «Jugend»¹⁸. Впрочем, один из его участников, с которым случилось мне познакомиться, юноша Любич (кажется, я говорил Вам о нем), несомненно может стать чем-то; отметьте его имя¹⁹. Еще из «литераторов» узнал я В. Каллаша²⁰ и Л. Медведева²¹; но это — особенно второй — существа столь жалкие, что жаль, что упомянулось их имя²².

Читали ли Вы «Песни старости» Жемчужникова? Против ожидания есть стоящие прочтения: два последних, «Святая пора», отчасти первое и еще²³. Вышла книжка стихов В. Голикова; я ее еще не мог разыскать. Когда-то я знал этого Голикова и были у него прекрасные начинания²⁴. П. Перцов издает второе издание «Молодой поэзии», приходил ко мне советоваться, кого выбрать, хотя меня — кажется — намерен выкинуть²⁵. Я назвал ему вас, Добролюбова и Гиппиуса. Он пришел в ужас.

¹⁶ Литературное наследство, т. 98, кн. 1

Заметьте, что в Москве Вашей книги в продаже *нет*. Зайдите к Суворину²⁶ и упрекните их пожесточе. Кстати скажите, чтобы послали в Москву и Книгу раздумий. Бальмонт просил меня просить Вас, дабы Вы зашли к Балашеву (Фонтанка, 95)²⁷ и потребовали от него — рассылки Книги раздумий по редакциям газет и журналов и по иногородним магазинам, — но я, зная Вашу ненависть к этой книге, не смею.

Ваш Валерий Брюсов.

Если Вы написали нового, не откажитесь прислать Вашим верным читателям. И если бы появилась статья Гиппиуса, пожалуйста, известите²⁸.

¹ Эти стихотворения были присланы Коневским Лангу при письме от 26 января 1900 г. «Стихотворения, которые Вы мне прислали, — писал Ланг Коневскому 20 февраля, — восхитили меня до последней степени (...) Я вижу по Вашим стихотворениям, что Вам предстоит широкий художественный путь. Ваша поэзия — поэзия великого чаяния, поэзия духа человека, и я первый зажигаю перед образом Вашего творчества священные лампы» (ПК 1988. С. 24—25).

² Обо всех упомянутых выше стихах см. п. 25, прим. 7. Последнее четверостишие стих. «Убийственный туман» было затем изменено Коневским (см. п. 43, прим. 11).

³ См. п. 19, прим. 1. При публикации стихотворения в *СП* последние пять строк были Брюсовым сохранены.

⁴ Там же. Имеется в виду вторая строка: «Где блуждают деревьев вершины».

⁵ Цитата из стих. Тютчева «Смотри, как роща зеленеет...» (1857): «Над нами бредят их вершины, // В полдневный зной погружены...».

⁶ «И пламень влажный льют мне в дар» — 4-я строка стих. «Откуда силы воли странные?» (22 декабря 1899 г.) — *СП* 1902; *СП*. С. 102.

⁷ «Вновь и вновь лишь дышать я хочу // И не ведаю правды ни лжи...» — заключительное двуступище стих. «Осенние голоса I» (см. п. 25, прим. 7). Впоследствии Коневской изменил эти строки (см. п. 43, прим. 10).

⁸ «Ни страстей, ни уныния пут!..» — 16-я строка того же стихотворения.

⁹ Ю. П. Бартенов (см. о нем наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 60, прим. 3) в конце 1890-х — начале 1900-х годов поддерживал с Брюсовым приятельские отношения, и Брюсов, вероятно, беседовал с ним не раз о стихах Коневского. Мнение Бунина о «Мечтах и думах» Брюсов выяснил, видимо, во время его пребывания в Москве в конце января — начале февраля 1900 г. (см.: *Дневники*. С. 80). Впоследствии отношение Бунина к поэзии Коневского стало безусловно отрицательным, как и отношение к русскому модернизму в целом. В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин писал: «(...) я мельком видал Коневского и Добролюбова. Они произвели на меня впечатление больных мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе, благодаря и болезненности своей, и кое-чему прочитанному» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 262). Ср. одну из позднейших мемуарных записей Бунина (1927): «Коневской так и остался никому не известен. Брюсов иначе не называл его, как гением. А на деле это был просто больной и несчастный юноша (...) Говорил он мало и крайне невразумительно. Писал что-то очень напряженное, но еще более невразумительное» (Там же. С. 286).

¹⁰ О В. Ф. Саводнике см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 1. Об отрицательном отношении Саводника к поэзии Коневского можно судить по письму Брюсова к Саводнику от 13 сентября 1899 г. (см. п. 20, прим. 3).

¹¹ Владимир Константинович Станюкович (1873—1939) — искусствовед и писатель, друг Брюсова с гимназических лет, не принявший, однако, его поворота к символизму. См.: Станюкович В. К. Воспоминания о В. Я. Брюсове // *ЛН*. Т. 85; Щербаков Р. Брюсов и Владимир Станюкович // *Брюсовский сборник* 1977.

¹² Об отношении к Коневскому М. Криницкого и А. Курсинского см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 27, 28 и Переписка с Курсинским, п. 55.

¹³ Об М. А. Дурнове см.: наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 48, прим. I, а также: Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 146—150. Суждение Дурнова о Коневском, относящееся к февралю 1899 г., см.: *Тетради*, п. 102, прим. 16.

¹⁴ Это письмо Бальмонта неизвестно.

¹⁵ «Вечер нового искусства» состоялся в зале Охотничьего клуба 15 февраля 1900 г., «привлек многочисленную публику и прошел с большим успехом» (Новости дня. 1900. 16 февр.). В первом отделении была поставлена пьеса Метерлинка «Втируша», второе и третье отделения были посвящены чтению стихов Бодлера, Бальмонта, романсам на слова Ришпена. Брюсов, описавший вечер в дневнике, отметил: «Это было в сущности мое первое чтение с эстрады (...) и первая встреча лицом к лицу с толпой» (*Дневники*. С. 81). Ланг сообщил Коневскому 20 февраля: «Здесь в Охотничьем клубе происходил вечер нового искусства. Прилагаю программу. «Втируша» была поставлена довольно неумело, но все-таки произвела довольно сильное впечатление. Среди публики шли довольно крупные споры, и я грешный без малого чуть не обругал одного почтенного старца. Брюсов прочел бальмонтовские:

1) Пустыня.

2) Сонет из денника. "Я горько вас люблю, о бедные уроды..." и т. д. (Публика приняла это стихотворение на свой счет и, кажется, обиделась).

3) "О да, я избранный, я мудрый..." и т. д.

Брюсова приняли с аплодисментами и вообще его чтение прошло удачно.

Далее при удачной декорации прочтена была "Эльза". Остальное чтение было крайне неумело и неудачно. Вечер был, конечно, устроен с целью наживы и без глубокой любви к поэзии» (ПК 1988. С. 25).

¹⁶ Вероятно, имеется в виду работа Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (1896—1899, статьи о Минском, Фофанове, Сологубе, А. Добролюбова, Мережковском, Вл. Соловьеве), где он писал о Бальмонте как о поэте, творчество которого лишено поисков и «постижений духовного смысла жизни», но отмечал «истинную виртуозность в сложении новых музыкальных и гармонирующих удивительно с настроением поэта размеров (...)» К. Д. Бальмонт с этой стороны вполне обновил русский стих, очень искусно введя в него свободный и волнистый характер стиха германского и английского. То протяжно-певучий, то трепетный, прерывистый, дух стиха его вполне соответствует также и робкой, мягко-разливающейся натуре самого поэта» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 42—43). Суждения Брюсова о Бальмонте, относящиеся к середине 1890-х годов, см.: *Тетради*, п. 86 и прим. к нему.

¹⁷ «Муравей» — московский иллюстрированный художественно-литературный и юмористический журнал, выходивший еженедельно в 1900 г. (№ 1—15; редактор В. И. Монигетти, издание Л. Л. Снегирева).

¹⁸ «Jugend» — немецкий литературно-художественный еженедельник модернистского направления, издававшийся в Мюнхене с 1896 по 1933 г. Название этого журнала стало обозначением стиля модерн в Германии (Jugendstil).

¹⁹ Иоасаф Арианович Любич-Кошуров (1872—1937) — журналист, беллетрист, детский писатель. См. о нем: Белоусов Иван. Воспоминания // Сегодня. Альманах первый. М., 1926. С. 124—126. В 1900 г. Брюсов время от времени виделся с ним; от Любич-Кошурова он получил в апреле 1900 г. предложение «купить журнал "Муравей" за 300 р.» (Дневники. С. 84). Связи московских символистов с сотрудниками этого журнала явились, видимо, основной причиной распространившегося в 1901 г. слуха о том, что якобы «книгоиздательство "Скорпион" намерено издавать литературный журнал „Муравей“». См., например, письмо Д. В. Философова к С. А. Полякову от 3 ноября 1901 г. (Гречишкин С. С. Архив С. А. Полякова // Ежегодник 1978. С. 47).

²⁰ Владимир Владимирович Калаш (1866—1919) — историк литературы, библиограф; познакомился с Брюсовым в феврале 1900 г. Впоследствии публиковал историко-литературные материалы в «Северных цветах» и «Весках».

²¹ Лев Михайлович Медведев (1865—1904) — поэт и детский писатель, сотрудник юмористических журналов «Осколки», «Будильник», «Стрекоза» и др., автор сборника «Стихотворения» (М., 1886). См. о нем: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 130—132, 385. Медведеву принадлежит отклик на «Собрание стихов А. Добролюбова» (Смесь: (Декаденты не унимаются) // Новости дня. 1900. № 6065. 13 апр. Подпись: «Comite Ours»).

²² Брюсов виделся с Медведевым на вечеру у Ланга 17 февраля (см. прописку запис об этой встрече — Дневники. С. 81—82). 20 февраля Ланг сообщил Коневскому: «Третьего дня у меня собрались: Брюсов, Болтрушайтец *, Калашников, Любич и Медведев (пишущий в "Русской мысли" и в др., страшная бездарность (...)). Этот негодяй вообще испортил нам весь вечер» (ПК 1988. С. 25).

²³ Сборник стихотворений Алексея Михайловича Жемчужникова (1821—1908) «Песни старости: Стихотворения 1892—1898» СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900). Брюсов отмечает стих. «Так прочтен в сердце и в мозгу...», «О, когда б мне было можно...», «Святая пора» («Есть пора святая в жизни деревенской...»), «Весна» («Приветствую тебя, веселая весна!..»).

²⁴ Владимир Митрофанович Голиков (1875—1918) — поэт, прозаик, фельетонист (псевд. Wega). Речь идет о книге Голикова «Стихотворения» (М.: Изд. П. С. Эйбушница, 1900), в целом выдержанной в традициях классической русской поэзии XIX в., но в отдельных мотивах отразившей поэтические искания 1890-х годов — например, в стих. «В страстном хоре вакханалий...», экзотические образы которого напоминают стихи Брюсова из сборника «Chefs d'oeuvre». В 1890-е годы Брюсов иногда общался с Голиковым (см. запись от 11 декабря 1897 г. — Дневники. С. 31). Рецензируя впоследствии книгу Голикова «Рассказы» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1904), Брюсов с сочувствием вспоминал «его первые опыты, стихи, печатавшиеся в середине 90-х годов» (Весы. 1904. № 5. С. 54. Подпись: Аврелий).

²⁵ О первом издании антологии «Молодая поэзия» см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 1, прим. 11. Второе издание антологии не было осуществлено. Ср. дневниковую запись Брюсова (конец января — начало февраля 1900 г.): «Перцов переиздает "Молодую поэзию"; меня, кажется, исключил, а спрашивает моего совета о других» (Дневники. С. 80). П. П. Перцов, вспоминая о композиции задуманного второго издания антологии, писал, что сборник предполагалось разбить на четыре отдела: «в первый должны были войти уцелевшие фофановцы и вообще поэты "старомодного типа", во второй — стихотворения П. Бутурлина, представлявшего "русский импрессионизм", в третий и четвертый отделы — стихо-

* Так в тексте.

творения символистов. Четвертый отдел должен был включать стихотворения Минского, Мережковского, а третий — «уже определившихся тогда» Ф. Сологуба, З. Гиппиус и К. Бальмонта... я колебался еще относительно Брюсова (тогда не выпускавшего и «Tertia vigilia») и Коневского» (*Перцов П.* Литературные воспоминания. С. 183—184).

²⁶ Т. е. в контору «Нового времени», ведавшую распространением книги Коневского «Мечты и думы» в книготорговой сети.

²⁷ См. п. 22, прим. 1.

²⁸ Имеется в виду рецензия Вл. Гиппиуса на «Книгу раздумий», «Мечты и думы» Коневского и «Сборник стихотворений» Б. В. Никольского (СПб.: Тип. Суворина, 1899) (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6. Подпись: В.).

31. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. 26 февраля 1900 г.)

Любопытствовал бы я узнать, получили ли Вы, милый Иван Иванович, рукописи Добролюбова; их я послал Вам уже давно. Еще раньше послал я письмо Г. Добролюбову, но ответа от него не получил¹. — Книга раздумий, как видите, не укрылась под спудом, а разошлась, и имя Ваше все равно предано «людскому суесловью на поруганье»². Пишу о Баратынском, защищая Вам невероятную близость его к пантеизму³. Что Вы замышляете? Вашей книги у Суворина и сегодня (суббота) еще нет⁴; побораните же их.

Отыскал я ту церковь, у которой сохранились у меня лишь смутные воспоминания. Я ее вовсе не в той стороне разыскивал. Речь идет о той, где икона, изображающая мгновение зачатия. Это «Зачатие св. Анны в углу» — на Варварке⁵.

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Ланг Вами очень умилен.

Закрытое письмо — «секретка». Датируется по почт. шт.

¹ См. п. 28, прим. 4.

² Возможно, Брюсов имеет в виду рецензию Д. П. Шестакова на «Книгу раздумий» (Торгово-промышленная газета. Литературное приложение. 1900. № 8. 20 февр.): «Бредить и гордиться своим бредом — вот в чем, и признак, и венец» четырех русских поэтов (*sit venia verbo!*)*, составивших и коллективно издавших эту так гордо озаглавленную книжку. Обозревая эту «выставку отверженных», мы невольно поражены какими-то кошмарными образами, темнотой и невразумительностью мысли, вложенной иногда в превосходные по внешности формы. Обращаясь непосредственно к Коневскому — «новому прозелиту московского декадентства», — Шестаков, тем не менее, отмечает: «В стихах г. Коневского (...) мерцает иногда что-то похожее на талант, но талант еще вовсе не овладевший даже формой стиха».

³ Статья «К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского». Брюсов утверждает: «Баратынскому всегда сродно было пантеистическое учение о несправедности всего «мира явлений», о том, что «давняя отчизна» души нашей есть «стихийное смятение», что всю жизнь порываемся мы вернуться в «небо родное». В духе того же учения мыслил Баратынский о необходимости всего существующего, о бесконечной цепи причин и следствий, которая делает свободную волю человека лишь призраком» (РА. 1900. Кн. 1, № 4. С. 550).

⁴ См. п. 30, прим. 26.

⁵ Эта церковь расположена не на Варварке, а на Москворецкой набережной.

32. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) М(а)рт(а) 11. 1900.

Простите, милый Валерий Яковлевич, что медлил ответом на Ваше последнее письмо, в особенности на чрезвычайный запрос о посылке добролюбовских рукописей. Разумеется, я давно их получил, вручил Эрлиху, а потом имел от него известия, что они переданы брату Д(обролюбова), который высказывал намерение печатать их в ограниченном количестве экземпляров, не для продажи¹. Он же говорил Я. И. Э(рлиху), что выпуск такого же издания, задуманного Вами, в продажу, был бы для него нежелателен². Сообщая Вам это теперь, ловлю себя на непростительной, быть может, небрежности — что это известие

* Да позволено мне будет так сказать! (лат.).

доходит до Вас только в настоящую минуту. Это опасение возбудилось во мне тем наблюдением, что на обложке бывшего у меня в руках перевода последней драмы Ибсена я увидел объявление о печатании предполагавшегося Вами издания³. Эрлих, положим, передавал мне желания брата Д(обролюбова), очевидно, чтоб дать Вам об этом знать. Но я как-то не догадался о необходимости довести его возможно скорее до Вашего сведения, потому что предполагал, что у Вас наверно были произведены уже письменные переговоры с тем же младшим Д(обролюбовым). Буду рад, если объявление о печатании Вашего издания произошло не от моего невнимания, а вследствие бывшего между Вами и другим издателем соглашения.

Не могу ничего доставить Вам нового из моей поэзии. Прошлую осень, зиму и весну во мне много било источников в силу накопления обильных образов и настроений со времени предыдущих двух летних периодов. Содействовали тому же расположению к самовыражению и другие явившиеся во время самой зимней жизни чувства, судьба которых показана в стихах «Отречение»⁴. В нынешнее же городское пребывание у меня нет за собой плодотворящего действия летних дней, и я не могу жить больше только светом, воздухом и холодом зимы, не могу жить и во время весны только небом и водой. Всего жду от «радуги и пламени лета» (как поэт смерти в этих словах изъясил все силы лета в полях и лесах): только сквозь эту красоту, как он, надеюсь увидеть снова «образ иной красоты, неизменно-спокойной»⁵. Не в силах жить дольше «силами воли», которые «не от живых плотей»⁶: если от своих «плотей» не жить, то в животворном действии отраженных проявлений их тем более нужны. А то — разум расстраивает всякое самостоятельное созерцание. Теперь только созерцанию и восторгу иных душ могу предаваться беззаветно.

Да, все более исполняюсь сознания, что цвет поэзии есть зодчество вымысла, которое вмещало бы в себе и ваение личных волей и живопись безвольного созерцания. Во имя этого идеала приветствую с особенной силой ваши повествовательные опыты, как широкое строительство воображения, и не ощущаю сочувствия к таким явлениям поэзии, как последнее доставленное Вами стихотворение⁷. В нем я не вижу цельной живой картины, и связи в нем все чисто умственные. Самое живое место все же: «оконные встретив пробоины, мы жадно в пространства глядим: над крышами крыши надстроены». Поклоняюсь всем великим творцам неожиданных, непредвиденных вымыслов, сочинителям внезапных картин, хотя бы забавных, которые стремглав сближают одно явление с другим, лежащим на другом краю света. Дивлюсь поэтому на английских драматиков. Но столь же чужд всякий хотя и объяснимый для ума, но обширно развернутый пир, разлив образов, живописи: оттого не перестаю обращаться к примерам создателей богов и героев и преемников их в XIX веке, английских волшебников-изобразителей, Shelley, Keats⁸, Morris⁹, Swinburne¹⁰.

В ближайшем № «Мира искусства» будет помещена критика Вл. Гиппиуса на «Книгу раздумий» и «Мечты (и думы).»^{*11}

Сообщите тоже, пожалуйста, кого Вы имели в виду, указав в числе немногочисленных, увлекающихся моей поэзией, еще кое-кого сверх Вас и Ланга.

Ваш друг И. О р е у с .

Ответ на п. 34.

¹ См. п. 28, прим. 4. Ознакомившись с подготовленным Брюсовым «Собранием стихов» Добролюбова и высоко оценив труд составителя, который «красноречиво говорит о любви к произведениям брата», Г. М. Добролюбов в письме к Брюсову от 29 апреля 1900 г. сообщал свой план издания всех сочинений брата в трех томах, с вариантами и подстрочными текстологическими примечаниями; предполагалось с исчерпывающей полнотой в первом томе представить (в двух отделах) рукописные собрания 1-е и 2-е, хранящиеся у Эрлиха, и 3-е, хранящиеся у Брюсова: «В первый отдел войдут, по возможности в точном виде, собрание первое, а во второй отдел „Вещи“ из собрания третьего и собрания второго, а также и однородные в других собраниях (...)» Том второй предполагаем составить из трех отделов, причём в первый отдел войдут лирические произведения, неполные и неотределенные черновые.

* Край листа оборван.

В отдел второй умозрительные и научные статьи; а в третий отдел письма? И наконец в том третий войдут записи народных произведений (...) Работать начнем с осени, когда все опять будут в сборе (...) О соредакторах издания. В качестве таковых предлагаю привлечь следующих лиц: Я. И. Эрлих, Е. Н. Квашнин-Самарин, Б. В. Бер, В. В. Гиппиус, И. Ив. Ореус, В. Брюсов. В согласии первых трех я уверен, Ваше согласие явствует из любезно предложенного мне участия. Остальным сделаю запрос» (ГБЛ. Ф. 386, 85.19).

² В бумагах Брюсова сохранился черновик объявления:

«Новая книга

В 1899 году будет напечатан сборник стихов А. М. Добролюбова (автора «*Natura naturans. Natura naturata*»). Желających получить книгу просят сообщать до 1-го октября свой адреса издателю (Валерий Брюсов, Москва, Цветной бульвар, 24). Книга будет выслана наложенным платежом. Предполагаемая цена книги 2 р. в случае значительного числа подписчиков может быть уменьшена.

В продажу книга не поступит.

(ГБЛ. Ф. 386, 71.8. Л. 7). Такой план распространения издания не был реализован: «Собрание стихов» Добролюбова, отпечатанное тиражом 300 экземпляров, поступило в продажу (цена 60 коп.). Обоснование такого решения см. в п. 33.

³ См. п. 28, прим. 4. Книга Ибсена вышла в конце февраля и разошлась за три недели. в том же 1900 г. было выпущено второе издание. Ср. дневниковую запись Брюсова от 11 марта 1900 г.: «Вышел Ибсен и первое издание почти распродано. Много хлопот о издании Добролюбова» (Дневники. С. 83).

⁴ Речь идет об отношении Коневского к Анне Николаевне Гиппиус (1872—1942 — см. о ней: *Ежегодник 1978*. С. 209), которой посвящены стих. «Отречение» («Да, все бегут часы, но уж не так, как прежде...» — 5 ноября 1899 г. *СП*. С. 100—101), «Праздничная кантата» (1898 — *МД*. С. 203—204; *СП*. С. 55—56), «Памяти встречи» (1898 — *КР*. С. 72; *МД*. С. 176; *СП*. С. 43—44), «Воления» (1899 — *МД*. С. 177—178; *СП*. С. 64—66) и цикл стих. «Бледная весна» (1899 — *МД*. С. 185—187; *СП*. С. 77—80). В архиве Н. И. Степанова сохранилась копия письма Коневского к А. Я. Билибину (местонахождение подлинника неизвестно) от июня 1899 г., резюмирующего его переписку с А. Н. Гиппиус и раскрывающего историю их сложных духовных отношений. С темой «отречения» соотносятся, в частности, слова этого письма: «Она (...) сказала мне, как свежее и горячее дыхание коренного и буйного приволья. Но, хотя мы боремся за одну и ту же мечту, не мне вкусить от этой чудной, яркой жизни, потому что я в своих усилиях так часто падаю и дохожу до такого безобразия, такой нестройности, что в такие минуты мне нужно быть вдали от взоров всякого человека».

Тема «отречения», максималистски претворенная Коневским и в жизнь, не была понята Брюсовым и потому позже, в статье «Иван Коневской», несколько упрощая сложность переживаний поэта, Брюсов писал: «Зима 1898—1899 гг. важна в жизни Коневского еще тем, что в эту пору он пережил свою “первую” — вместе с тем и последнюю — любовь (...) Коневской влюбился самым обычным образом и должен был признаться:

Нет! один я — не все мирозданье.

Выйди, мой воплощенный двойник!

В последнем поэт ошибался: та, кого он любил, отнюдь не была “его воплощенным двойником”. Напротив, ей было органически чуждо все, особенно дорогое и близкое Коневскому: его мирозерцание, его любимые авторы, его постоянная углубленность (...) Любовь поэта-философа не встретила взаимности» (Венгеров. *Рус. лит.* XX в. Т. III, кн. VIII. С. 156—157).

Сохранился экземпляр книги «Мечты и думы» с дарственной надписью Коневского: «Анне Николаевне Гиппиус сильной носительнице мыслей и порывов Н. И. Ореус. Ноябрь 1899 г. Пб.» (Собрание Н. В. Казимировой, Ленинград). В этом экземпляре рукой поэта чернилами вписаны даты — под стихотворениями: «Воления» (3—4 февраля), «Признаки» (5 февраля) и «Давно и ныне» (6—8 февраля). Очевидно, все эти стихи так или иначе связаны с чувством Коневского к А. Н. Гиппиус.

⁵ Строки из стих. А. А. Голенищева-Кутузова «Весенняя дума» («Зимних туманов раздвинулись хмурые своды...»):

Вижу сквозь праздник, сквозь пламя и радугу лета

Образ иной красоты, неизменно спокойный

(Голенищев-Кутузов А. Сочинения. СПб., 1914. Т. I. С. 177).

«Поэтом смерти и Нирваны» назвал Голенищева-Кутузова Вл. Соловьев в статье «Буддийское настроение в поэзии», посвященной анализу его творчества. (*ВЕ*. 1894. № 5. С. 330). Ср. слова Брюсова в некрологе поэта: «Поэт буддийского настроения», “поэт смерти” — так давно определили критики пафос поэзии гр. А. А. Голенищева-Кутузова. Нам кажется, однако, что это определение можно принять лишь с ограничениями (...) вся поэзия Голенищева-Кутузова, в ее целом, говорит нам, что поэт вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни (...)» (*РМ*. 1913. № 11, отд. II. С. 150).

⁶ Первые строки стих. Коневского (22 декабря 1899 г.):

Откуда силы воли странные?

Не от живых плотей их жар.

(*СП*. С. 102)

⁷ Стих. «В неконченном здании» («Мы бродим в неконченном здании...» — *TV*. С. 83—84; I, 222). Автограф его (с датой: «Февраль 900») сохранился среди писем Брюсова к Коневскому (*ГБЛ*. Ф. 386, 72.7. Л. 32—32об.).

⁸ Английских поэтов-романтиков П. Б. Шелли, Джона Китса Коневской характеризует в статье «Перед живописью Швинна» (1897). Шелли в трактовке Коневского — «один из самых великих и цельных всебожников всех времен»; Китс — «особенно близкий к английским мистикам второй половины века лирик, полный тоскливого и недоумевающего скепсиса» (*МД*. С. 96; *СП*. С. 139—140). См. также статью Коневского «К характеристике Шелли» (*ЦГАЛИ*. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 16).

⁹ Уильям Моррис (1834—1896) — английский поэт, прозаик, художник, общественный деятель, примыкал к кружку прерафаэлитов.

¹⁰ См. п. 11, прим. 2.

¹¹ См. п. 30, прим. 28.

33. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина марта 1900 г.)

Я Вам посылаю, дорогой Иван Иванович, оттиск еще одной моей статьи, менее библиографической, чем прежние ¹. Стихи Добролюбова совсем напечатаны и выйдут на днях ². В продажу поступит самое незначительное число экземпляров. Мне думалось, что это даже хорошо. Не все из тех, кто его поэзией интересуется и кто достоин иметь его книжку, — знаком с нами или захочет обратиться к нам с просьбой о книжке. Не вижу причин, почему таким его почитателям запрещать чтение его стихов. Советовал и Гр. М(и)х. Добролюбову хоть небольшое число экз(емпляров) его будущего издания отдать в книжные магазины ³. Я писал ему о этом замышляемом им издании, но он прямого ответа меня не удостоил⁴, — а то был бы простейший способ передать мне свои мнения и желания.

Читали ли Вы переводы «Ченчи» и Гауптмана и какое они на Вас произвели впечатление? ⁵ Читаете ли роман Мережковского? ⁶ — Если критика Вл. Гиппиуса появится, пожалуйста, известите. Я на днях доставлю и ему оттиск своей статьи: я еще не все оттиски получил. — Говоря о почитателях и полупочитателях Вашей поэзии, я имел в виду — Балтрушайтиса ⁷, свою сестру ⁸, Ю. П. Бартенева, отчасти И. Бунина ⁹, да и еще кой-кого. Ибо Вашу поэзию я проповедую «на перекрестках и с кровель». Книжные торговцы глупейшие «старозаветники» (рутинеры — перевод для русских); продав два экз(емпляра) Вашей книги, они теперь вновь уверяют, что больше нет, и удивляются, слушая Ваше имя.

С мнением Вашим о моих стихах вовсе не согласен и даже не совсем его понимаю (т. е. несогласен, если верно его понял). Приложен здесь и еще образец моих попыток в надежде на Вашу критику ¹⁰.

Ваш Валерий Брюсов.

P. S. От самого А. Добролюбова я недавно получил письмо ¹¹.

Ответ на п. 32.

¹ Видимо, статья «Некрасов и Тютчев» (*РА*. 1900. № 2. С. 312—315).

² См. п. 28, прим. 4.

Н. Я. БРЮСОВА

Фотография С. В. Шицмана. 1900-е годы. С дарственной надписью Б. М. Рунт: «На память о 18 сентября 1903 г. Броне. Н. Брюсова»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

³ См. п. 32, прим. 2. В письме от 8 апреля 1900 г. Брюсов писал Г. М. Добролюбову: «Что касается поступления книги в продажу, то я руководствовался в этом следующими соображениями. Не все те, для которых творчество А. Д. дорого, не все, достойные и способные читать его, — знакомы с кем-либо из издателей или близких ему; за что же лишать их всех возможности иметь у себя книгу поэта, которого они любят и ценят? Я наверное знаю, что отсутствие в продаже первого сборника А. Д. «Nat(ura) nat(urans)» — для многих очень тягостно. Если же книгу случайно купят несколько человек, которые не поймут ее или даже посмеются над ней, то я решительно отказываюсь понять, почему этого надо столь опасаться».

⁴ См. п. 28, прим. 4.

⁵ Шелли П.-Б. Сочинения, вып. VII. Ченчи. СПб., 1900. Пер. К. Бальмонта; Гауптман Г. Потоувший колокол / Пер. К. Бальмонта. СПб., 1900.

⁶ «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (Мир божий. 1900. № 1—12).

⁷ Косвенные подтверждения заинтересованного внимания Ю. Балтрушайтиса к поэзии Коневского находим в письмах Ланга к Коневскому. «Вместе с этим письмом отправил к вам Ипсена в переводе Балтрушайтиса (Балтрушайтис просил меня об этом), — сообщил Ланг Коневскому 12 марта 1900 г. — Далее, не приплете ли Вы на мое имя для Балтрушайтиса Ваш сборник, так как в Москве Балтрушайтис его нигде не мог найти» (имеются в виду «Мечты и думы» Коневского и драма Г. Ибсена «Когда мы мертвые проснемся» — см. п. 28, прим. 4). Об экземпляре *МД* с дарств. надписью автора: «Ю. Балтрушайтису в знак общей любви к нынешним скандинавским литературам. И. Ореус. 1900. Мрт». — См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 116. 24 марта Ланг извещал Коневского: «Ваш сборник я передал “гранитному” милому Балтрушайтису (...) Он великолепный каменный талант; в его безмолвии я чувствую величие северной природы, ее беспредельность ледовитых саг глубокой древности и свежесть просыпающейся жизни (...) Пишите Балтрушайтису на мое имя, я ему передам» (ПЖ 1988. С. 26).

⁸ Н. Я. Брюсова принимала деятельное участие в издании посмертной книги Коневского «Стихи и проза», у нее хранились все материалы, переданные Брюсову И. И. Ореусом после смерти Коневского (сейчас — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3). В письме к Ю. Н. Тынянову от 10 ноября 1933 г. Н. Я. Брюсова сообщала: «Разумеется, т. Степанов может ознакомиться с рукописями Коневского. Но я далеко не уверена, что вы найдете там много материала для отдельной книги неизданных сочинений Коневского. В свое время мы с Валерием Яковлевичем думали об издании такой книги, но решили, что это неосуществимо. Если же вы предполагаете переиздать прежние книги с включением неизданных сочинений, то для этого в рукописях, вероятно, найдется материал» (архив Н. Л. Степанова).

⁹ См. п. 30, прим. 9.

¹⁰ К письму было приложено, видимо, стих. «Ученик» («Я — жрец Изиды светлокудрий...» — 9 марта 1900 г. ТУ. С. 17—18), впоследствии печатавшееся под заглавием «Жрец Изиды». См.: I, 146—147.

¹¹ Ср. дневниковую запись Брюсова (11 марта 1900 г.): «Получил письмо от А. Добролюбова; он в Оренбургской губернии» (Верхнеуральский уезд, Кизильская почт. ст., Варшавская станица, Каубахский поселок, у П. Орлова) — *Дневники*. С. 83. Письмо датируется по почт. шт. 3 марта 1900 г. Копию этого письма Брюсов послал в середине марта Вл. Гиппиусу. См.: ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 211.

34. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Апр(еля) 5. (1900 г.)

Очень благодарю Вас, мой друг Валерий Яковлевич, за доставку изданного «Скорпионом» сборника стихов А. Добролюбова. Чрезвычайно прискорбно, что и тут мое изложение не избежало одного, по крайней мере, важного искажения при печатании: на первой странице, там, где должно быть «степенью», стоит родит(ельный) пад(еж), что при только что предшествовавшем родит(ельном) пад(еже) «причин» особенно может вызвать недоразумение¹. Ваша заметка «о русском стихосложении»², мне кажется, верна в ощущении дела и остроумно обобщена и доказана. Последнее время я был обременен университетскими писаниями по избранному мною предмету истории языка: «особенности языка в поэзии Тютчева сравнительно с поэзией Пушкина»³, и, усиленно поспевав к сроку, чувствую себя по этой и другим причинам в настоящую минуту очень расстроен в деятельности сознания внутренней и внешней, воли головно-мозговой и воли прочих частей живоустройства (организма).

Ваш И. Ореус.

Открытка.

¹ Ошибка была допущена при наборе вступительной статьи Коневского к «Собранию стихов» Добролюбова — «К исследованию личности Александра Добролюбова». Приводим фразу Коневского о двух видах познания — «художественном впечатлении» и «научном понятии» — в исправленном виде: «Первый вид познания с необходимостью вызван восприимчивым расположением нрава личности, ее свойством, качеством; второй условлен общими всей человеческой породе условиями рассуждения причин, степенью и количеством его сил и объема» (с. 3).

² Вступительная статья Брюсова к тому же изданию.

³ Возможно, имеются в виду «вступительные части» к незаконченной статье «Поэзия Алексея Толстого» (см. п. 49, прим. 4) — «Мыслительные перепаутья русского стихотворчества, предварающие мысль А. Толстого — Тютчев, Пушкин, Баратынский, Кольцов, Фет» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 28—42об.). Сравнительному анализу творчества Тютчева, Пушкина, Баратынского посвящена и статья «Мистическое чувство в русской лирике» (1900) — СП. С. 199—219.

35. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Вторая половина апреля 1900 г.

Я читал — это уже далеко теперь — рецензии Гиппиуса о нас. Конечно, нет тех глупостей, как в «Нов(ом) вр(емени)» и «России»¹, но и умного не много. Элементарнейшие и не нужные суждения. Я разочарован². Кстати, была еще одна рецензия в «Орловск(ом) вестн(ике)»; мне о ней сообщили добрые приятели (каковым для Вас являюсь я); но по всему видно, что «рецензент» самой книги не читал, а пишет по «Нов(ому) вр(емени)»³. Еще кстати: получил ли В. Гиппиус мой ответ на вопрос о письме Добролюбова? я ответил давно⁴. Быть может, у Вас есть стихи; очень о них прошу. Вопрос: знает ли Билибин лично художника Лансерэ?⁵ «Скорпиону» хотелось бы вступить с ним в какие-то сношения. Видели ли Вы «Сьесту»?⁶ Верхарн издал драму *Cloître — le* или *Les cloîtres*, если слово можно употребить во мн(ожественном)⁷. Стринберг помешался⁸. «Альму» если судить судом праведным, должно осудить⁹. Какой-то свод общих мест из новой поэзии, заранее все наизусть знаешь, каждое предложение словно краденое. Но, конечно, в разговорах я прославляю эту драму. М. Дурнов уехал к бурам¹⁰. Бахман издает новую книгу стихов¹¹. «Горящие здания» Бальмонта должны быть уже напечатаны¹². В. Саводник¹³ — помните такого? — восхищен Vielé-Griffin'ом. Читал я не мало Pierre Louys, иногда не плохо, но и не хорошо¹⁴. Вот письма Артура Римбо хорошо очень¹⁵, я выписал еще его биографию¹⁶ и намерен предаться ему временно. В Москве издается перевод Ницше под ред. Емельянова-Коханского, который даже читать по-немецки не умеет¹⁷.

Напишите что-нибудь мне.

Ваш Валерий Брюсов.

1900 апрель.

¹ Рецензия на «Книгу раздумий» в «Новом времени» — характерный образчик разнотной критики со стихотворным «резюме»:

Брюсов завирается,
Дурнов надрывается.
В книге их «Раздумия»

Рдеет скудоумие.
Здравый разум топится,
Груды чуши копятя.

(Новое время (приложение). 1900. № 8617. 23 марта. С. 9—10. Подпись: М.)

В сходной тональности выдержана и рецензия А. В. Амфитеатрова в газете «Россия». Обличая «дикий, глупый кошмар» «декадентских» стихов, критик утверждает, что ни один из участников «Книги раздумий» не обладает собственной поэтической индивидуальностью: «Книгу эту раздумывали четверо: гг. Бальмонт, Валерий Брюсов, Модест Дурнов и Ив. Коневской. Раздумали 82 страницы, по 20½ страниц на каждого. Впрочем, кажется, гг. Бальмонт и Ив. Коневской раздумали больше, а гг. Валерий Брюсов и Модест Дурнов — меньше. Я беру среднее число. Взять его тем легче, что все четверо поэтов раздумывают так похоже друг на друга, что весьма трудно различить, где кончают раздумывать г. Бальмонт и начинает Валерий Брюсов, где свершился мысленный путь Модеста Дурнова и началась поэтическая тропа г. Ив. Коневского» (*Old Gentleman* (А. В. Амфитеатров). Литературный альбом. XII // Россия. 1900. № 328. 24 марта).

² В кратком отзыве о «Книге раздумий» Вл. Гиппиус писал: «Г. Бальмонт владеет плавным, но не всегда выразительным стихом, несколько чуждым поэтического движения; стих

Ив. Коневского, не чуждый поэтического движения, выразителен, но уродлив; г. Брюсов писал бы, вероятно, недурно, если бы свои несложные настроения выражал не таким притязательным стихом; г. Дурнов, судя по напечатанным в сборнике стихотворениям, вовсе не имеет литературной способности... Какой общий смысл *Раздумий*, какое направление соединило четырех авторов, и отсюда — в чем значение такой брошюры? — остается неясным» (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6, отд. II. С. 107). Еще более резким был отзыв Гишпиуса о книге Коневского «Мечты и думы», напечатанный там же (см. п. 36, прим. 8).

³ В упоминаемой Брюсовым рецензии воспроизводятся те же три стихотворения из «Книги раздумий» с ироническими комментариями, что и в рецензии «Нового времени» (*Le-mus* *Демке М. К.*). Между прочим // Орловский вестник. 1900. № 84. 28 марта).

⁴ См. п. 33, прим. 11. К копии письма Добролюбова приложена записка, в которой Брюсов оговаривает, что переписывает письмо Добролюбова «с пропуском нескольких слов — именно тех, где он указывает свое местопребывание», поскольку не решается «нарушить его желания» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 211).

⁵ Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1946) — живописец, график, иллюстратор, член общества «Мир искусства».

⁶ Гамсун К. Съеста: Очерки/Пер. с норвежского С. Полякова. М.: Скорпион, 1900.

⁷ Драма «Монастырь» («Le cloître») вышла в свет в 1899 г.

⁸ Август Стриндберг (см. о нем п. 26, прим. 19) переживал в это время так называемый кризис «inferno».

⁹ Пьеса Н. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900) вышла в свет отдельным изданием в марте 1900 г. В этой философской драме, насыщенной типично «декадентскими» мотивами и символами, действие сконцентрировано вокруг образа главной героини — исключительной личности, ищущей выход из соблазнов эстетизма и индивидуализма к своему подлинному «я» и внутренней свободе. Обзор многочисленных критических откликов на «Альму» см. в «Летописи литературных событий 1892—1900 гг.», составленной М. Г. Петровой (Русская литература конца XIX — начала XX в. Десятилетие. М.: Наука, 1968. С. 456—457).

¹⁰ Ср. дневниковую запись Брюсова (май 1900): «Дурнов вернулся; он был в Персии» (*Дневники*. С. 86).

¹¹ Это намерение не было осуществлено. Стихотворения Бахмана собраны в посмертном издании: *Bachmann G. Gesammelte Gedichte*. Moskau, 1910.

¹² См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 47, прим. 3.

¹³ См. п. 30, прим. 10.

¹⁴ Пьер Луис (1870—1925) — французский поэт и прозаик. Наиболее известные его произведения 1890-х годов — сборник «Песни Билитис» (1894), романы «Афродита» (1896) и «Женщина и паяц» (1898).

¹⁵ *Lettres de J.-A. Rimbaud*. P.: Marpon et Flammarion, 1899.

¹⁶ «Жизнь Артюра Рембо» (1897), написанная зятем поэта Патерном Берришоном. Брюсов указал эту книгу, как сохранившую значение, в своем позднейшем перечне литературы о Рембо (*ПСС* XXI, 263).

¹⁷ Это издание не было осуществлено. Об А. Н. Емельянове-Коханском см. наст. кн., Переписка с Курсинским, п. 7, прим. 5.

36. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Мая 3. 1900.

от И. Ореуса *

Простите мне, Валерий Яковлевич, продолжительную бесприветность: все последнее время чувствовал большой упадок деятельных сил в некоторых орудиях своего живоустройства, который происходил, конечно, от чрезвычайного раздражения и перенапряжения чувствительных нитей. Теперь слегка оправляюсь, но не могу дожидаться переезда в летнюю среду, на который надеюсь к середине этого месяца. Тогда, конечно, изведу Вас, где я буду. — Только что доставлено мне новое издание «Скорпиона» — первый перевод из Гамсуна¹. За доставку приношу благодарность переводчику-издателю, но не могу не выразить неудовольствия перед тем выбором из сочинений норвежского писателя, который сделан им при первом как раз переводе. Рассказы, составившие его, я читал нынче зимой по-немецки, и против всякого ожидания от такого писателя, как Гамсун, они мне показались разве что техническими упражнениями в употреблении тех сокращенных до минимума средств повести и передачи, которые часто оказывают столь могущественное действие объемлющей их тишью в его больших повестях². Но никак не видел возможности найти в их пустоте малейшее самостоя-

* Подчеркнуто И. Коневским.

тельное значение, исключая рассказ «Тайное горе», в самом деле захватывающий и пронизывающий и чуть-чуть наподобие Достоевского и Поэ.

Меня очень впечатлевает поступок отъезда в край буров со стороны М. Дурнова; но желал бы удостовериться, каковы его намерения — воинственные или созерцательные. И в том, и в другом случае его поступок знаменателен. — «Альма» производит, точно, очень неприятное впечатление своей программностью, рекламностью, блеском и лоском в отделке речей и вообще глубоким техническим опытом и навыком в подделке под целый строй чувств, сущность которых тем не менее ни на одну минуту не проходит в душу писателя. Между тем, схема и предначертание такого рода, что попадись в руки человеку страстно переживающему, могло бы возникнуть, в самом деле, великое изображение всей современной воли³. Особенно прискорбно, что такие вещи, которые в обществе будут признаны памятниками настроения поры, у нас даются такими деятелями, как Минский и Мережковский, из них первый как лирик воодушевлен, но всей своей личностью мертв и потому как носитель жизненной воли лжив, а другой как личность жив и искренен и чуток, но как носитель жизненных стремлений и даже воображений глубоко бессилен и худосочен⁴. Да вдобавок к этим рыцарям печального образа присоединяется своей известностью еще такой мелкий и бойкий шарлатан, как Бальмонт. Кстати, характерное сведение — один мой знакомец, который раньше высоко ценил его стихи до желания личных с ним отношений, а в то же время безмерно увлекается Гауптманом, вполне, по его словам, убедился в поддельности Бальмонта по прочтении его переводов из германского драматика: буренинский перевод «Потонувшего колокола», по его мнению, лучше⁵.

В противоположность Вл. Гиппиусу, непростительному своей сокровенностью⁶, Ф. Сологуб, кажется, собирается возмутить воду в омуте нашей поэзии: этой же весной, по известиям, сообщенным мне Гиппиусом месяца полтора тому назад, он предполагал издать новую книгу стихов, которую составит только половина его стихотворчества, принявшего ведь за последние три-четыре года размеры огромные⁷. Между прочим, о том, получил ли Вл. Г(иппиус) Ваше известие о Д(обролюбове), не могу ничего Вам сообщить, так как у меня с ним давно не было, и, вероятно, больше не будет личных отношений. На внутренние недоразумения и общие литературно вредные свойства его критики я ему писал частным письмом обстоятельное возражение, которое, вероятно, явится для меня заключительным расчетом с ним, как с литературным и мыслительным ценителем⁸. Меня более всего, конечно, огорчило то значение, которое приобретает «Мир искусства», все же единственный у нас носитель живых направлений в начертательных искусствах, когда вмещает в себя подобные проявления неумелых и близоруких способов суждения, каковы критические оценки, подписанные «В.»

Еще отмечу, что в современной нашей поэзии меня все более утешает Случевский. Перечитав оба первые томы его сочинений⁹, я нашел много прежде вовсе неощущенных мною черт величия; «Элоа»¹⁰ научился ценить, действительно, наравне с метафизическими междудействиями из «Дон-Жуана» А. Толстого¹¹. А из новейших проявлений его творчества на меня местами оказывали громовое внушение его обобщенные картины и действия «Он и Она» (в первых трех книжках Недели за этот год)¹²: все эпизоды, помещенные во второй из этих книжек (Его скитания в мире человеческом и внечеловеческом), представляют собой нечто единственное в русском стихотворчестве по соединению широты плана с яркостью и отчетливостью отдельных образов и общим грозным жаром освещения. В целом Случевский не явил из себя единой крупной личности, но это именно потому, быть может, что вследствие крайне жгучей чуткости к темным и возбуждающим смуту явлениям жизни он, не призванный всей своей волей выносить их напор, бежал в пошлость, заглушал себя каким-то дешевым ухарским пошвистом. Этот внутренний разлад меня роднит с ним. Мое органическое сродство с самой плотью и кровью его стиха и отчасти воображения было очень правильно признаю Вл. Гиппиусом.

Был очень рад, увидя объявление о Вашем намерении писать про творчество

Верхарена¹³. Вполовину эта же задача, как известно Вам, выполнена мною, но вследствие того, что в неурочно позднейшее время мне внушилось убеждение о необходимости другой половины, да и потому, что действительно настали иные задачи, она, я полагаю, оставлена мною навсегда. Несмотря на Ваше намерение или, быть может, уже — и выполнение переводов, конечно, стихотворных, из его поэзии, я тем более преследую намеченную мною уже давно задачу точных передач его стихов посредством прозы. В настоящее время исполнение задуманной мною многозначительной программы такого рода переводов почти приведено к концу. И, конечно, замысел ряда переводов, установленный «Скорпионом», как нельзя более располагает меня к расчету на включение моего собрания в эту совокупность. Надеюсь, что издатель «Скорпиона» не будет разделять Вашего непримиримо отрицательного отношения к передаче стихов посредством прозы, и поэтому решаюсь через Вас передать ему мое предложение об издании сборника моих переводов. Был бы доволен, если б узнал от Вас адрес С. А. Полякова. Окончательно в состав моей переводной программы входят образцы из Swinburne, Rossetti, Vielé-Griffin, de Régnier, Verhaeren, Maeterlinck (из «Trésor» и «Sagesse et Destinée»), Nietzsche (из III-ей и IV-ой ч^астей) «Заратустры» и «Дионисовых Дифирамбов»¹⁴. Опасаюсь, конечно, за некоторые места у Nietzsche и Verhaeren (в «La Forgeron», «L'Ame de la Ville», «Aux Moines» и др.)¹⁵, а особенно за Swinburne — последние фразы. Если «Hertha» не пройдет через цензуру¹⁶, целое лишится, конечно, одного из своих краеугольных камней: кое-какие места из этой оды, в сущности, более исключительно боевого характера, придется, пожалуй, исключить, а кроме того, многое, я думаю, можно «скрасить» через замену прописной буквы строчною в слове «Бог», иногда — еще и присоединение к нему эпитета «всякий», иногда употребление во множ^ественном ч^аисле).

В заключение позволю себе воззвать к Вам: долго ли еще Вы будете хранить свое равнодушие или даже нерасположение к Henri de Régnier? Могу Вас удостоверить, что в последнем сборнике стихов «Médailles d'Argile»¹⁷ есть такие поэтические явления, которые представляют лучший цвет, классическое совершенство исто французского словесного гения. Подобно Леконт де Лиллю, достойно и академии, и чистейшего поэтического чувства. De Régnier — представитель самого и строгого, и пышного, и изыщного величия во французском стихотворчестве этого времени и в числе первых — среди всей вообще породы коренных французских художников слова. В романе его, недавно вышедшем, он, кажется, не достиг успеха: в нем, кажется, скопилась всякая мелочь его личности. Вообще, для крупного повествовательного построения у нынешних французов мало пороха. Впрочем, Rosny¹⁸ и Paul Adam¹⁹ часто очень сильны, но много в них и всякой мути и мзги (?). Не знаю, как судить о de Gourmont²⁰.

P. S. В Pierre Louys, так же как в Huysmans и в m-me Rachilde²¹, не верю ни на грош. Относительно писем Rimbaud, да и жизнеописания его²², что Вы пишете, возбуждает во мне любопытство. Но узнайте же, не только по моей характеристике, стихи незаменимого в некоторых отношениях, быстро промелькнувшего, не выдержав жизни, Jules Laforgue. Давно сам хочу, но все не соберусь ознакомиться еще с его шестью повестями в прозе «Moralités légendaires»²³, которые, судя по замечаниям вскользь некоторых писателей, имели, по-видимому, какое-то путеводное действие на все ныне достигшее зрелости поколение французских поэтов стиха и прозы. Но в ближайшем будущем жду с нетерпением присылки последней поэмы Vielé-Griffin: «La légende ailé de Wieland le Forgeron»²⁴. Если достанете «Cloîtres» Верхарена²⁵, сообщите, пожалуйста, о цене (бельгийские издания с этой стороны очень разнятся между собой, я желал бы знать наперед).

И. Билибин встречал лично Лансерэ в редакции «Мира искусства», но других отношений у него с ним нет. Теперь самого Билибина в Пб. нет: он уехал в Одессу держать государственные экзамены²⁶.

Maeterlinck в самом скором времени выпустит книгу «Le Mystère de la Justice»²⁷. И Вам придется ее проштудировать.

Ответ на п. 35.

¹ См. п. 35, прим. 6.

² Видимо, Коневской подразумевает наиболее известные произведения Гамсуна 1890-х годов — романы «Голод» (1890), «Мистерии» (1892), «Редактор Люнге» (1892), «Новые всходы» (1893), «Пан» (1894), «Виктория» (1898).

³ Среди писем Коневского к Брюсову сохранилась рукопись его заметки о пьесе Минского «Альма», критически оценивающей как пьесу, так и отзыв о ней З. Гиппиус. В статье «Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского» (Мир искусства. 1900. Т. IV, № 17—18, отд. II. С. 85—94) З. Гиппиус противопоставляла бесперспективным исканиям декадентов, поэзии Брюсова, Добролюбова, Бальмонта истинно новое, «подземное» движение — «о важном и вечном», — сказавшееся в «Альме»: «Минский думает и говорит о самом важном, единственном, о чем следует думать и говорить, — то есть о человеке и о боге, о жизни внутренней и внешней в их возможном (или невозможном) соединении, о воплощении духа, об одухотворении плоти, — о смысле и цели жизни» (с. 88). Смысл трагедии и гибели Альмы З. Гиппиус видит в том, что героиня Минского «не любит жизнь, плоть, землю, а любит только неземную, бесплотную свободу»: «Свобода, та, к которой шла Альма-Психея Минского, не путь к Богу, то есть не движение, а стояние перед богом» (с. 93). Критикуя «Альму» Минского и статью Гиппиус, Коневской ставит пьесу в один ряд с такими программными индивидуалистическими произведениями 1890-х годов, как сборник Мережковского «Новые стихотворения» (СПб.: Изд. М. М. Ледерле, 1896) и «Песня» (1893) З. Гиппиус («О, пусть будет то, чего не бывает, // Никогда не бывает»; «Мне нужно то, чего нет на свете, // Чего нет на свете»). Заметка Коневского была написана по просьбе Брюсова (см. п. 46) для *СЦ 1901*, но не была там помещена; было отдано предпочтение его статье «Об отвращении новой русской поэзии» (см. п. 55, прим. 1 и п. 56).

⁴ Более подробный критический анализ творческого облика Мережковского Коневской дает в незавершенном наброске статьи «К суду над Мережковским»; выводы при этом делаются преимущественно на основе книги очерков Мережковского о классиках русской и мировой литературы — «Вечные спутники. Портреты из всемирной истории» (СПб.: изд. П. П. Перцова, 1897): «В уме Мережковского, вследствие его долговременного опыта в умозрительном истолковании поэтических личностей, до такой степени утвердились некоторые схемы и шаблоны мировых понятий, что они невозвратно вошли как бы в самый его духовный обиход, стали принадлежностями его воображительной утвари. Поэтом, ощущая подчас в своем сердце искренние страстные порывы к мировому созерцанию, ему уже, по-видимому, вполне невольно и безотчетно нет никакой возможности отвлечься, отделиться от тех же прочно засевших в нем восприятий и понятий. Наибольшая опасность этих усвоенных оборотов познавательной деятельности содержится в том именно, что это обороты и обычаи, приобретенные наполовину чужьем, наполовину строгим опосредствованием рассуждающей проверки; и таким образом, в то время, как к мыслительному и мечтательному исследованию явлений поэзии значение их как нельзя более пригодное и производительное, в лирическое вдохновение ими вносится вовсе несообразный, какой-то недомышленный, недочувствованный осадок, расхолаживающий увлечение восторга и бесплодно растравляющий мыслительные потребности. В той же мере, в какой представления миропонимания и богомыслия предстают во всем своем величии, когда они возникают в лирике под напором пламенного ощущения, в такой же мере они выдыхаются в пустоту условных форм и знаков, когда неотразимо сознается читателем, что писатель извлекает названия этих великих представлений из каких-то шкатюлок своего ума, где они у него всегда налицо в виде готовых к надобности сподручных механизмов понимания» (*ЦГАЛ. Ф.* 259. Оп. 2. Ед. хр. 3).

⁵ См. п. 33, прим. 5. Перевод Буренина см. в изд.: Гауптман Г. Потонувший колокол. М.: Литогр. Моск. театр. б-ки С. Ф. Разсохина, 1897.

⁶ Вл. В. Гиппиус отказался в эти годы от издания очередного сборника своих стихотворений. Сам он впоследствии признавался: «Отчасти под влиянием Мережковских, отчасти вечно неудовлетворенный собой, я не издал сборника своих сочинений» (*Гиппиус В. Александр Добролюбов // Венгеров. Рус. лит. XX в. Т. I, кн. III. С. 281*). После сборника «Песня» (СПб.: Паровая скоропечатня «Надежда», 1897) следующей поэтической книгой Гиппиуса явился сборник «Возвращение» (стихи 1896—1906 гг.), выпущенный в свет (под псевдонимом «Вл. Бестужев») только в 1912 г. Когда была отпечатана книга «Песни», Гиппиус всячески препятствовал ее распространению. В частности, 12 января 1897 г. он писал Брюсову: «Итак, я издал книжку, которую не выпускаю «в свет» (...) потому что считаю ее крайне несовершенной» (*ГБЛ. Ф.* 386, 82.32); ср. надпись Гиппиуса на последней странице экземпляра «Песен», подаренного 18 октября 1896 г. Ф. Сологубу: «Издание не для продажи без права на рецензии» (Библиотека *ИРЛИ*, шифр: 105 3/79). Хотя «Песни», судя по припискам Гиппиуса, в продажу не поступили, книга все же имела известное распространение (экземпляр книги есть, например, в библиотеке И. Н. Розанова — см. Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. М., 1975, № 2546). На решение Вл. Гиппиуса не могло не повлиять отношение З. Н. Гиппиус к творческому опытам молодых петербургских «декадентов». Так, по выходе в свет книги А. Добролюбова «*Natura naturans. Natura naturata*» она писала Вл. Гиппиусу (27 августа 1895 г.): «...чувствую к вам нежность и небывалое раньше уважение — так вы умно поступили, не издав своей книжки. Я думаю, вам теперь самому жалко вашего «друга» с его пустыми листами, серым, даже не смешным, абсурдом, кое-где прерываемым банальными словами и строками (...) Жалко его — и страшно, что вы могли бы очутиться

в таком же комичном положении, невозможном для серьезного человека, если бы издали свою тетрадку более талантливых, но столь же незрелых, детских опытов» (ГПБ. Ф. 481. Ед. хр. 38). Когда же Гиппиус повторил «проступок» Добролюбова, издав «Песни», и постеснялся преподнести книгу своей родственнице, З. Гиппиус укоряла его в письме от 27 октября 1896 г.: «Да, знаете, уж это бессилие и трусость. Я вам всегда говорила, что не следует печатать книжку, но раз вас “заставили обстоятельства”, то на попятный поздно» (Там же). Своими стихами, написанными после выхода в свет «Песен», Вл. Гиппиус также не был удовлетворен. 29 июня 1897 г. он писал Сологубу: «Мережковские мои последние стихи хвалили (...) а мне от них тоска, потому что надо писать гораздо лучше, а я, сдаётся, лучше не умею» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185).

⁷ Очередной авторский поэтический сборник Сологуба после книги «Рассказы и стихи», кн. 2 (СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896) вышел в свет только в 1904 г. в издательстве «Скорпион» («Собрание стихов, кн. 3 и 4. 1897—1903 гг.»). Сведения же о намерении Сологуба издать очередной сборник стихов в 1900 г., видимо, вполне достоверны: Вл. Гиппиус в 1890-е годы тесно общался с Сологубом. «Мое декадентство было принято без всяких оговорок только Сологубом, с которым я сблизился после первой же встречи в “Северном вестнике”», — писал Гиппиус в автобиографии «О самом себе» (ИРЛИ. Ф. 377, 2-е собрание автобиографий С. А. Венгрова. № 184. Л. 4). Первые две книги стихов Сологуба и его художественное мироощущение в целом Коневской подробно характеризует в статье «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16). В краткой заметке «Стихи Федора Сологуба» (26 декабря 1896 г.) Коневской пишет: «Краски строгие, простые до тусклости, какие-то матовые и сероватые. И напевы необыкновенно-простые, порою бесформенные, несложившиеся, а в то же время особенно задумчивыми и выстрадавшими звуками звенящие. В сдержанных, скудных токах этой поэзии нередко пробиваются однако причудливо-сказочные мерцания роскошных красок, видимые как бы сквозь серебристую дымку (...) это — заветная цель наших многовековых паломничеств, восточный рай, преобразившийся в расплывчатой, мечтательной душе русского северянина (...) Так в нем и ходит тяжелая, в обычное время несколько сонная и вялая кровь великорусского славянина, которая легко может застыть в неподвижных созерцаниях, но которая, уж если всколыхнется, так покажет все те силы буйства и страсти, которые в ней дремали» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 16—17). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской называет Сологуба «одним из первых талантов нашей теперешней поэзии» и отмечает, что новейшая поэзия Брюсова («Tertia vigilia») обладает «гораздо меньшим совершенством слова, чем у Ф. К. Сологуба» (СЦ 1901. С. 186). Незадолго до гибели Коневской отписав Сологубу следующее краткое письмо (7 июня 1901 г.): «Не могу не высказать Вам, Федор Кузьмич, что Ваши стихи в Северных цветах и в Мире искусства были мне благой дар. Во главе всех дума, начатая словами: Я люблюсь людской красотой..., есть великая помощь мечте и делу моей жизни. Я верую в святость Вашего творчества. Иван Ореус» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 509). Упомянутое стихотворение Сологуба см.: СЦ 1901). В статье «Федор Сологуб как поэт» (1910) Брюсов отмечает, что одним из «страстных поклонников» поэзии Сологуба «был безвременно погибший Иван Коневской, отдававший Сологубу предпочтение перед всеми современными ему поэтами» (VI, 283).

⁸ См. п. 30, прим. 28. Еще 15 декабря 1899 г. Гиппиус писал Сологубу: «Получили ли Ив. Коневского, на которого я задумал написать статью в “Мир искусства” — и не могу. А книжка достойная быть выгнанной, что я и сказал сочинителю, но он не согласен и говорит, что — очень хорошо. А что хорошего?

Во-первых, — серая бумага.

Читаешь — сотни опечаток.

Стихи — такая ерунда.

Рифмы — надгробье и в лоб я; язык чухонский, нудный, трудный, мысли средние, а до чувства не доберешься... Зачем взял эпитаф из меня, когда я еще не печатал? да еще подписал его лжеименем Веге? за что? а в посвящении Леса — Владимир Г... Совсем обгорел. Уж за одно это стану ругать. Лучшая строчка, конечно: «Отколе мне сие, аз вопрошаю?» посреди чухонских строк — что за прелесть!» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Опубл. частично и с некоторыми неточностями: Ежегодник 1977. С. 84; «Лес» — поэма Коневского «Дебри», посвященная Гиппиусу; эпитаф из Гиппиуса, подписанный «В. Г.», взят для цикла «Блудная весна» — МД. С. 185; СЦ. С. 77).

Сравнительно короткая рецензия Гиппиуса на «Мечты и думы» написана с исключительной резкостью. Характеризуя вошедшие в книгу Коневского стихотворения, критические и путевые очерки, Гиппиус пишет: «И то, и другое, и третье — искренно и даже талантливо, но язык в них до того безграмотен, стиль неряшлив и последовательность самих мыслей до того уродлива, что чтение книжки и чрезвычайно трудно, и неприятно. Каковы бы ни были вкусы и убеждения писателя, каковы бы ни были его способности, — одно стоит вне всякого сомнения, одно совершенно необходимо: он должен писать грамотно, развивать мысли последовательно, выражаться с возможной точностью, ясностью и даже изяществом (...) До тех пор, пока Ив. Коневской не научится писать грамотнее, все, что бы он ни написал, останется вне литературы. “Мечты и думы” нельзя оценивать, потому что такие стихи и прозу невозможно читать; по крайней мере для этого требуется большое усилие, а усваивать их содержание — даже труд. В чем же речательство, что труд окупились глубоким смыслом их? Доброжелательная критика в лучшем случае может признать за “Мечтами и

думами" и всеми подобными сборниками значение ученических работ, выполненных неудовлетворительно» (Мир искусства. 1900. Т. III, № 5—6, отд. II. С. 107). Письмо Коневского к Вл. Гишпиусу от 12 апреля 1900 г., в котором дается подробный разбор рецензии на «Мечты и думы» и разоблачается «крайнее бессилие» Гишпиуса «выразить свои понятия и обосновать суждения», опубликовано И. Г. Ямпольским (*Ежегодник 1977*. С. 94—98). Отрицательное отношение к рецензии Гишпиуса выразил в письме к Коневскому от 6 мая 1900 г. А. Ланг: «К сожалению, просматривал статью Гишпиуса и сожалел о том, что он пустился критиковать. Ему следует писать исключительно одни стихотворения и не марать себя дешевыми приемами маститого Буренина» (*ПЖ 1988*. С. 27).

⁹ Сочинения К. К. Случевского: в 6 т. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1898. В первых двух томах помещены стихотворные произведения.

¹⁰ «Элоа. Апокрифическое предание» — философская поэма-мистерия Случевского. Ее высоко ценил Брюсов, называя в числе «вещей удивительных и дерзновенных», выдерживающих сопоставление с «Демоном» Лермонтова (см.: *Дневники*. С. 64—65). Характеристика «Элоа» занимает центральное место в статье Брюсова «К. К. Случевский. Поэт противоречий» (1904 — VI, 233—234).

¹¹ Имеются в виду сцены с участием духов и сатаны в драматической поэме А. К. Толстого «Дон Жуан» (1859—1860) — пролог и сцена «Сумерки. Кладбище» из части второй. Хором духов «Едино, цельно, неделимо...» (см.: *Толстой А. К. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1963. Т. 2. С. 88) Коневской заключает свою статью «Живопись Бёклина» (*МД*. С. 158; *СП*. С. 169).

¹² Драматическая поэма Случевского «Он и Она. (Реальная фантазия)» в трех частях (*Книжки Недели*. 1900. № 1—3). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской писал: «Невозможно (...) говорить о том, что пропала наша стихотворная поэзия, и до тех пор, пока долголетний возраст не препятствует до последнего времени создавать лучшие свои, даже в крупном объеме, замыслы, как поэма: Он и Она, К. К. Случевскому, единственному в своем роде из русских поэтов по буйной яркости, размаху и причудливой изощренности своей живописи» (*СП 1901*. С. 187).

¹³ В книге Гамсуна «Сьеста» был анонсирован сборник Э. Верхарна «Стихи о современности» (Перевод и статья о Верхарне Валерия Брюсова).

¹⁴ Переводы из всех названных Коневским поэтов вошли в сборник его переводов, хранящийся в ЦГАЛИ (см. п. 9, прим. 11). Подробнее о переводах из Метерлинка, Вьеле-Гриффена и Ницше см. там же, прим. 13, 17 и 18.

¹⁵ «Кузнец», «Душа города», «Монахам» вошли в сборник переводов. См. также переводы Коневского из Верхарна — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 6—80б. и 12—140б.

¹⁶ Такие же опасения, вызванные богоборческими, разрушительными репликами «Герты» Суинберна, высказывает Коневской и в письме к А. Я. Билибину от 2 июля 1899 г.: «Очень опасюсь, что главнейшие образцы поэзии великого и вещего поэта, которые должны ложиться во главу угла всего, не проскочат через цензуру или подвергнутся большому урезкам, так как это крайне резкие утверждения пантеизма против христианства» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 6 об.).

¹⁷ Сборник стихотворений А. де Ренье «Глиняные медали» (1900).

¹⁸ *Рони* — коллективный псевдоним французских романистов, братьев Бёкс — Жозефа Анри (1856—1940) и Серафена Жюстена Франсуа (1859—1948); до 1909 г. братья писали совместно.

¹⁹ См. п. 19, прим. 10.

²⁰ См. п. 23, прим. 4.

²¹ О Пьере Луисе см. п. 35, прим. 14. Жорис Карл Гюисманс (1848—1907), *Рашильд* (Маргерит Эмери, в замуж. Валлет, 1862—1953) — французские романисты.

²² См. п. 35, прим. 15 и 16.

²³ Книга Ж. Лафорга «Легендарные добродетели» (1887).

²⁴ «Крылатый сказ о Виланде, кузнеце» (1900).

²⁵ См. п. 35, прим. 7.

²⁶ Прослушав полный курс юридического факультета С.-Петербургского университета и получив соответствующее свидетельство в марте 1900 г. (*ЛГИА*. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3310б. Л. 46), И. Я. Билибин в мае 1900 г. сдал выпускные государственные экзамены в Новороссийском университете (Одесса), после чего поступил (в сентябре 1900 г.) в число вольнослушателей мастерской И. Е. Репина при Академии художеств в Петербурге (Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 72).

²⁷ Сведения почерпнуты Коневским из редакционного примечания к этюду М. Метерлинка «Гайна справедливости» («Le mystère de la justice»), опубликованному в «La Revue de Paris» (1900. Vol. III. Mai—Juin. P. 93—112). Позднее этот этюд составил одну из глав («II. L'Evolution du mystère») трактата Метерлинка «Сокровенный храм» («Le Temple en-seveli», 1902).

37. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) Май 1900.

Очень огорчен, дорогой Иван Иванович, что не могли Вы доставить мне ничего нового из Ваших стихов; я очень надеялся их получить. О моих переводах

Верхарна Вы, видимо, составили себе неверное понятие. Они едва начаты; перевел я стихотворений 10—12, но на высшие создания его творчества еще не посягаю. Почему-то верю, что летом переведу еще многое. Что до статьи о Верхарне, то в ней хочу я только передать внешние события личной и творческой жизни Верхарна, у нас безусловно неизвестного даже большинству ценителей: я перечислю, насколько могу, все им написанное, сделаю выписки из некоторых критик, наконец означу поворотные точки его жизни; это все ¹. Но и это все в будущем, пока собираю свои стихи, которые думаю издать осенью ².

Что до Вашего предложения — издать Ваши прозаические переводы — то, конечно, лично я не могу ничего ответить, ибо все же к «Скорпиону» имею отношение второстепенное. Главный его двигатель — С. А. Поляков — в настоящее время уехал в Крым и на Кавказ; вернется он приблизительно через месяц. Его адрес, по которому письма рано или поздно достигнут до него, — таков: Москва, Юшков переулок, Знаменская мануфактура, Сергею Александровичу Полякову. Незадолго до его отъезда была у нас беседа о различных замышляемых им изданиях. Между прочим высказывал он пожелание выполнить замысел Добролюбова — издать в переводах (а возможно и *texte en regard* *) образцы новейшей поэзии — русской, французской, английской, немецкой, итальянской, скандинавской, польской, чешской... Тогда высказывалась надежда, что часть этого труда возьмете на себя Вы и не откажетесь включить в него уже сделанные Вами переводы.

Я не получил еще «Le Cloître» ³. Выписал себе «La Légende ailée» ⁴ — тоже еще не получил, но купил «La clarté de Vie» ⁵, которой у меня не было в собственности, и перечитываю с большим восторгом. «La soupe» ^{2*} — лучшее и совершенство. В значении Vielé-Griffin Вы убедили меня безотрицательно ⁶; не могу сказать того же о de Régnier; может быть, для него я недостаточно знаю французский язык и всю их литературу; он слишком француз; да еще рассказы его, которые я читаю в «Revue de Paris» ⁷, приводят меня в отчаянье. Случайно прочел в одном журнале новые стихи Верхарна, «Notre-Dame-au-Manteau-Froid» ^{3*} довольно длинное повествование из нашей жизни. — «Mercure de France» издал еще книгу Merril — «Les quatre saisons» ⁸, которой читал я восторженные восхваления в «La Plume» ⁹; между прочим: «Camarades pleins d'enthousiasme, poètes à l'âme triste et vague, cadets qui nous suivez, et vous, passant très humble, qui voulez vivre et pleurer et vous donner au Rêve, lisez les Quatre Saisons, lisez ce beau livre de poésie, ce beau livre de gloire...» etc. etc. ^{4*} Затем появилась еще — не знаю чья — La Dame à la Faux ¹⁰, о которой говорил de Régnier в своих лекциях в Соединенных Штатах, где он читал о новейшей французской поэзии. — А еще, чтобы кончить с новостями, Maeterlinck написал новую драму ¹¹.

Пожалуйста, не оставьте меня без Вашего летнего адреса. Теперь по Тютчевскому слову «поют деревья» ¹², неужели Вы не доставите нам новых песен?

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. В письме Георгий М. Добролюбов говорит о предполагаемом издании всех сочинений его брата; среди лиц, которых он желал бы видеть соредакторами, упомянуты имена — Ваше и Вл. Гиппиуса ¹³.

Ответ на п. 36.

¹ Этот замысел Брюсов осуществил только шесть лет спустя, выпустив книгу: *Верхарн Э.* Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906.

² В книгу «Tertia vigilia» вошли два перевода из Верхарна — «К северу» («Два моряка возвращались на север...») и «Женщина на перекрестке» («Я жрица давнего проклятья...»).

* переводы, печатаемые параллельно с текстом оригинала (франц.).

^{2*} «Чаша» (франц.).

^{3*} «Сбор Богоматери в холодном покрове» (франц.).

^{4*} «Вы, младшие товарищи, исполненные энтузиазма, поэты печальной и томной души, что следуйте за нами, и вы, смиренные прохожие, которые хотят жить и плакать и отдаться мечте, читайте «Четыре времени года», эту прекрасную книгу стихов, эту прекрасную книгу славы» и т. д., и т. д. (франц.).

³ См. п. 35, прим. 7.

⁴ См. п. 36, прим. 24.

⁵ См. п. 1, прим. 13.

⁶ Ср. позднейшую брюсовскую характеристику творчества Вьеле-Гриффена: «Вьеле-Гриффин самостоятелен и в содержании своих стихов и в их форме. Он один из мастеров и создателей "свободного стиха"; он много думал над задачами поэзии; его поэмы всегда проникнуты мыслью, глубокой и интересной; он из числа поэтов, которые мыслят и в творчестве которых раскрывается определенное, стройное мировоззрение» (ПСС ХХІ. С. 272).

⁷ В первой половине 1900 г. в журнале «Revue de Paris» был опубликован рассказ Анри де Ренье «Женщина из мрамора» («La femme de marbre» — Vol. 1. Janvier-février. P. 225—241), вошедший затем в его сборник «Необыкновенные любовники» (Les amants singuliers. 1901).

⁸ Книга стихов Ст. Мерриля «Четыре времени года» (1900).

⁹ См.: La Plume. 1900. 1 mai.

¹⁰ Символистская драма «La dame à la faux» («Женщина с косой в руках») вышла в свет в 1899 г. в издании журнала «Mercure de France». Ее автор — Сен-Поль Ру (см. наст. кн., Письма к Самыгину, п. 4, прим. 8).

¹¹ «Сестра Беатриса» (1900).

¹² Из стих. Тютчева «Сияет солнце, воды блещут...» (1852).

¹³ См. п. 32, прим. 1.

38. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Мая 14. 1900. Пб.

Спешу известить Вас, милый Валерий Яковлевич, что на следующей неделе я, по всей вероятности, перееду с моим отцом на берег Саймы, в здание, называющееся «Pension Rauch»: оно расположено в 6 в(ерстах) от Иматры, так что на адресе, помимо этого названия, можно обозначить «Иматра»¹. Узнав от А. А. Ланга, что Вы собираетесь из Москвы 15-го², надеюсь этим письмом застать Вас еще в городе и получить в ответ сведения о Вашем летнем месте жительства.

Должно быть, у Вас «деревья поют» уже давно: у нас же всего несколько дней как они начали чуть-чуть «зеленеть пухом» и «обвеиваться» «зеленью сквозной, полупрозрачной как дым»³. А до того, чуть не месяц, проходили вполне нелепые и полные внутреннего разлада дни: солнце светило, а воздух пронизывал холодом. Можно ли было отзываться на столь бездушное настроение?

Что Вы пишете о замыслах С. А. Полякова относительно переводных изданий — возбуждает во мне надежды. Во всяком случае, если он намерен осуществлять со всей точностью мысль А. Добролюбова, то пусть примет во внимание, что мне еще недавно было передано Эрлихом: Д(обролюбовым) были бы одобрены переводы стихов исключительно в той форме, в какой я могу их представить; оказывается, что он вполне сходил с со мной во мнениях о необходимости дословной прозаической речи для перевода всякой поэзии. В настоящее время мне остается сделать еще несколько переводов из обеих книг размышлений Матерлинка и двух-трех образцов из Vielé-Griffin * и de Régnier. Из Ницше все, что предполагаю нужным, переведено⁴.

Со сборником Merril⁵, который расхваливается его благоприятели, знакомиться не полагаю нужным. Еще, кажется, зимой 1898—99 гг., когда Вы были у меня в Пб., я Вам показывал первый сборник его поэзии за десять лет⁶ и высказывал свое впечатление, что пожалел о его приобретении, найдя в его авторе ничего более как дутое ничтожество, которое может измелить современную фантазию и порывы до уровня того, что публика себе представляет под «декадентством». Французский Бальмонт, немного позатейнее, сообразно более изысканным требованиям читателя: заметьте, что он сразу и стяжал себе нема-

* Из него только стихи «Pour le 2 Novembre», в которых вызывает задержку слово «bouillard»; решительно затрудняюсь его передать: в словаре Larousse нахожу только значение какой-то принадлежности запруды при водяной мельнице, между тем как в этих стихах очевидно разумеется какое-то дерево: «La grand bouillard isolé, vert sombre, dont pas une feuille encore ne tombe». Нет под рукой, к сожалению, никакого крупного академического словаря (прим. Коневского).

лую известность еще в конце 80-ых гг., когда о Vielé-Griffin и de Régnier, и тем менее о Verhaeren еле было слышно даже в новаторских литературных кружках — и это несмотря на то, что последним были написаны тогда уже «*Flamandes*», «*Moines*», «*Soirs*», «*Débauches*»⁷ (1883—88), из которых я и первые не могу не считать образцовой живописью и пластикой. Как раз в параллель Бальмонту, в самом первом сборнике Merril: «*Les Gammes*»⁸ есть еще две-три очень задушевные и несложные по замыслу элегии (на мотивы о туманах и сумерках и едва ли не лучшая станца — последняя в целом отделе: «*Toujours vivre et mourir; revivre et remourir...*»^{2*}); далее же он пустился нестерпимо завираться в погоне за большими эффектами.

Гораздо более обращает на себя мое внимание новый сборник А. Ferdinand Herold: «*Au Hasard du Chemin*», которого «*Images tendres et merveilleuses*»⁹ я читал еще более года тому назад с большим удовлетворением. Конечно, куда меньше охвата, чем три столпа нынешней французской лирики, но очень цельно и гармонично. Пленительно-певучие и благодатные местности и личности страдалиц-царевен и доблестных царевичей открываются в этих драматических сценах из средневековых сказаний кельтического и передне-азиатского происхождения.

В «*Légende ailée de Wieland*», многолетнем, по-видимому, создании ее автора, я приветствовал самое многозначительное и торжественное сочинение более крупного объема из поэзии Vielé-Griffin. С другой стороны, я признаю, что с наибольшей яркостью, глубиной и полнотой он все же выразился в сравнительно меньшего объема поэмах (кроме как в упоминаемой Вами «*La Coupe*», конечно, столь же, если не больше в «*Midi-II. Devant la Mer*», или в «*L'Aube de la Saint-Jean*», или в «*La Chevauchée d'Yeldis*», да и даже в Эпилоче к первому опыту его: «*Cueille d'Avril*»)¹⁰. Но среди более обширных его повествовательных, действенных замыслов Крылатому Сказу, конечно, принадлежит первенство. И таким образом он возбуждает особенное, не появлявшееся прежде у того же поэта внушительное и величавое впечатление.

На что не надивлюсь, так это на обновление, возрождение ритма, которого достигли современные художники французского слова. Из самого неподатливого и тугого стиха во всей европейской поэзии сделали этакое, поистине, чудо стихотворного размера по биению и трепету жизни, соединяющее беспредельную легкость с захватывающей мощью, какое, кажется, не слыхано было в европейской поэзии со времени хоровой песни у древне-эллинских трагиков. В сказе о Виланде стих, в самом деле, все время как бы ширяется на крылах или расправляет и вздымает паруса. Перед этим полетом, стремительным и полным упругого самообладания, окончательно сознаешь ничтожество звуков в себе. Вы, я нахожу, можете ощущать несколько больше самоудовлетворения: в «*Демонах пыли*» Вы достигли большого совершенства в подобных же смелых и твердых колебаниях ритма, так же, как и в первой части поэмы о Викингах¹¹, хотя с меньшей сложностью.

Заметьте, что de Régnier, с другой стороны, поражает тем глубоким и легким волнением, которое он внес во французский александрийский стих, сохраняя всю его строгую размеренность и чинность. А, между тем, нечего и говорить о его мастерстве и в самых летучих, вьющихся напевах. Зачем же Вы смотрите на его прозу, за которую он напрасно берется?

От Вас жду более всего продолжения поэмы к Царю Северного Полюса. Надеюсь, что она составит в полном объеме центр тяжести Вашей «*Tertia Vigilia*».

Не помню, писал ли я Вам, что в середине лета надеюсь разъезжать с И. Я. Билибиным по местам, освященным стариной Суздальской Руси, каковы города и веси, расположенные близь верхней Волги, и, быть может, по Шексне, проберемся и до обители, славной и во времена Московской Руси, Кирилло-Белозерского монастыря¹².

^{2*} «Жить и умирать, возрождаться и вновь умирать» (франц.).

В последнее время я много беседовал с молодым человеком, представляющим много достопримечательного. Он — дальний мой родственник, по отцу австриец, по матери — швед, будущий германский поэт, но случайно воспитывается здесь в первой гимназии, хотя чувствует органическую антипатию к русской жизни. Он поражает кругом литературных знаний и самостоятельным воображением, а также направлением стремлений¹³. Будучи всего 18 лет от роду, он успел прямо воспитаться на древних трагиках, Шекспире, испанской драме и германской поэзии конца XVIII-го и начала XIX-го веков; из более новой литературы знает хорошо Ибсена и Якобсена¹⁴, а также русский роман, хотя очень не сочувствует ему. К лирике у него меньше вообще расположения, чем к повести и особенно драме, в которой излюбленный его мир — Кальдерон, индусский театр (Калидасы и Судраки)¹⁵, и наконец — довольно крупный, хотя, по-моему, аляповатый в своей мятельности германский драматик начала столетия Grabbe (автор кричащей трагедии: «Don Juan u(nd) Faust»¹⁶; единственное, читанное мною из его творчества, хотя другие драмы его, исторические, по словам его почитателя, благороднее). Конечно, увлечение этим писателем свидетельствует о не вполне сложившемся вкусе молодого Кунцмана; но предпочтение, оказанное им этому «рвущему и мечущему» романтику перед множеством других известных ему значительных образцов всемирной поэзии, очень, во всяком случае, характерно для этого юноши, которого я научился знать и по его собственному стихотворчеству, очень обширному и отмеченному своеобразной систематичностью. От этой же систематичности живого поэтического чувства в этом творчестве пока почти не заметно, но нельзя не заинтересоваться крайне самобытно выработанной сферой воображения и неизменным схематизмом олицетворений в передаче тех или других понятий или настроений. Во всем распространено отвлечение к европейским культурным формам жизни, тяготение к восточному великолепию и тропическому жару; и преобладающим мотивом является страсть воинских походов и нашествий, осад и кровопролитий, блеск оружия и гром труб; при этом постоянно выступают борьбы и торжества небывалого народа из страны Сеноровии, который управляется представительницей всякого блага и блаженства, царицей Изабеллой, а в битве предводительствуется княгиней Стратоникой¹⁷. Представителями враждебных властей, носителями мрака и позора являются не редко различные божества древне-эллинские и индусские, о которых у автора этих образов очень основательные сведения. Представление о сияющих силах очень достойно внимания в том отношении, что призыв его направлен к неудержимому наслаждению предметами земных желаний и чужд бесплотной воздушности. Вообще, об этом молодом поэте можно горячо пожалеть, что

И. Я. БИЛИБИН

Фотография А. Семенова. С. Петербург, середина 1890-х годов

Ленинградский исторический архив

судьба изгнала его на серый север, тогда как это личность, алчущая и жаждущая южного пламени сладостей и сражений. Многообъемлющие литературные знания и расположения придают, во всяком случае, большую привлекательность общению с ним.

Прощайте. Жду сведений о Вашем летнем местопребывании.

Ваш И. Ореус

Ответ на п. 37.

¹ Сайма — озеро в юго-восточной Финляндии, с водопадом Иматра; известный курорт. Коневской жил там с конца мая до 20 июня 1900 г. (см. п. 42. Последнее из стихотворений, помеченных «Rauhaganta», «Затишье», — датировано 16 июня — СЛ. С. 112). Впоследствии Брюсов жил в том же пансионе Rauhа, что и Коневской, в мае—июне 1905 г. (см. цикл его стихов «На Сайме» в книге «Stephanos»).

² Ср. дневниковую запись Брюсова (23 мая 1900 г.): «Три дня были на даче в Акуловке» (Дневники. С. 86).

³ Цитируются (неточно) слова из VII главы «Евгения Онегина» («Еще прозрачные, леса как будто пухом зеленеют») и из стих. Тютчева «Первый лист»: «Лист зеленеет молодой. // Смотри, как листьям молодым // Стоят обвеяны березы, // Воздушной зеленью сквозной, // Полупрозрачно, как дым...».

⁴ См. п. 36, прим. 14.

⁵ См. п. 37, прим. 8.

⁶ Сборник стихотворений «Роёmes» (1887—1897).

⁷ Перечисляются первые сборники стихотворений Верхарна: «Фламандские картины» (1883), «Монахи» (1886), «Вечера» (1887), «Крушения» (1888).

⁸ Сборник стихов Мерриля «Гаммы» (1887).

⁹ Андре-Фердинанд Герольд (1865—1949) — французский поэт. Упоминаются его сборники «На случай в пути» (1900) и «Нежные и дивные образы» (1897).

¹⁰ Перечислены произведения Вьеле-Гриффена: «Крылатый сказ Виланда, кузнеца», «Чаша», «Поддень», «Пред лицом моря», «Рассвет Иванова дня», «Верховое странствие княжны Иельдис», «Апрельский сбор» (названия в переводе Коневского; см. также п. 3, прим. 4; п. 9, прим. 17; п. 36, прим. 14).

¹¹ См. п. 21, прим. 3 и 1.

¹² Это намерение не было осуществлено. И. Я. Билибин провел лето 1900 г. в усадьбе Егны Весегонского уезда Тверской губернии.

¹³ Коневской говорит об Александре Иосифовиче Кунцмане (1881 — ?), родственнике Коневского по отцовской линии (мать Кунцмана — Александра Ореус). Кунцман родился в Вене, после кончины отца в 1887 г. переехал вместе с матерью в Россию, жил в ее имении в Новгородской области, а затем в Твери, в 1894 г. был принят в русское подданство; в 1895—1901 гг. учился в Петербургской 1-й гимназии, в 1901—1907 гг. был студентом историко-филологического факультета Петербургского университета (см.: ЛГИА. Ф. 114. Д. 8471; Ф. 14. Оп. 3. Д. 38833). Несколько рецензий А. Кунцмана было опубликовано в журнале «Логос» (Мусагет, 1913. Кн. 3—4. С. 360—370). Сведений о его последующей жизни обнаружить не удалось. В архиве Коневского сохранился автограф дарственной надписи А. Кунцману на сборнике «Мечты и думы»: «Будущему немецкому поэту преподносится эта книга с наилучшими дружескими пожеланиями на долгие годы. Автор Иван Ореус. Ноябрь 1899. Пб.» (оригинал по-немецки — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 23-а).

¹⁴ Йенс Петер Якобсен (1847—1885) — крупнейший датский прозаик второй половины XIX в.

¹⁵ Калидаса — древнеиндийский поэт и драматург (IV—V вв.?). Шудрака (Судрака IV в.?) — полубогатый древнеиндийский драматург, предполагаемый автор пьесы «Глиняная повозка» («Мричхакатика»).

¹⁶ Христиан Дитрих Граббе (1801—1836) — немецкий драматург, отразивший в своем творчестве бунтарские, «неистовые» настроения. Упоминается его драма «Дон Жуан и Фауст» (1828).

¹⁷ Коневской в отрочестве также создал вымышленную страну — Росамунтию, посвятив ей специальную «энциклопедию» со статьями о «писателях, поэтах, ученых, художниках, государственных людях» этой архаизированной, славянской страны — «Краткие сведения о великих людях Росамунтии XIX века. В виде словаря. 1893» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 3). Стилизованный русский язык этого «словаря», намеренно лишенный иностранных корней, основанный на неологизмах, напоминает позднейшие опыты в этой области Велимира Хлебникова. Интересно также, что уже в «книге о Росамунтии» имеется фамилия, впрямую образованная от острова Коневец, и, вероятно, послужившая истоком псевдонима поэта (см. вступ. ст., прим. 7): «Коневецкий Алексей Федорович, бытописатель и обсудитель росамунтской словесности» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 136об.).

39. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

Ревель¹. 30 мая (1900 г.)

Привет! «Gruss aus Reval!» * — Хочется мне услышать Ваш голос, и наскоро пишу Вам несколько слов. Бывали ли Вы в Ревеле. Город прекрасный — сочетание старины и новизны, как в Москве. Новые дома рядом с громадами XV века, угрюмые входы и необозримые сени. В окнах книжных магазинов Maeterlinck, Strindberg, Ibsen, Rossetti, — а входить в эти магазины надо через готические двери с изображением Христа вверху². Хорош и Олай, столь воспетый кн. Вяземским³. Живем мы в дачной местности, где каштаны, и море, и гуляющие немцы⁴. Смесь наречий и обычаев — угрюмые латыши, неизменно мерные немцы и беззаботные русаки — определения избитейшие и вернейшие.

Что ты в радости ль, во гневе ль,
Море шумное, бурлишь
И, как тигр, на старый Ревель
Волны скалишь и рычишь.

Стихи кн. Вяземского⁵. Выписываю ради рифмы. Напишите мне. Наш адрес: Ревель, Катериненталь, Подгорная ул. Дача фон Ден, кв. 3. «Le cloître»⁶ хорош, но я жду от Verhaeren'a большего.

Ваш Валерий Брюсов.

Р. S. Очень, очень жалею, что попал в Петербург так поздно и уже не застал Вас⁷. Был у Добролюбовых. Подробности позднее⁸.

¹ Брюсов провел в Ревеле два месяца — июнь и июль 1900 г.; в последних числах июля он возвратился в Москву. См.: *Дневники*. С. 88—89.

² Ср. письмо Брюсова к А. А. Шестеркиной от 31 мая 1900 г.: «А город старинный, здания XII века, сумрачные соборы, готические входы, а в окнах книжных магазинов Ибсен, Метерлинк, Стриндберг, Оскар Уайльд (все по-немецки, конечно). Смесь наречий и обычаев» (*ЛН*. Т. 85. С. 623).

³ Церковь святого Олая (Олевисте); XV — начало XVI в., с высоким готическим шпилем (123,7 м). Ср. недатированное письмо Брюсова к П. И. Бартеневу, отправленное из Ревеля в те же дни: «Прежде всего большое-большое спасибо Вам за совет ехать сюда. Ревель очень хорош, старинные дома, готические входы, как у церквей, — прелесть. Олай, конечно, лучше всего. Если немножко и грубо, зато отменно верно выражение князя Вяземского:

Как Олай
Заторчит перед тобой...

Куда ни пойдешь, он всюду. Хороши еще старые стены и башни, Длинный Герман, Толстая Маргарета... Впрочем, мы еще далеко не все оглядели» (*ЦГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 150). Цитируется стих. Вяземского «Поручение в Ревель» (1833). См.: *Вяземский П. А. Стихотворения*. Л., 1958. С. 237.

⁴ В цитированном выше письме к П. И. Бартеневу Брюсов сообщал: «...поехали мы в Катериненталь и очень уж прельстил нас здешний парк и Promenade Strand на берегу моря. Здесь мы и остались. Сыскали две крохотные комнатки под крышей» (*ЦГАЛИ*. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 150—151).

⁵ Первое четверостишие стих. «Почь в Ревеле» (1844 — *Вяземский П. А. Стихотворения*. С. 272).

* Привет из Ревеля! (нем.).

«ВЕСЫ», 1904, № 8

Виньетка по рисунку Н. Н. Сапунова

⁶ См. п. 35, прим. 7.

⁷ Брюсов ехал в конце мая в Ревель из Москвы через Петербург. «В Петербурге думал повидать Ореуса и Г. М. Добролюбова. Ни то, ни другое не удалось. Ореус уже уехал с отцом в Финляндию, а Г. Добролюбов был на судне „Полтава“ в Кронштадте» (*Дневники*. С. 86).

⁸ В дневнике Брюсов подробно описал беседу с матерью А. Добролюбова Марией Генриховной (*Дневники*. С. 86—88). Главной целью его визита было обсуждение с Г. М. Добролюбовым вопросов, связанных с изданием сочинений его брата. Не сумев встретиться с Г. М. Добролюбовым, Брюсов написал ему из Ревеля письмо (7 июля 1900 г.). «Общее дело, интересующее нас, находится в таком положении, — сообщал в нем Брюсов. — Из привезенных сюда, в Ревель, рукописей Вашего брата нами разобрана пока только тетрадь, озаглавленная „Вещи“. Почти все это самые неразборчивые черновые, большинство слов недописано, множество помарок и поправок. Очень часто приходилось восстанавливать слово по догадке, случалось даже, что приходилось читать по смыслу вопреки правописанию, предполагая опisku (хотя, разумеется, это очень опасный прием). Несмотря на то, осталось не мало мест неразобранных и еще больше таких, где мы не смеем утверждать правильность своего чтения. Принимая во внимание своеобразность хода мысли Александра Михайловича, в иных местах можно даже оспаривать порядок, в котором должны быть располагаться листы рукописи. Я сознаюсь, что лично сам, вероятно, не сумел бы выполнить и того немногого, что теперь сделано, если б не помощь моей жены, которая приобрела необыкновенный навык в чтении почерка Александра Михайловича и разгадывает иногда на первый взгляд совершенно безнадежные каракули, поставленные второпях, в порыве вдохновения, скорей для памяти, чем для чтения. Среди разобранных произведений есть несколько, которые я готов отнести к лучшим созданиям поэзии Александра Михайловича. Последние листы видимо относятся к позднему времени; мысли, изложенные здесь, поражают неожиданностью и вместе с тем проникновенностью в глубину вещей; некоторые высказанные здесь суждения — прямо философские откровения; вместе с тем они объясняют как более раннюю поэзию Александра Михайловича, так и позднейшее направление его мышления (...) Очень желалось бы мне, чтобы замышленное Вами предприятие дождалось осуществления. Я считаю творчество Александра Михайловича важным моментом и в истории русской поэзии и в истории русской мысли. Чем-нибудь способствовать изданию его произведений, т. е. сохранению их для людей — повторяю — я считаю для себя за честь, за удовольствие, за счастье» (*ГБЛ*. Ф. 386, 71.8). Письмо это по оплошности было послано по неверному адресу и вернулось к Брюсову, не достигнув адресата; 10 августа Брюсов написал Г. М. Добролюбову повторно, на что Добролюбов ответил 30 сентября 1900 г.: «3 октября я ухожу на „Полтаву“ на Восток и очень сожалею, что мне до сих пор не удалось с Вами побеседовать лично. Относительно предполагаемого мною издания могу Вам сообщить следующие подробности: почти все рукописи, находящиеся на руках у меня и у других лиц, например, у Квашнина-Самарина, Льва Постриганьева, Я. Эрлиха и Гишпиуса, уже почти переписаны набело, и остается их теперь только рассортировать, что и думаю произвести в недалеком будущем. Был бы очень Вам благодарен, если бы Вы выслали мне теперь те из рукописей, которые Вами уже разобраны; буду Вам также признателен, если Вы к ним приобщите свои замечания и указания» (*ГБЛ*. Ф. 386, 85.19). Усилия Брюсова и петербургских друзей Добролюбова по расшифровке его рукописей и подготовке их к печати не дали реальных результатов: задуманное полное издание ранних произведений Добролюбова не было подготовлено и осуществлено; Брюсов напечатал лишь отдельные стихотворения и прозаические фрагменты в «Северных цветах» («Отодвиганье смерти» — *СЦ* 1901; «Образы» — *СЦ* 1902. Подпись А. М. Д.).

40. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Imatra — Pension Rauha (шведское слово: *Покой*). 1900: июня 1.

Принял Ваш привет из Ревеля, города, который соединен с самыми ранними воспоминаниями моего детства: я несколько раз был в нем проездом в Гапсаль, когда мне было от 8 до 10 лет, и всякий раз вдыхал чутьем неведения обаяние средневекового германского города, которого образ носился во мне уже, исходя из немецких книжек для детей, а быть может, и из более первоначальных областей. Затем Ревель стал мне близок через Ф. А. Лютера¹, для которого он наряду с Москвой родовой город, будучи родиной его отца, тогда как он сам родился в Москве, но полон живых связей и с Ревелем, и живя в убийственном Пб.², носитя душой между заветами древне-русской и древне-германской старины.

Я же прихожу в себя на по-прежнему милом мне граните. Нельзя сказать, чтобы это была та из местностей края финнов, которая являла бы всю полноту его хвойного леса: преобладание единственно соснового и березового мелколесья делает ощутительнее недостаток Финляндии в земледельческих или пастушеских

просторах, которые стали мне теперь не менее родственны, чем «дебри» («ты выйдешь ли на волю из лесов?»³): здесь зрение отчасти вознаграждается за отсутствие земного горизонта довольно широкими далями, какие открываются значительными, но незаметными возвышениями почвы. Но что бы то ни было, возмещает близость Иматры и явное присутствие причудливейшего из озер: в неисчислимых и пластически-отчетливых узорах его берегов и островков, и стройных и сомкнутых стенах их лесов — вся исключительная природа Суоми, которая таит под покровом однообразия самые изощренные и твердые измышления. Закаты и белые ночи над этими как бы искусственными водоемами и островами — вполне единоличная тревожно-сказочная окраска.

Сложились наконец и некоторые рифмы, которые и доведу до Вашего сведения.

Взрывы вод —

Хвала, ликующие звери,
Белоголовые зубры,
Животворящей вашей вере,
Надежде дерзостной игры!

И в бор пушистый, в бор корнистый
Меня привел младенец-бог,
И там распелся голосистый,
Широкопенистый порог.

В пустынях гама несвободных,
Где с пыли высохла гортань,
Толпе скитальцев сумасбродных,
Тоске, унынью нес я дань.

Я был спокойный и согбенный —
И обуюл меня испуг.
Я окроплен святою пеной,
И гулом захлебнулся слух⁴.

Как неожиданно-хорошо в четверостишии Вяземского: «волны скалит...» Я еле знаю этого поэта. Много ли у него достойного внимания?

При отъезде выписал «Le Cloître»⁵ на мой здешний адрес: авось, в скором времени прочту.

Простите, милый Валерий Яковлевич. Жду от Вас стихов.

Ваш И. О р е у с

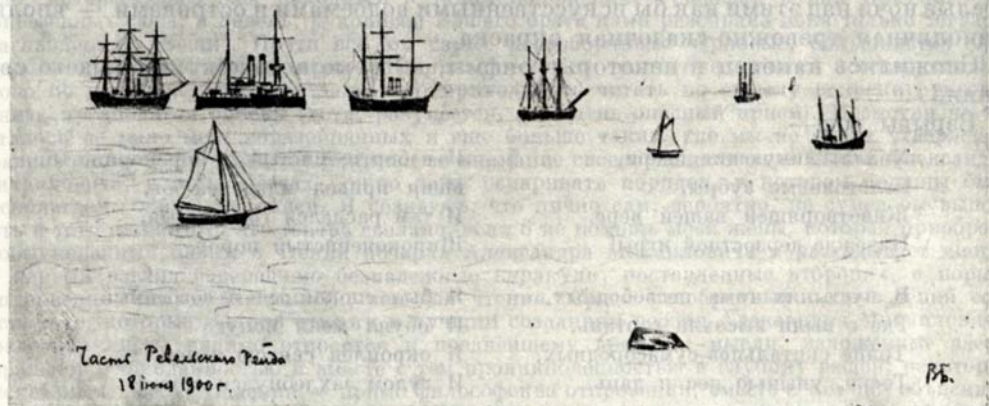
Ответ на п. 39.

¹ Федор Александрович Лютер (1864—1920) — преподаватель древних языков в С.-Петербургской 1-й гимназии, которую окончил Коневской. Лютер, собиравший у себя кружок гимназистов, интересовавшихся литературными и философскими вопросами, имел большое влияние на Коневского: в письме к Брюсову от 27 декабря 1901 г. Н. Мих. Соколов называет Лютера «его (Коневского) любимым наставником» (ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). Ф. А. Лютеру посвящены стих. Коневского «По дням» («Есть не только тайны заката...») — МД. С. 27—28; СП. С. 9—10; «Две радости» («Когда душа сорвется с высоты...») — МД. С. 35; СП. С. 14—15; «Силы» («Вейте, силы божие») — МД. С. 47; СП. С. 22—23; «Ты миром удивлен, ты миром зачарован...» — МД. С. 172; СП. С. 45.

² В те же дни, 5 июня 1900 г., Коневской в письме к А. Я. Билибину выражает свое отношение к «убийственному Петербургу»: «...в то время, как Москва и германо-романские средневековые города свиваются как гнездо, внутри их чувствуются живые недра, взрастившие и питающие их, обаятельные затаенными завитками и уголками своих закоулков, Питер весь сквозной, с его прямыми улицами, проходящими чуть не из одного конца в другой; внутри его тшечно ищешь центра, сердцевины, в котором сгущались бы соки жизни, внутри — зияющая пустота, истощение. Тяготение к Питеру составляет самую существенную, конечно, болезнь Флорестана (А. Ф. Каля): мягкостью своей он поддался, увы! — этой мертвой или испаряющей тление среде, в которой родился... Но ты, призванный не к питерским болотным миазмам, уберегись, вооружись корой против их заразного дыхания. Именно вспомнив судьбу многих лиц Достоевского, заброшенных на эту почву и в эту атмосферу, беги ее ужаса. Ужиться там способны только полузвери — биржевые, банковые, промышленные дельцы, солдаты и прочий одичалый сброд, далее получерви — приказные, подьячие, мелкие литераторы и ученые, и, наконец, полубоги, которые все озаряют, как Пушкин. «Этот омут хорош для людей, расставяющих ближнему сети» и — «люблю твой строгий, стройный вид»... Но вдохновенные, занимающие среднее положение между полубогами и получервями, чахнут, и гибнут в этом смраде» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 126б.—13. Опубл. с небольшими сокращениями: *Основа А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...». М., 1987. С. 140). См. также стих. Коневского «Среда» («Предо мною — распустье народов...». Зима, 1900—1901 гг.) — СП. С. 119—121.

³ Последняя строка стих. Коневского «Пугливый дух, усталый, неизвестный...», заключительная в цикле «Бледная весна» (март — апрель 1899 г. — МД. С. 187; СП. С. 80).

⁴ Впервые опубл.: СП 1902. С. 137—138; с датой: «1900 май 30, Иматга» и с разночтениями в ст. 1, 3, 16 (см. в п. 43 поправки, присланные Коневским и учтенные Брюсовым при

ЧАСТЬ РЕВЕЛЬСКОГО РЕЙДА

Рисунок Брюсова. Карандаш, 18 июня 1900 г.

Литературный музей, Москва

публикации). В комментарии к этому стихотворению в СII (с. 243) Брюсов процитировал фрагменты из публикуемого письма.

⁵ См. п. 35, прим. 7.

41. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

Ревель. 18 июня (1)900.

Спасибо за письмо и стихи. Стихи обычно у Вас — хороши, повторяю их. Осуждаю, однако, отвлеченность 4-го стиха и невразумительность сочетания «толпе» и «тоске». Zeugma — не словесная, а понятий¹. Заключение, как всегда у Вас, — видимо, намеренно — не музыкальное.

У меня стихов нет. Уезжая из Москвы, отдал цензуре сборник, листов в 10 печ(атных)²; между прочим, поэму о Северном Полюсе так или иначе закончил. Но здесь из стихов, — перевожу только любезную мне «Энеиду»³.

Вы спрашиваете о Вяземском. Я и сам знаю его мало. Вот еще отрывки его стихов о Балтийском море; — о Ревеле:

Я стоял,
Я внимал
Этой музыке волн.
И качалась душа
По волнам, чуть дыша,
Как на якоре челн.

Чудный мир!
Вечный пир!
Бог с тобою, земля!
Я в соленой воде,
Как в родимом гнезде,
Будто брат корабля!⁴

Молча, думаю прилежной
Каждый звук я твой ловлю,
И тоски твоей мятежной
Я бессонницу делю.

В этих волнях и закатах
Есть таинственный язык,
Но в земных своих понятиях
Кто из смертных их проняк?

Иль с Бригидой и Олаем
Ты, мешая быль и ложь,
Неумолчным краснобаем
Речи странные ведешь...

...Про былые непогоды,
Про наезды, про разбой,
Про столетья, про народы,
Пержитые тобой.

Много сонмищ пировало
За трапезою твоей,
Много ядер прожужжало
По стеклу твоих зыбей;

Да, на радость и на горе,
На людские суеты,
Заколдованное море,
Вдоволь нагляделось ты.

Много трупов, много злата,
Много бедствий и добра
Затопила без возврата
Равнодушных воли игра ⁵.

Эти небрежные стихи наводят мне на память иные, Тютчевские, столь насыщенные мыслью, что каждого двуступиши их достаточно для целого стихотворения. Вы их знаете («Через Ливонские я проезжал поля...»).

Я вспомнил о былом печальной сей земли,
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.
И глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы, мыслил я, пришли издалека
Вы,— сверстники сего былого!..
Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной.
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчанье хранит ⁶.

Я часто вспоминаю их, бродя у моря, по которому плавали еще варяги, посещая по обязанности туриста развалины аббатств, разрушенных Иваном Грозным, или вступая в соборы, пришедшие к нам из Средних веков. Особенно вспоминаю эти стихи, когда смотрю на копошащийся во всем этом — у моря, у развалин, в старых церквях — современный люд, маленьких немцев, продающих венские сосиски, пьющих пиво, и на их дочек с перистыми шляпами. Торжество ли это природы над проходящими поколениями? Торжество ли мысли века над самым веком, посылающее готику современникам Верхарна? или просто долголетие камня, кирпича — рядом с нашей размеренной жизнью?

Не совсем случайно по своему университетскому диплому я — историк. Надо мной прошлое имеет особую власть. Время, возможность времени — несмотря на все доводы Кенигсбергского старичка ⁷ — ужасна и невероятна. Знать, что и сейчас мгновения падают, что я, побеждая их разумом, волей не побеждаю — и ухожу, ухожу... Вот где истинное *иди*, все мы проклятые Агасферы вечности ⁸.

И накаплиются стихи, и книги, и города. Нам уже не перечитать даже всех поэтов, пожалуй и одних русских (а немецких! вспоминаю хотя бы заставленные в три ряда шкафы Бахмана) ⁹. Но когда-то персы смеялись с прахом библиотеку Ассур Бани Пала ¹⁰. Когда-то арабы (а может, и не арабы) сожгли Александрию ¹¹. Ах, как драгоценны, а главное доступны! — стали глиняные черепки с клинописью и немногие уцелевшие свитки греческого письма! И каждый раз этот безобразный сон накопления веков повторяется все безмернее, все безобразнее. Лондонская библиотека, где книги передвигаются паром по рельсикам! Кошмар давит нас, медная крышка навинчена на гроб. О, придут не китайцы, избиваемые в Тьенцзине ¹², а те — более страшные — втоптаные в шахты и втиснутые в фабрики.

И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, — длинные грубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-ми вековой Олай и до-готический храм св. Духа ¹³. Но и дым пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, шведы, немцы. Прейдут и эти древние церкви, прейдет и море: на моих

глазах заволакивает его песок. Когда не станет земли, останется небо. Но разве оно вечность? Стоит нам закрыть глаза, и его не стало.

Пишите мне. Я — Ваш.

Валерий Брюсов.

Р. S. Вы несправедливы к стиху Ланга

И камень и тот не растет...¹⁴

по связи мысли ожидалось бы упоминание некоей вещи, для которой рост составляет сущность. Но по своеобразному обороту мысли ожидаемое понятие заменено другим — прямо противоположным. Эта новая «фигура» речи попала мне и у других поэтов. Жаль, что не помню здесь примеров.

VB.

Ответ на п. 40. Аналогичные по содержанию и построению в своей центральной части письма с впечатлениями от Ревеля и рассуждениями на культурно-исторические темы Брюсов отправил А. А. Шестеркиной (19 июня 1900 г. — *ЛН*. Т. 85. С. 624—625), Ю. К. Балтрушайтису и К. Д. Бальмонту. В своей работе «Так жили поэты. Документальное повествование» А. А. Нинов опубликовал «исходный» текст Брюсова, который с теми или иными изменениями повторен во всех этих письмах. Текст этот (датированный: «1900, лето») имеет заглавие: «Письмо Юргису, Ореусу, Бальмонту и Шестеркиной (в Москву, на Сайму, в Оксфорд, в Бахчисарай из Ревеля)». См.: Нева. 1978. № 6. С. 124—125; см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 31.

¹ Имеются в виду стихи 7—8 в стих. Коневского «Взрывы вод» (см. п. 40). Совмещение оборотов, нетождественных по смыслу, но частично совпадающих по форме (нес дань толпе... — «нес дань тоске» в классической стилистике называлось «зевмой».

² Книга «*Tertia vigilia*» (цензурное разрешение 2 августа 1900 г.). В июле 1900 г. Брюсов писал из Ревеля Г. Бахману: «Сборник стихов уже пришел ко мне из цензуры. Это мои лучшие вещи, может быть лучшее, что я могу написать в стихах... Цензура, конечно, обошлась жестоко...» (*ГБЛ*. Ф. 386, 70. 3). О цензурных купюрах в «*Tertia vigilia*» см.: *Дневники*. С. 89. Все они впоследствии были восстановлены Ю. П. Бартевым (см. также наст. кн., Письма к Самыгину, п. 31, прим. 14—18, 21).

³ В июле 1900 г. Брюсов сообщал в цитированном письме к Бахману, что осенью он собирается напечатать «перевод «Энеиды» (отрывок)». См. также в недатированном письме из Ревеля И. М. Брюсовой к Н. Я. Брюсовой: «Стихов Валя не пишет (мешаю). Очень успешно переводит он «Энеиду». Сейчас отрывал меня, чтоб прочесть смерть Приама и встречу Энея с Еленой, где он хочет ее убить (. . .) В часы, когда Валя переводит «Энеиду», я переписываю и разбираю бумаги А. Д. (оброльובה). Есть вещи, писанные в последнее время, — хорошие. Жаль, что много остается непрочитанным» (*ГБЛ*. Ф. 386, 145.33). Ср. брюсовскую характеристику своего двухмесячного пребывания в Ревеле: «Утром я переводил «Энеиду», после обеда мы читали, сидя в парке, вечером я писал автобиографию, — и так изо дня в день» (*Дневники*. С. 89). В «*Tertia vigilia*» было помещено объявление о готовящемся издании: «Энеида Вергилия. Перевод и статья о прежних переводах «Энеиды» на русский язык» (с. 4); завершить работу над переводом «Энеиды» Брюсову тогда не удалось. Переведенные фрагменты из поэмы в редакции 1900 г. опубликованы не были; сохранился беловой автограф перевода II книги «Энеиды» — в тетради с титульным листом: «Энеида» Вергилия. Книга II и III (рассказ Энея). Перевел с латинского гекзаметрами Валерий Брюсов. Предисловие о прежних переводах «Энеиды» на русский язык. Москва, 1900». См.: *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // *Мастерство перевода*. М., 1971. Сб. 8. С. 92, 98, 114—115, 119—120. В этой, в целом очень тщательно выполненной работе «ревельский» перевод «Энеиды» неверно датирован 1899 г.

⁴ Цитаты из стих. «Поручение в Ревель» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. С. 238, 239).

⁵ Цитаты (с небольшими неточностями) из стих. «Ночь в Ревеле» (Там же. С. 273—274).

⁶ Цитируются 2-я, 3-я и 5-я строфы стих. Тютчева «Через ливонские я проезжал поля...», написанного в 1830 г. на пути из Петербурга в Мюнхен; Ливонией в средние века называли нынешнюю территорию Латвии и Эстонии.

⁷ Иммануил Кант родился и прожил всю жизнь в г. Кёнигсберг.

⁸ В «исходном» тексте письма — несколько иная формулировка: «Вот что истинное (агасферовское) иди! Разве все мы не Агасферы Времени?» (Нева. 1978. № 6. С. 124); в письме к А. А. Шестеркиной: «Вот где истинное иди Вечного Жиды. Все мы — проклятые Агасферы Времени» (*ЛН*. Т. 85. С. 624).

⁹ Библиотека Г. Бахмана, состоявшая в основном из произведений художественной литературы различных народов на многих языках, насчитывала около 10 000 томов (см.: *Luther A. Georg Bachmann. Ein Gedenkblatt // Bachmann G. Gesammelte Gedichte*. Moskau, 1910. С. 7).

¹⁰ Ашшурбанапал — ассирийский царь (667—626 до н. э.). К библиотеке Ашшурбанапала в Ниневии восходит значительная часть дошедших до нашего времени вавилонских текстов.

¹¹ Библиотека в Александрии сожжена по приказу арабского калифа Омара в 641 г.

¹² Имеется в виду подавление так наз. «боксерского» восстания (восстания ихэтуаней) 1899—1900 гг. в Тяньцзине и других китайских городах войсками западных стран.

¹³ Церковь Святого Духа, построенная в XII—XIV—вв. Ср. признания в письме Брюсова к П. И. Бартеневу от 2 июля 1900 г.: «С Ревелем будет грустно расставаться. Я сжился и с его уступчатым видом, и с его готическими церквами, пришедшими к нам из Средних веков, и со всей этой немецкой жизнью, тихой, размеренной и светлой. Я даже как-то отвык от русского, читая только немецкие газеты, бывая только в католических и лютеранских храмах» (ЦГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л. 174—175).

¹⁴ Из стих. Ланга «Свободная душа» (ПК 1988. С. 24).

42. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Либава: порт импер(атора) Александра III (у главного доктора Морского госпиталя Билибина)¹ 1900: июля 8.

Пребывая в означенном месте с небольшим неделю², после того, что покинул Rauharanta 20-го июня, извещаю Вас, милый Валерий Яковлевич, о моих намерениях расположиться на некоторое время в обитаемом и Вами летнем поселении около Ревеля³. Поэтому же обращаюсь к Вам с просьбой собрать и доставить мне некоторые сведения о гостиницах Катариненталья, в которых есть возможность получать помещения ценою от 1 до 1½ рубля в день. Я предполагал выехать отсюда во вторник⁴ в Ригу, а оттуда достичь до Вашего местопребывания морским путем. Таким образом был бы доволен получить от Вас сведения ко дню моего выезда (или хотя бы в Риге «до востребования», где я буду во вторник вечером и в среду утром). Прося не посетовать на меня за то, что затрудняю Вас этими обращениями, я —

Ваш душой И. О р е у с

P. S. Ваше последнее письмо было доставлено мне из Rauharanta в Пб.⁵

¹ Яков Иванович Билибин (1838—1904) — отец И. Я. и А. Я. Билибиных, военноморской врач, помощник главного доктора С.-Петербургского Морского госпиталя.

² Коневской приехал в Либаву 29 июня.

³ Первоначально Коневской предполагал встретиться с Брюсовым в Ревеле по дороге в Либаву. 21 июня он писал в Либаву А. Я. Билибину: «...Со вчерашнего вечера высадился, проклиная судьбу, в Питере, и, имея в мыслях лишь поспешнейший побег, питаю надежду прибыть к Вам на следующей неделе. Можно будет обозначить в точности день прибытия, когда буду в Ревеле, куда сначала направлюсь морским путем по дороге к Вам, чтобы навстречу Валерия Брюсова, который там проводит лето» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 16). Однако 26 июня он сообщал А. Я. Билибину (называя его юношеским прозвищем «Аскакий»): «Намереваюсь, друг мой Аскакий, прибыть к вам в четверг вечером, по железной дороге. В Ревель я теперь заезжать не буду. Гермагор» (Там же. Л. 17). Намерения посетить Ревель на обратном пути из Либавы в Петербург Коневской также не смог осуществить.

⁴ 11 июля.

⁵ Письмо Брюсова от 18 июня (п. 41) поступило в Rauharanta уже после отъезда Коневского.

43. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

Сент(ября) 21. 1900. Пб.

Друг мой Валерий Яковлевич,

прошу у Вас прощения за более чем двухмесячное молчание, и о том же прошу Александра Александровича, которого еще больше оставлял без вестей¹. По разным соображениям я не видел возможности попасть в Ревель; по возвращении с берегов балтийских пришлось провести мучительный месяц в стенах городских; но последний месяц (с середины августа) — я жил отчасти около ст. Елизаветино по Балтийской ж(елезной) д(ороге)², отчасти — другую половину этого времени — в окрестностях города Осташкова, на берегу озера Селигера, в поместье моих родственников, куда давно стремился. Этими местопребываниями я в значительной мере оправился от многих тягостных впечатлений. Еще более я в первую половину лета чувствовал обновление после узорных озерных вод в гранитных берегах, а также после песчаных поморий вдоль горизонта зеленожемчужных или млечнодымных волн³. Венец их обаяния являлся, когда ощущал их перевал на всем своем теле. Предавался я их колыханию и гулу и

на досках судна, которое меня несло в обратный путь из тех краев; и

«кротко щадила меня немочь морская,
пеною здравья брызгал мне вал»⁴.

Но волнение в продолжение нескольких часов на вполне открытых водах было очень бурное — и вдвойне заносилась в сердце даль и ширь волн и воздуха из-под смелых размахов и склонений корабля, подобно тому как во взор человека горизонт надвигается из большей дали, если стан и голова склонены в одну сторону.

По берегам озера Селигера и за его пределами, в тех местах, где скрыты истоки Волги, мне явились основные дебри великой Руси. И в этих дебрях, как в краю финнов, залегло множество озер, но озера те были не узорные водоемы с крутыми резными берегами из заостренных и сомкнутых сосен: то были широкие дремучие воды, в пологих, топких отмелях и раскидистых перелесках сливающиеся с берегом. Если берега рек и озер достигали вышины, то почти всегда только медленными степенями, не только высясь, но ширясь и далясь. И тем величавее в тех местах, где, отступая, они не выходили из сферы зрения, высота их возносилась над водами. На одном из таких берегов, над достигшей уже средней ширины и полной тишины верхней Волгой вырастал странный деревянный храм, цельнейший образец древнейших русских лесных церквей и часовен. Извне он не состоял ни из чего, как только из огромной грушевидной главы зеленого цвета, посаженной на совокупности больших клиньев или зубцов, друг у друга вделанных, этот состав немного возвышался над землей и поддерживался лишь циклопическими камнями. Но клинообразная эта внешность была лишь пустая оболочка, в которую можно было входить, как в обширнейшие сени и притворы, полутемные, гулкие; и только внутри их объявлялся четвероугольный сруб молитвенного дома, сложенный из невиданно исполинских бревен. Внутри храма иконостас с пола до потолка в двух верхних полосах представлял глубокие, блеклые и таящие былую яркость красочные гармонии старинной иконописи. Нижняя полоса, состоящая из изображения праздников, на горе зрителя залеплена была дешевой фольгой, в то время как на ней особенно заманчиво вычерчивались глубины из диковинных растений и зданий и онемевшие в диком целомном порыве судорожные осанки богомысленных обликов с томительной немой мечтой во взорах. Таков храм, называемый «Ширковский» погост и помещенный в немногих верстах от истоков Волги, на той же реке⁵. Его основание — не древнее последних лет XVII-го века, но образ, как мне кажется, чистейшей древности.

В великорусской местности есть достоверно все виды земных природ, все особенности западноевропейских горных стран. Но все же преобладающий ее склад, который придает ей единственно ей свойственную неизменную широту горизонта, это — как мне кажется — медленный размер и расстановка волн почвы. Еле заметное постепенное восхождение косоголов устранивает и плоскость, и стреминность земли. Умеренная высота раздвигает равномерно широкий кругозор; отлогий склон подъемов ничем не заграждает дали и шири. Ровный, плавный, явный — величавый ход и лад, дышащий полной грудью!

Прилагаю к этим сообщениям три стихотворения, сложившиеся в очень разные моменты этого летнего времени.

Читаю с увлечением новое собрание стихов Фофанова⁶. В противность моим ожиданиям, этот поэт безличного недвижного восторга удержался на той же точке напряжения и отчасти даже превзошел ее. Что ни говорите — это самый свободный поэтический голос в нынешней русской поэзии.

P. S. Прошу Вас передать А. А. Лангу мой задушевный привет, а также намерение доставить ему на этих же днях список сообщенных Вам стихов⁷.

⟨Далее следуют тексты стихотворений: «Затишье» («Как я люблю тоску свободы...» — Rauharanta, июнь 16), «Ведуны» («Мы пройдем над коснеющим городом плавной стопой...» — Пб. авг. 9) и «Везде» («Размеры дальних расстояний...» — Осташковский край, сент. 8). Опубл.: СЛ. С. 111—113.⟩

Прошу, кстати, отметить изменение в первом четверостишии стихов:

ВЗРЫВЫ ВОД

Ликующие волны-звери
Белоголовые зубры,
Хвала стремящей вашей вере,
Надежде дерзостной игры,

а в последнем стихе:

И гулом захлебнулся дух ⁸

В списке стихов: «Осенний Голос», I, имеющемся у А. А. Ланга ⁹, последние два стиха представляются так в новом виде:

О, дышать вновь и вновь я хочу,
Сказку, ветер, как встарь мне скажи! ¹⁰

Далее не помню, стоит ли там во втором I-стишии беспристрастный взамен безучастный.

Во втором «Осеннем Голосе» второй стих читается так: «И ноют, смерть в себе тая, сердца, дома». А третий с конца: «Которым нем юдоли покаянный плач». Наконец — «в нас ведь — бытия заклятье...» «Но сущий — ты один, создатель чар природных» ¹¹.

¹ А. А. Ланг жил тогда в одном доме с Брюсовым. 18 июня 1900 г. он извещал Коневского: «Я живу теперь на Цветном бульваре в доме своего друга В. Брюсова»; 28 декабря 1900 г.: «В доме Брюсова я снимаю квартиру» (ПК 1988. С. 28).

² Имение к юго-западу от Гатчины.

³ Имеется в виду пребывание на Сайме и в Либаве.

⁴ Неточная цитата из стих. Баратынского «Пироскаф» (1844).

⁵ Церковь Иоанна Предтечи в с. Ширково Тверской губ. (1697 г.) сохранилась до наших дней.

⁶ Сборник Фофанова «Иллюзии. Стихотворения» (СПб.: Изд. А. А. Суворина, 1900); вышел в свет в августе 1900 г. Подробный разбор поэзии Фофанова Коневской дал в статье «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16). В статье «Об отпевании новой русской поэзии» Коневской писал: «...во всем творчестве К. М. Фофанова, которое неустанно разливается уже много лет, до недавно только появившейся его большой новой книги «Иллюзии», горят самые жгучие терзания сердца и бьют ключом страстные ликования в каком-то необъятном и внутренне уравновешенном кипении. Жизнь его поддерживается томительным огнем, и томительный огонь поддерживается жизнью» (СЦ 1901. С. 186—187).

⁷ Текст письма, идущий за «post scriptum» — ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 27—28.

⁸ Первоначальный вариант см. в п. 40.

⁹ См. п. 30, прим. 1. Коневской, очевидно, забыл, что цикл «Осенние голоса» (I, II) был прислан им не только Лангу, но и Брюсову (см. п. 25, прим. 7).

¹⁰ См. п. 30, прим. 7.

¹¹ Там же, прим. 2.

44. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва.) Сентябрь 1900

Спасибо за весть, челом за стихи. Стихи Ваши люблю неизменно ¹. Писать некогда очень. Извините, что это лишь записка.

Не обижайтесь, что Вы никак не можете стовориться со «Скорпионом». Он очень отягощен всякими изданиями. Помедлим ².

В начале 1901 г. будет издан альманах. Участники: Бальмонт, М. Горький, Бунин, я, Балтрушайтис, Поляков, Черногоубов, А. Пушкин (†), Фет (†), Павлова (†), Ив. Тургенев (†) и мн. др. (как пишут в объявлениях) ³. Не дадите ли что-либо и Вы? Нельзя ли воспользоваться чем-либо из тех стихов, что у нас есть. М(ожет) б(ыть) есть у Вас и проза, но такая, чтобы делала некоторые уступки читателям. Желательно бы привлечь Ф. Сологуба ⁴ и др., Вам ведомых. М(ожет) б(ыть) и даже наверное приедем за тем в Пб. Книга моя выйдет «на днях» ⁵. Я послал Вам оттиск из «Р(усского) а(рхива)» и № «Ребуса» с моими статьями ⁶. Получили ли Вы? Получили ли Вы Аннунцио? ⁷ Пишите больше писем и стихов, Вы свободнее.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

РУССКИЙ АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА,
Ермолаевская Садовая,
д. 175-й.

Сентябрь для 1900 г.

Спасибо за книгу, чести за стихи. Стихи
Ваши много ценны. Пишет некогда
очень. Примите, что это лишь рашека.

Не обижайтесь, что вы никак не
можете поговорить со Скотландом. Он
очень отлучен своим изданием. Последним —

Он начал 1901 г. будет издан альманах.
Участники: Балмонт, М. Горький, Бунин,
я, Балтрушайтис, Пшибль, Чернышев, А. Пушкин (?),
Фет (+), Павлова (+) ^{И. М. Тургенев (?)} (и мн. др. (как пишут
в объявлении). Не дадите ли то либо и
ты? Небось ли воспользоваться тем либо
про тех стихов, то у нас есть. М. д.
Есть у нас и проза, но такая то
была некоторая уступка читателям.
Милостиво я привел В. Сороку и др.

ПИСЬМО БРЮСОВА И. И. ОРЕУСУ

Автограф. Москва, сентябрь 1900 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Ответ на п. 43. На бланке «Русского архива».

Письмо относится к концу сентября 1900 г. Сохранилось в двух вариантах — отосланном Коневскому и оставшемся в бумагах Брюсова. Оба текста после смерти Коневского хранились в архиве Брюсова, поэтому трудно с полной уверенностью судить, какой именно из них был получен Коневским. Для публикации мы избираем тот текст, который, по нашему предположению, был отпущен Брюсовым адресату — поскольку в нем отсутствуют критические ноты в оценке последних стихов Коневского и выражаются более конкретные пожелания в связи с изданием альманаха.

¹ См. п. 43. В другом варианте письма Брюсов писал: «Стихи Ваши обычно прекрасны (для меня — т. е. люблю и их, и эти новые). Но поправки, Вами предлагаемые, — тоже обычно — искажают прежнее». О поправках см. п. 43, прим. 8—11.

² Речь идет о предложении Коневского издать сборник его переводов в прозе (см. п. 36—38). Ответ С. А. Полякова см.: ПР 1988. С. 22—23.

³ В это время готовился к изданию СЦ 1901. В другом варианте письма Брюсов сообщал: «Помещено будет: письмо А. Пушкина, неизданные стихи А. Фета, К. Павловой, письмо И. Тургенева и т. д. Участвуют уже: Макс. Горький, К. Д. Балмонт, Ив. Бунин, я, Балтрушайтис, Ланг "и мн. др.", как пишут в объявлениях». Из перечисленных архивных материалов письмо И. С. Тургенева в альманахе не появилось. Московский коллекционер и

искусствовед Николай Николаевич Черногубов (1873—1942) упомянут как владелец рукописей Пушкина и Фета, приобретенных для публикации в альманахе (см.: *Дневники*. С. 91); непосредственным образом в *СЦ 1901* он не участвовал и поместил лишь в *СЦ 1902* статью «Хронологии стихов Фета». Все остальные перечисленные авторы участвовали в альманахе, кроме С. А. Полякова и М. Горького.

Подробнее об *СЦ 1901* см. наст. том, кн. 2, Переписка с Поляковым. Вступ. ст. Н. В. Котрелева.

⁴ Брюсов писал Сологубу в письме, полученном адресатом 19 ноября 1900 г.: «Может быть, Вы не изменили Вашего намерения принять участие в скорпионовском альманахе. В нем уже приняли участие (т. е. сдали свои рукописи) З. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, М. Лохвицкая, К. Фофанов, Ив. Коневской, Ю. Балтрушайтис, М. Криницкий и я; обещали свое участие наверное — М. Горький, Н. Минский, Е. Чириков, И. Бунин, Н. Черногубов; не наверное, но “если что найдется”, Д. Мережковский (. . .) Есть предложение просить участвовать еще К. Случевского (. . .) Выдет альманах в феврале 1901 г. От Вас очень надеемся получить стихов, а может быть, и рассказ» (*Ежегодник 1973*. С. 105—106); Сологуб прислал для альманаха семь стихотворений (*СЦ 1901*. С. 90—93). Из перечисляемых в письме к Сологубу лиц в альманахе не участвовали Горький, Минский, Мережковский и Чириков.

⁵ Сборник «*Tertia vigilia*» вышел в свет во второй половине октября 1900 г., тираж 600 экз.

⁶ В другом варианте письма: «оттиски “Р(усского) а(рхива)”». Имеются в виду статьи Брюсова «Баратынский и Сальери» (*РА*. 1900. Т. II, № 8. Подпись: В. Б.), «Поэзия Владимира Соловьева» (Там же), «Методы медиумизма» (Ребус. 1900. № 30. 23 июля).

⁷ *Д’Аннунцио Г.* Трагедии/Пер. с итал. Ю. Балтрушайтиса. М.: Скорпион, 1900. В книгу вошли трагедии «Мертвый город», «Джиоконда», «Слава».

45. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Окт(ября) 2. 1900.

Во мне возбужден большой интерес Вашими сведениями о предполагаемом альманахе. Во-первых, мне не было очевидно по Вашему сообщению, кем он изда-
думывается и издается — «Скорпионом» ли, или другим книгоиздательством. Во-вторых, очень желал бы знать, где были о нем объявления. В-третьих, каково значение и происхождение того историко-литературного материала, который в него войдет? Во всяком случае, я намечаю для включения в него следующие стихотворения, которых списки у Вас на лицо: «Осенние Голоса» — «Порывы» — «Затишье» — «В Езде»¹. — Если брать в расчет прозу, то я был бы рад доставить известный Вам очерк о стихах Laforgue², но сверх того не могу не указать на благое значение несимпатичных Вам переводов в прозе хотя бы из Vielé-Griffin (оставляю в стороне Verhaegen, раз Вы взяли себе нарочитой задачей его перевод в стихах, других переводившихся мною писателей — по другим причинам, хотя о самостоятельном издании некоторых из них жду ответа от С. А. Полякова).

Выражаю Вам благодарность за статьи «Р(усского) а(рхива)» и «Ребуса». В мыслях о «методе медиумизма» мне представляется основное понятие правильно³. Но думаю, что если заранее добиваться того, чтобы неизвестным силам было меньше препятствий и усилий для проявления, это не значит — предполагать в них нечто по существу отличное от всего известного нам порядка предметов, а напротив того — опасаться их зависимости от его сопротивления. Метод наиболее затруднительных условий имеет в своем основании мысленное требование безусловной независимости тех сил. Это, конечно, также не может быть вне сомнений, раз образ действия сверхпространственных и сверхвременных сил нам доступен лишь изредка, в ничтожной мере; но, как-никак, понятие о способности этих сил к преодолению наибольших преград нашего пространства и вещества более свободно возникает из той же мысли о совершенной их инородности, которую Вы отстаиваете.

Соображения об отношениях Баратынского к Пушкину очень, конечно, метки и доказательны в отрицании бестактных библиографов⁴. Но неосмотрительно, после собственного вашего внушения о бесцельности и ничтожестве сопоставлений между общими образами и частными лицами, Ваше указание на известные строфы из поэмы «Осень», как на намек мнений Баратынского о Пушкине⁵. Я сознаюсь, что меня самого всегда приводило в некоторое смущение это срав-

нение величавого взаимодействия стихийных сил с отношениями между «пошлым гласом» и толпой. Применение «вещателя общих дум» к могучему, но слишком общедоступному поэтическому голосу и такое понимание его «пошлости» несколько более, конечно, соизмеримо с представлением о родстве между великими, но темными слепыми силами мира. Но все же до крайности режет слух здесь это прилагательное «пошлый», и некоторый трепет берет, как подумать, что к этому сводился вывод мыслей Баратынского о завершенной уже тогда деятельности Пушкина. Невольно остается тогда на нем та тень, которую Вы хотите с него снять. А ведь пример такого свойства, что можно бы его не трогать!

Р. С. В заметке о Вл. Соловьеве меня наиболее привлекли Ваши параллельные характеристики «безумного» и обдуманного поэта ⁶. Первая полна и исчерпывает дело, вторая могла бы быть точнее и вдумчивее ^{*}.

Наименее понравилась мне характеристика поэзии Вл. Соловьева. Мне помнится, в беседе со мной Вы же сами намекали на понимание этой личности более ухищренное. В особенности, выбор примеров из поэзии философа меня даже удивил: за исключением немногих (отрывка из «Трех Свиданий», «Иматра» и «Лишь только тень живых» — с большими оговорками) ⁷ все это крайне неудачные части этого стихотворчества. Мой взгляд на самое характерное в нем Вам, быть может, памятен из моей характеристики его в «Современной русской лирике» ⁸. Картина Любви половой и мировой — вся, полнее всего, конечно, в: «Мы сошлись с тобой недаром» ⁹, отчасти также в: «У царицы моей...» ¹⁰. Отметим также, что нераздельный с этой любовью дух борьбы и мятежа с большой яркостью отразился и в одном из его более новых сайменских стихов (из двух частей, 1: «В эту ночь золотисто-пурпурную...») ¹¹. Те же настроения финских озерных краев являют тому же поэту и два лучших его символа мировой тревоги и мирового покоя: это — бушующая Сайма и Сайма оледенелая («Озеро плещет» — «Вся ты закуталась...») ¹². Самое торжественное провозглашение вечности и единства мироздания, самое цельное созерцание совокупности стихий, конечно, не первое обращение: «Земля-владычица...», гораздо более надуманное, а второе — отклик на первое через 12 лет, одна из истинных «глав» поэзии Вл. Соловьева ¹³. Вершающий, отдаленный идеал его мировоззрения указан отчасти в «Трех Подвигах», отчасти — еще гораздо отчетливее и проникновеннее — в «Песни Офигов» ¹⁴.

Христианство не может не быть переходным, подчиненным моментом в системе Вл. Соловьева. Заметьте, как безжизненны и формальны его стихи на тему христианского спасения («Имману-эль», «Ночь на Рождество») ¹⁵. И что хорошего в его переводе петрарковских гимнов Пресвятой Девы? Этот отзыв Ваш меня особенно смутил ¹⁶. Нигде не чувствуется у него ощущения Христа или Богоматери как живых личностей. Немного больше чувства самовластной ветхозаветной державы (напр(имер), «Кумир На(ву)ходоносора») ¹⁷. И вот именно, как заклятый провозвестник личностной власти, он и в Иегове может воодушевляться только самодержавием, но чуждо ему все семитическое обоготворение *породы* и *народа*, которое переходит в учении Христа (только Христа, не последователей его, конечно) в апофеоз целостности человеческого *рода*. Эту сущность первобытного христианства у нас лучше всего понял Лев Толстой и косноязычный, увы! Розанов. Вполне понятно, что внутренне не осуществляемая задача служения всеобщности интересов рода людского может приводить к таким противоположным призывам, как пережитое в пределах одной личности — у Толстого — благоговейное хранение, а вслед за тем отрицание брака, после чего первая точка зрения опять возникает в другой личности, в Розанове.

Но от Вл. Соловьева далеко отстоят все эти вопросы общинных начал. Он в недрах своих эллин, софист и герой, в новом европейском мире ему ближе все-

^{*} Автограф далее печатаемого текста в архиве Брюсова не сохранился. Печатается по машинописной копии Н. Л. Степанова, который снабдил его примечанием: «Отсюда на отдельных листках, возможно, что отдельное письмо».

го скандинавские повольники, финские колдуны, германские умозрители (как хороша его баллада про Колдун-камень!)¹⁸. Его спаситель человечества и мира — жидительная воля и порыв самобытного духа — платоновский Эрос, его святая Дева — небесноморская Афродита. Красота, вмещающая полноту незримого беспредельного в храмных, кумирных формах. Это небесное царство — слава разума, слава целесообразного, зоркого замысла, слава Слова, которая сияет все безличное, безоблачное, безмерное. Враги его, демоны — скорее безумные буйные силы мглы и пара, губящие и себя, и иных, влекущие пассивным соблазном, чем гордые самовластные мятежники, наступательно налагающие свой произвол.

Идеал его «богочеловечества» есть некоторая возможность сладить с позднейшими надстройками эллино-азиатской метафизики над учением назарейского Учителя. Эллино-римская церковность, соборность — все это в его духе. Но разве это древняя, племенная и немудрая проповедь галилейских рыбаков? Все это — всходы платоновской, отчасти — аристотелевской диалектики, разгоряченные более восторженным мировым чувством народов Переднего Востока и воодушевленные стремлением многих разнородных и разноплеменных культур к гражданскому и духовному объединению. Поросли эллинского умозрения на заповедной тайноведной почве Египта, Сирии, один из руководящих двигателей в построении христианства последних эллино-римских миров — это мечты, глубоко вошедшие нашему философу-синтезику в плоть и кровь. Таков — он представляется мне.

Ваш от всего сердца. И. О р е у с.

Ответ на п. 44.

¹ Все перечисленные здесь стихотворения, в указанной Коневским последовательности, а также «Старшие богатыри» (см. п. 54) были опубл. в *СЦ* 1901.

² См. п. 1, прим. 11.

³ В статье «Методы медиумизма» (см. п. 44, прим. 6) Брюсов, разграничивая медиумизм и опытное знание, настаивал на том, что необходимо отказаться «от притязания управлять медиумическими явлениями», создавать наиболее благоприятные условия на спиритических сеансах для проявления «неизвестной силы» и не переносить в медиумизм методы естествознания: «Во всем, что касается способов сношения с силой, проявляющейся в медиумизме, мы должны подчиняться, а не требовать, потому что самые условия ее существования недоступны нашему уму» (с. 259).

⁴ В статье «Баратынский и Сальери» Брюсов опровергал умозаключения Ив. Щеглова (Леонтьева), который в статье «Нескромные догадки» (Торгово-промышленная газета. Лйт. приложение. 1900. № 28. 9 июля) отстаивал гипотезу о том, что Пушкин в «Моцарте и Сальери» в лице Сальери изобразил якобы Баратынского.

⁵ Брюсов обосновывал в статье свою догадку, что в строках стих. «Осень» (1836—1837):

Вот буйственно несет ураган,
И лес подымлет говор шумный.
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;

Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,—

Баратынский подразумевает Пушкина и воздействие его поэзии (РА. 1900. Кн. II., № 8. С. 541—542).

⁶ В статье «Поэзия Владимира Соловьева» (см. п. 44, прим. 6. В переработанной редакции и под заглавием «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии» вошла в книгу Брюсова «Далекое и близкое» (1912). См. VI, 218—230) Брюсов разграничивал поэтов, которые довольствуются «изображением того, что можно постигнуть умом, выражением чувств, доступных ясному сознанию» (Пушкин, А. Майков, А. К. Толстой), и «безумных» поэтов, которые порываются «от зримого и внешнего к сверхчувственному, которых влекут «темные, загадочные глубины человеческого духа» (Тютчев, Фет, Вл. Соловьев) — РА. 1900. № 8. С. 546—547.

⁷ См.: Там же. С. 551—553. Упомянуты стихи Вл. Соловьева: «И в пурпуре небесного блистанья...» (отрывок из поэмы «Три свидания»), «Иматра» («Шум и тревога в глубоком покое...») и «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...».

⁸ Статья Коневского «Стихотворная лирика в современной России» (см. п. 30, прим. 16) завершается разбором поэзии Вл. Соловьева в сопоставлении с поэзией Д. С. Мережковского: и тот и другой в понимании Коневского — «вестники будущего в современной русской поэзии» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 63).

⁹ Приводя это стихотворение (см.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные нбсы. Л., 1974) в статье «Стихотворная лирика...», Коневский характеризует его: «С особенной смелостью и яркостью сказывается все то же сочетание сил неистовства и безобразия с плодотворными силами стройности в самой мужественной песне любви у этого поэта» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 65 — автограф и 115 — ман.).

¹⁰ «У царицы моей есть высокий дворец...» (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы).

¹¹ «Июньская ночь на Сайме» («В эту ночь золотисто-пурпурную...») — Там же.

¹² Стих. «Сайма» («Озеро плещет волной беспокойною...») и «На Сайме зимой» («Вся ты закуталась шубой пушистой...») — Там же. Ср. рассуждения Коневского о значении природы Финляндии для поэзии Соловьева в статье «Стихотворная лирика...»: «...животворное время года для поэта, его природная стихия, это — зима. Духом зимы напоена вся его лирика (...). Это — зима бодрая, свежая, ядреная, с вечно-зелеными густыми елями, с пенящейся Иматрой между снежных берегов. Да, строгая, крепкая, коренастая природа Финляндии, ее мшистые скалы, седая пена ее озер, водопадов и морей — вот многозначительный фон, неизменно сросшийся с его зимой. Поистине можно сказать, что вместе с музой и мыслью Вл. Соловьева сомкнутая, дышащая упорством и стойкостью природа Финляндии вторгается к своей соседке — тихо-отдающейся, разливающейся в смиренном безличии русской природе — в краткий покой луговин Льва Толстого» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 66—67). Статью Коневской завершил стих. «На Сайме зимой» (Там же. Л. 68).

¹³ Стих. «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» (1886) и «Нитьская дельта» («Золотые, изумрудные...», 1898) — см.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Оба стихотворения Брюсов приводит в статье «Поэзия Владимира Соловьева». В первом, по его мнению, выражено «с особой силой значение земной красоты», во втором — противоположение христианского учения «языческим мечтам и надеждам» (РА. 1900. № 8. С. 549, 553).

¹⁴ См.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Брюсов также отметил, что «в одном из ранних стихотворений „Три подвига“ Вл. Соловьев точно очертил круг своей поэзии» (РА. 1900. Кн. II, № 8. С. 548). «Песню офитов» Коневской привел в статье «Стихотворная лирика...» как «величавый символ» поэзии Соловьева: «Символ этот — настолько многообъемлющ, что, конечно, под эту формулу подходит множество сочтаний, произведенных самим Вл. С. Соловьевым — сочетание гордого знания со смиренной верой, безмятежной созерцательности с беспокойной деятельностью, мира видимого с его духовным смыслом; но, помимо этого, могут угадываться под покровом этой формулы и такие волшебные единения, которые нашему поэту-мыслителю и во сне еще не снились» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 69).

¹⁵ См.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы.

¹⁶ Стих. «Хвалы и моления Пресвятой Деве» (1883), которое сам Соловьев определял как вольное и сокращенное переложение Петраркиных «Lodi preghiere» (Там же). В своей статье Брюсов писал: «Поклонение Вечной женственности приводит к поклонению Той, Кто является ее чистейшим образом. Хвалы и моления Пресвятой Деве, переведенные из Петрарки, одно из лучших произведений Вл. Соловьева» (РА. 1900. Кн. II, № 8. С. 553). В переработанном варианте статьи, упоминая перевод Соловьева из Петрарки, Брюсов снял эту оценочную характеристику (VI, 228).

¹⁷ Стих. «Кумир Небукаднецара» (1891) — Соловьев Вл.

Стихотворения и шуточные пьесы. Небукаднецар — *Навуходоносор II* (604—561 до н. э.) — вавилонский царь, завоевавший Иудею и разрушивший Иерусалим; символ тирании и злодейства (Книга пророка Даниила, I—IV). Во 2-м (1895) и 3-м (1900) изданиях «Стихотворений» Вл. Соловьева, известных Коневскому и Брюсову, «Кумир Небукаднецара» печатался в сокращенном виде без первых четырех строф и без последней строфы (во избежание цензурных придирок) и без иронического посвящения К. П. Победоносцеву; тем самым антисамодержавный смысл стихотворения был приглушен.

¹⁸ Стих. «Колдун-камень» («Эти мшистые громады...», 1894) — Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы.

46. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина октября 1900 г.)

Очень прошу меня извинить, что не могу отвечать подробно. Кроме взятых на себя с осени ежедневных занятий по «Русскому архиву»¹, озабочен я очень эти последние дни выпуском двух последних изданий «Скорпиона»². Вот, так сказать, официальные ответы.

Альманах издает «Скорпион». «Историко-литературный материал» приобретен самым естественным путем: покупкой автографов у владевших ими. Впрочем, торг Пушкинской записки, кажется, не удастся³.

Статью о Лафоре, если можно, пришлите на просмотр; но необходимое условие, чтобы она была короткой.

Назначаемые Вами стихи с благодарностью возьмем.

Не можете ли Вы написать для критического отдела Альманаха несколько рецензий о новых книгах, но существенно коротких: строк 15—20—25 каждая. К примеру укажу «Иллюзии» Фофанова и «Альму» Минского⁴.

Переводы в прозе совершенно не подойдут к характеру Альманаха.

С. А. Поляков все еще не ответил Вам на Ваше второе письмо, в чем извиняется очень. Он принадлежит к числу тех людей, для которых написать маленькое письмо труднее, чем перевести целую поэму⁵. В настоящее мгновение соображения наши по поводу Ваших переводов осложнены еще следующим предложением: некто Вячеслав Иванов, ссылаясь на Дягилева, предлагает «Скорпиону» принять участие в издании переводов из современных французских поэтов; издание будет «украшено» рисунками французских художников. Вы видите сами, что до выяснения характера этого предприятия и нашего отношения к нему приходится отложить всякое решение о издании Ваших переводов⁶.

Если у Вас есть стихи, не отказывайтесь сообщать их.

Ваш Валерий Брюсов.

Ответ на п. 45. Сохранилось в двух вариантах, почти идентичных по тексту, — один был отправлен адресату, другой остался в архиве Брюсова. Публикуется тот вариант, который, по нашему предположению, был послан Коневскому. Кроме того, в архиве Брюсова сохранилось два отрывка первоначальной, более пространной редакции этого письма: первый отрывок — без окончания, второй — окончание без начала, с подписью. В примечаниях приводятся отдельные фрагменты из этой неотправленной редакции письма.

¹ В августе 1900 г. Брюсов официально поступил на службу в редакцию «Русского архива» для выполнения секретарских обязанностей, взяв на себя обязательство посвящать журналу не менее четырех часов в сутки, исключая дни непростительные (обязательство Брюсова редактору журнала П. И. Бартеневу, датированное 14 августа 1900 г.; опубл. Н. С. Ашукиным в кн.: *Дневники*. С. 173).

² В конце октября 1900 г. в издательстве «Скорпион» вышла книга А. Шницлера «Зеленый попугай» (пер. М. О. И.); готовились к изданию: *Бунин Ив.* Листопад: Стихотворения (вышла в свет в начале февраля 1901 г.); *По Э.* Собр. соч./Пер. К. Д. Бальмонта. Т. I. Поэмы, сказки, рассказы. 1901; «Северные цветы» 1901 г.

³ В первоначальной редакции письма Брюсов писал: «...дело с Пушкинской запиской, кажется, расстраивается, ибо владельцы поднимают цену безжалостно». Ср. дневниковую запись (конец сентября 1900 г.): «Покупали у Черногоубова разные бумаги. Но он дорожит. За стихи Фета просит 35 р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.» (*Дневники*. С. 91). Записка Пушкина на обороте письма Н. А. Полевого к А. А. Муханову (февраль 1827 г.) была факсимильно воспроизведена в *СЦ* 1901 (с. 141).

⁴ См. п. 43, прим. 6; п. 35, прим. 9; п. 36, прим. 3. Об отношении Брюсова к поэзии Фофанова см.: *Черемисин Б. Е.* Валерий Брюсов и Константин Фофанов // *Чтения* 1983.

⁵ В первоначальной редакции письма Брюсов далее писал о Полякове: «Сущность его ответа будет такова. «Скорпион» обязан заботиться не только о потребностях русской поэзии, но и о своем существовании, т. е., иначе говоря, о потребностях покупателей. Продавать стихи, переведенные прозой и притом с французского (язык — известный слишком многим) почти нет надежды. Поэтому приступить к изданию Ваших переводов (в основе весьма желательному) можно лишь в подходящее мгновение: после удачной распродажи какой-либо книги; когда внимание будет обращено вообще на издания «Скорпиона» и т. п. Во всяком случае в настоящие дни «Скорпион» обременен уже взятыми на себя обязательствами («Листопад» Бунина, Эдг. По Бальмонта, «Пан» самого Полякова, Альманах). Упомянется готовящееся издание: *Гамсун К.* Пан/Предисл. К. Д. Бальмонта; Пер. с норвеж. С. А. Полякова. М.: Скорпион, 1901.

⁶ В первоначальной редакции письма Брюсов подробнее излагал полученное предложение: «Впрочем, все эти доводы, кажется, разрушаются полученным вчера письмом. Кто-то (Вячеслав Иванов) (...) предлагает «Скорпиону» принять участие в издании ряда переводов из современных французских писателей г-жи Баулер с нарочно для того сделанными иллюстрациями французских художников. Это предложение воскрешает нашу давнюю мысль, временно отложенную, — издать серию переводов из «современных» писателей. Во всяком случае, пока надо сговориться с этой г-жой Баулер, т. е. разузнать главное об условиях получения рисунков. Затем надо постараться, чтобы одновременно не появилось двух сходных изданий. Об этом предложении Вяч. Иванова см. подробнее: *Котрелев Н. В.* Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности. М., 1985. С. 74—79. (Опубликовано письмо Вяч. Иванова в «Скорпион» от 9 октября 1900 г. и черновик ответа Брюсова).

47. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

от И. Ореуса

(Петербург.) Окт(ября) 27/28 1900.

Приношу благодарность, мой друг, за «Tertia Vigilia» и, в частности, за посвящение поэмы о Викингах¹. Пребываю при том мнении, что это лучший образец Вашей поэзии. Из еще неизвестных мне вторых частей мне показались со-

вершенными песни стихий и их обеты молчания, а также — ода о вращении земли и о смерти Свена. Хороша и песня Свена. В остальном есть черты сильные между образами второй картины плаванья и зимовок. Крайне, увы! двойственное впечатление возбуждается заключительным Голосом. Выдающиеся не только по содержанию, но и по выражению мысли сочетания слов порятыся такими местами, где в слишком ограниченном объеме Вами, очевидно, предполагалось сложить слишком много-сложных и многообъемлющих понятий. От этого образы или отвлеченные слова, их передающие, получаются неточные, неуместные, грубые. Таков образ «сладкой сети противоречий», которая «роднит и близит всех»; таковы рубрики Любви и Греха². Ведь противоречия, во всяком случае, не над предметами, как сеть, раскинутая поверх их, объединяют предметы, а таятся внутри их самих. Да и эпитет «сладкий» при представлении сети очень уж не живописный. А уж противоположение «Греха» с Любовью — совсем невдумчиво: это значит, как Мережковский, взять готовую, самую условную категорию из учений нравов, внешне пригодную для поэтического обихода.

Потом не могу Вам простить того, что Вы, включив в эту книгу много недостойного, исключили такие первые между Вашими стихами образцы, равные лучшим частям «Викингов», как: «Демоны Пыли», «Глаза», «Я не знаю других обязательств...» — лучшее Ваше «раздумье»³.

Из прочих отделов Вашей книги мне понравилось многое из стихов о Городе⁴. Удивлен был наличностью многих прекрасных частей в той совокупности, к которой Вы сами относились так иронически, и в которой и мне некоторые стихи показались примерами того, «как не следует писать». Я думаю, во всяком случае, что такие стихи, как «Я слежу дозором...», «Лампада», «Старинный храм», Вам очень близки. А совсем хорошо и более подозрительное: «Мыши»⁵.

В последнем отделе мне полюбились более всего: «Папоротник», «Металлы», «Брошен веялкой...», «Отрады», «Мне поется...» и, в сущности, даже первое: «Возвращение», хотя оно не вполне пропорционально величине темы, и иногда кричаще⁶.

Из «Любимцев Веков»⁷ «Скифы» сохраняют все мое сочувствие, потом истинно целен, смело и стройно пластичен «Александр Великий». Правилась бы мне очень и широкая даль таинственности в образе «Халдейского Пастуха», не будь вступительной и заключительной позы автора перед ним. Быть может, с наибольшей сочностью и в то же время точностью переданы давно излюбленные Вами мотивы губительной любви, которые казались мне живы даже в некоторых Ваших давних октавах о ламии⁸, в новой балладе о тех же «классических» ведьмах⁹; но в ней же и в начале, и в конце есть такие сухости, которые лишают эти стихи цельной жизни. В раздумье о путях победы над рассудком¹⁰ много строф, звучащих твердым и проникновенным боем, напоминающих гармонию Случевского, но, к сожалению, передача наития Светлого Духа неизмеримо ниже характеристики Дьявола*.

¹ См. п. 17, прим. 6.

² Вторая строфа заключительного, IX раздела поэмы: «Противоречий сладких сеть // Роднит и близит всех: // Равно и жить и умереть, // Равны Любовь и Грех» (TV. С. 64). В последующих изданиях Брюсов исправил вторую строку. Окончательный ее вариант — «Связует странно всех» (см. I, 256).

³ Все три указанных стихотворения были впервые опубл. в КР. Первые два стихотворения были впоследствии включены Брюсовым в состав TV (см. I, 209 и 213), третье — под заглавием «Обязательства» — в состав МЕЕ (I, 132).

⁴ «Город» — второй отдел TV, посвященный Бальмонту.

⁵ Упомянуты стихотворения, вошедшие в третий отдел TV, посвященный Г. Бахману, — «Книжка для детей». Первое из названных стихотворений впоследствии было озаглавлено «Дозор»; второе — «Ей же» (т. е. Е. И. Павловской); третье — «В старинном храме» (см. I, 204, 200, 207, 208).

⁶ Последний, пятый отдел — «Повторения (к Книге раздумий)», посвященный Юргису Балтрушайтису. В окончательном составе TV упоминаемые стихотворения распределены по различным разделам, причем стихотворение «Возвращение» («Я убежал от пышных брашен...») открывает книгу. Второе из называемых Коневским стихотворений получило впо-

* Окончание письма отсутствует.

следствии заглавие «К металлам», третье — «Жернова», пятое — «Песня» (см. I, 141, 216—217, 232, 219—220).

⁷ Отдел первый TV, включающий 23 стихотворения под общим заглавием «Любимцы веков» (посв. Модесту Дурнову). Упоминаемые ниже три стихотворения см. I, 152, 149, 144.

⁸ Стих. «И снова... (Октавы)» («И снова день в томительном июне...», 1895), содержащее строку: «Ее уста — что губы сонных ламий» (*ChdO* 2; *ПСС*, I).

⁹ Стих. «Ламия» («В дни весенних новолуний...», 1900), вошедшее в отдел «Любимцы веков» (TV; I, 150).

¹⁰ Стих. «Рассудка вечные устои...» (отдел «Повторения») — TV. Впоследствии печаталось под заглавием «Устои» (I, 226).

48. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Середина ноября 1900 г.)

Мне хотелось бы верить, дорогой Иван Иванович, что Вы не упрекаете меня за то, что я не выполнил своих петербургских обещаний¹. Видеть Вас мне, конечно, желалось бесконечно больше, чем десятку других лиц, с которыми мы тратили часы... но видеть тех по разным причинам было *нужно*, — вот довод, кажется, чуждый Вам! Все три дня в Петербурге я был в каком-то безвольном состоянии и теперь все сравниваю себя там с камушком в калейдоскопе, перекачивающимся не по своему желанию, отражаемым и отражающим². Если будет у Вас свободные полчаса, не откажитесь написать мне о моих стихах то, что не пришлось мне услышать³: это, конечно, упреки и осуждения, т. е. наиболее любопытное, чего я могу искать. А еще лучше: выполняйте замысел Ив(ана) Як(ов)левича⁴ и приезжайте в Москву; здесь осталось еще много, чего Вы не «космотрели» и не оценили.

Р. С. Для альманаха дали вещи: Фофанов, Лохвицкая, З. Гиппиус, обещали: Мережковский, Минский, Сологуб⁵. Как видите, жатва довольно богатая.

Ваш сердечно Валерий Брюсов.

Русс(кий) арх(ив)

¹ Брюсов был в Петербурге с 3 по 6 ноября 1900 г. вместе с С. А. Поляковым. Основная цель поездки — сбор материалов для «Северных цветов» и встречи с их предполагаемыми участниками. Подробное описание пребывания Брюсова в Петербурге см.: *Дневники*. С. 95—99. Накануне поездки, в конце октября, Брюсов писал И. И. Ясинскому: «В четверг мы выезжаем с С(ергеем) А(лександровичем). В пятницу будем в Петербурге. Зачем? Не очень знаю (...). Видели ли Вы Ореуса?» (Новый мир. 1932. № 2. С. 197). С Коневским Брюсов встретился 4 ноября (*Дневники*. С. 95). Видимо, он обещал Коневскому повидаться с ним еще раз, но не сумел выполнить этого обещания.

² Аналогичным образом Брюсов характеризовал свое пребывание в Петербурге в недатированном письме к Вл. В. Гиппиусу, высылая ему «*Tertia vigilia*»: «...те три дня, которые я провел в Петербурге, чувствовал я себя стеклышком в калейдоскопе, только отражающим и отражающимся, да безвольно перекачивающимся из стороны в сторону» (В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 129. Письмо ошибочно датировано публикатором 1 апреля 1900 г.).

³ Видимо, в ходе петербургской встречи Брюсов и Коневской беседовали о «*Tertia vigilia*».

⁴ И. Я. Билибин.

⁵ См. п. 44, прим. 4.

49. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) 20 ноября 1900.

Очень рад Вашему последнему письму, милый Валерий Яковлевич, и в свою очередь выражаю сожаление о том, что замедлил и теперь передачей тех суждений, которые хотелось сообщить Вам еще при свидании. В последние дни я заканчивал писание, которое обусловлено прикладными университетскими надобностями, но в то же время отмечено и вполне самостоятельным значением для моей личной литературно-мыслительной деятельности. Гораздо более, нежели хотя бы составленный мною в прошлом году очерк о Баратынском¹, эта статья отмечена характером законченным и восполненным, потому что та характеристика сердца и мысли Кольцова, которую я в ней даю, представляет сплошь изложе-

ние моих личных понятий², тогда как прошлогоднее писание о Баратынском мне заблагорассудилось строить на исследовании чужих суждений о поэте, ради проявления книжной «эрудиции», так что изложение моего понимания вышло не полно и раздроблено по разным местам исследования. Этот метод имел тем более досадные последствия, что в глазах того же профессора, ради которого я вводил себя в эти тиски, оказался препятствием к тому, чтобы поместить статью в им же редактируемый сборник стихов и прозы студентов здешнего унив(ерситета), придавая, как он же выразился, слишком «специальный» характер статье³. Между тем в ней все же было столько общих суждений о Баратынском, которыми я дорожу, что как нельзя более желательно и к стати было бы их предать гласности в сборнике, выпускаемом в год столетия со времени рождения поэта.

В нынешнем же году я хотел заканчивать характеристику творчества А. Толстого в виде «зачетного» сочинения. Для нее у меня сделано много набросков, отделаны окончательно вступительные части (где речь о мировоззрении Тютчева, Пушкина, Баратынского, Кольцова, Фета, как о фазисах мысли, предварительных для философии Толстого)⁴, но это, сравнительно, конечно, очень немного, и в разработке даже основных понятий характеристики можно предвидеть много существенных преобразований и новых оборотов. Таким образом исполнение этого дела в нынешнем году поставлено мною в зависимость от того, согласится ли проф. Жданов или нет принять уже писание о Кольцове за сочинение «зачетное» (что обнаружится на днях): если согласится, мне останется для окончания всех дел университетского курса сделать только один полугодовой «реферат», темой которого выберу не А. Толстого, а какого-н(ибудь) сравнительно несложного поэта (я имел в виду Щербину)⁵. Исследование же о поэте Дон-Жуана отложу тогда до более свободного времени, потому что имел в мыслях покончить нынче весной и с «государственными испытаниями» (хотя это еще далеко не окончательное решение)⁶.

Переходя к запоздалым отзывам о «Tertia Vigilia», поспешаю прежде всего повторить запрос — почему нет налицо в этой книге «Демонов Пыли», «Глаза», и лучшего Вашего раздумья: «Я не знаю других обязательств...». Ужели в интересах «Книги раздумий»?⁷ Я же не устаю желать, чтоб она исчезла с лица земли, или хотя бы с книгопродавческих полок. Я думаю, что «Демоны Пыли» были бы лучшим прологом к «Городу», гораздо более, чем «В неконченном здании», которого по-прежнему не одобряю⁸. «Глаза» нашли бы себе достойное место между «Любимцами Веков» рядом с «Ламией»⁹, а упомянутое «раздумье»¹⁰ — во главе «Повторений» (вместо: «Я знаю беглость...» — стихов неудачных, мертвых)¹¹. До некоторой степени возмещается замеченное отсутствие — прекрасным раздумьем: «В мире широком...»¹². Далее прямо хороша в числе «Повторений» (хотя кажется, что это совсем для вас не старо, а вообще все достойное среди «повторений» — конечно, не повторения, а возобновления) — эротическая дума: «Строгий, холодный и властный...». Как привлекала бы меня по общему чувству и построению дума: «Вила», если б, увы! и образы, и музыка не отзывались бальмонтовщиной!¹³

Многое оценено мною еще чрезвычайно в «Книжке для детей», поддельность которой Вами указана была, конечно, ради блажи и баловства, — а именно: «Звезда морей», «Величит душа моя...», «Лампада», «Мы встретились с нею в пустыне...»¹⁴.

Отвергаю ваши опыты в древне-русском вкусе, каковы: «Песня о последнем рязанском князе», «Сказание о разбойнике»¹⁵, отвергаю «Ассаргадона», «Сибиллу», «Клеопатру», «Дон-Жуана», «Флоренцию», «Брань народов», «В дни запустений», «Проблеск»¹⁶ (из последних двух исключая некоторые места, и вообще в них чувствуется за словами живая струя и звук чувства). Отвергаю «Аганатис», как ни жаль за точность и плавность терцин, исключая прекрасные звуки и образы света на лестнице и тьмы в храме из пролога¹⁷. Отвергаю все картинки Крыма и Моря, кроме трех (8. 17. 20)¹⁸.

Мне кажется, что Вам не удастся тютчево-фетовская «пейзажная» живопись. Ваше искусство проявляется лучше всего в героических, эротических или впол-

ние моих личных понятий², тогда как прошлогоднее писание о Баратынском мне заблагорассудилось строить на исследовании чужих суждений о поэте, ради проявления книжной «эрудиции», так что изложение моего понимания вышло не полно и раздроблено по разным местам исследования. Этот метод имел тем более досадные последствия, что в глазах того же профессора, ради которого я вводил себя в эти тиски, оказался препятствием к тому, чтобы поместить статью в им же редактируемый сборник стихов и прозы студентов здешнего унив(ерситета), придавая, как он же выразился, слишком «специальный» характер статье³. Между тем в ней все же было столько общих суждений о Баратынском, которыми я дорожу, что как нельзя более желательно и кстати было бы их предать гласности в сборнике, выпускаемом в год столетия со времени рождения поэта.

В нынешнем же году я хотел заканчивать характеристику творчества А. Толстого в виде «зачетного» сочинения. Для нее у меня сделано много набросков, отделаны окончательно вступительные части (где речь о мировоззрении Тютчева, Пушкина, Баратынского, Кольцова, Фета, как о фазисах мысли, предварительных для философии Толстого)⁴, но это, сравнительно, конечно, очень немного, и в разработке даже основных понятий характеристики можно предвидеть много существенных преобразований и новых оборотов. Таким образом исполнение этого дела в нынешнем году поставлено мною в зависимость от того, согласится ли проф. Жданов или нет принять уже писание о Кольцове за сочинение «зачетное» (что обнаружится на днях): если согласится, мне останется для окончания всех дел университетского курса сделать только один полугодовой «реферат», темой которого выберу не А. Толстого, а какого-н(ибудь) сравнительно несложного поэта (я имел в виду Щербину)⁵. Исследование же о поэте Дон-Жуана отложу тогда до более свободного времени, потому что имел в мыслях покончить нынче весной и с «государственными испытаниями» (хотя это еще далеко не окончательное решение)⁶.

Переходя к запоздалым отзывам о «Tertia Vigilia», поспешаю прежде всего повторить запрос — почему нет налицо в этой книге «Демонов Пыли», «Глаза», и лучшего Вашего раздумья: «Я не знаю других обязательств...». Ужели в интересах «Книги раздумий»?⁷ Я же не устаю желать, чтоб она исчезла с лица земли, или хотя бы с книгопродавческих полок. Я думаю, что «Демоны Пыли» были бы лучшим прологом к «Городу», гораздо более, чем «В неконченном здании», которого по-прежнему не одобряю⁸. «Глаза» нашли бы себе достойное место между «Любимцами Веков» рядом с «Ламией»⁹, а упомянутое «раздумье»¹⁰ — во главе «Повторений» (вместо: «Я знаю беглость...» — стихов неудачных, мертвых).¹¹ До некоторой степени возмещается замеченное отсутствие — прекрасным раздумьем: «В мире широком...»¹². Далее прямо хороша в числе «Повторений» (хотя кажется, что это совсем для вас не старо, а вообще все достойное среди «повторений» — конечно, не повторения, а возобновления) — эротическая дума: «Строгий, холодный и властный...». Как привлекала бы меня по общему чувству и построению дума: «Вила», если б, увя! и образы, и музыка не отзывались балмонтовщиной!¹³

Многое оценено мною еще чрезвычайно в «Книжке для детей», поддельность которой Вами указана была, конечно, ради блажи и бадовства, — а именно: «Звезда морей», «Величит душа моя...», «Лампада», «Мы встретились с нею в пустыне...»¹⁴.

Отвергаю ваши опыты в древне-русском вкусе, каковы: «Песня о последнем рязанском князе», «Сказание о разбойнике»¹⁵, отвергаю «Ассаргадона», «Сибиллу», «Клеопатру», «Дон-Жуана», «Флоренцию», «Брань народов», «В дни запустений», «Проблеск»¹⁶ (из последних двух исключая некоторые места, и вообще в них чувствуется за словами живая струя и звук чувства). Отвергаю «Аганатис», как ни жаль за точность и плавность терцин, исключая прекрасные звуки и образы света на лестнице и тьмы в храме из пролога¹⁷. Отвергаю все картинки Крыма и Моря, кроме трех (8. 17. 20)¹⁸.

Мне кажется, что Вам не удастся тютчево-фетовская «пейзажная» живопись. Ваше искусство проявляется лучше всего в героических, эротических или впол-

не мыслительных «раздумных» мотивах, а также в тех темах отчасти бытовых, отчасти молитвенных, которые Вы называли «детскими». В живописи вполне созерцательной Вам из мира стихий доступны только такие широкие мировые обобщения, как песни стихий в поэме о викингх¹⁹, характеристика металлов, умозрительное понимание жизни злака или наконец — совсем сказочные фантазии, как «Папортник»²⁰ (одно из, конечно, наиболее милых мне явлений в Вашей поэзии, которое живописать бы И. Я. Билибину); с другой стороны, наблюдение и созерцание самодовлеющие в полной мере доступны Вам среди городских обстановок и явлений; но и среди песен города лучше всего те, которые вводят какое-и(будь) мировое обобщение в зримое зрелище (4. 5. 18. 19.)²¹ или характеризуют внутренний человеческий мир (2. 3. 7. 8.)²². Вообще, Вам наиболее свойственна, конечно, деятельность самобытного воображения, страсти или умозрения: воображение же у Вас — или историческое, или тайнозрительное. Но не присуще Вам не только писать зримые явления ради них самих, но даже вполне сводить воедино сверхчувственный смысл с его осязательным образом: образ большею частью отодвинут у Вас на второй план, чтобы дух и смысл был выдвинут на первый.

Между прочим, укажу несколько упреков к песням стихий²³, которые принадлежат вообще к первостепенным моментам Вашего творчества. Жаль, что выражение огня так односторонне: он есть только пламя, не тепло и не свет. Далее, песня воздуха вообще слабее других: «я ласкаю розы мая» — поверхностно для передачи животворности; что же касается до изображения цветного тона небес, то это — тема, без сомнения, одна из самых тонких и затруднительных, но: «в голубом плаще наряден», хоть и безукоризненно изящно, все же мало меня удовлетворяет, мало соответствует моему чувству этой красоты.

Вл. В. ГИППИУС

Фотография Н. Чеснокова. С.-Петербург
Ленинградский исторический архив

Все сведения об участниках Альманаха я получил от С. А. Полякова еще на другой день после Вашего отъезда²⁴. После этого мне оставалось направить его к Вл. Гиппиусу, для которого, кажется, при таких данных не представлялось бы более поводов к отступлению, и так Альманах мог бы быть увенчан. Очень посетовал о том, что С. А. не выполнил своего намерения зайти ко мне с известием о результатах своего обращения к Вл. Гиппиусу. Тем более «горю желанием» узнать теперь от Вас об исходе этого щекотливого дела²⁵.

Предвижу, что мои рецензии вылетят в трубу из соображений «этикета»²⁶. А статья о Лафорге не ужаснет ли объемом? ²⁷ И в беседе со мной С. А. Поляков уже что-то встревожился, когда я упомянул о числе страниц. Соображениями

его же о переводах я остался вполне убежден, так что решился ждать у моря погоды²⁸.

Как Вам понравился Роковой Совет новых Душ? «Друг мой Асканий» (А. Я. Билибин — математик) и я, которых участие распределяется в этой поэме с полной равномерностью, справедливо гордимся этим импровизованным синтезом всех душевных явлений нашего времени. Понятно ли Вам обобщающее значение «Гимназиста»?²⁹

Всей душой Ваш И. Ореус.

Ответ на п. 48

¹ См. п. 24, прим. 9.

² Статья «А. В. Кольцов (личная его природа и строй мыслей)» — июнь — ноябрь 1900 г. — сохранилась среди бумаг Коневского с пометой «университетское сочинение» и оценкой «удовлетворительно», поставленной проф. И. Н. Ждановым (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 15). Поэтическое мировоззрение Баратынского и Кольцова Коневской анализирует также в статье «Мистическое чувство в русской лирике» (см. п. 34, прим. 3).

³ Профессор Петербургского университета Иван Николаевич Жданов (1846—1901) — историк литературы, фольклорист, академик. Сведения о нем и о его научно-педагогической деятельности см. в некрологических статьях А. С. Архангельского (ЖМНП. 1901. Ч. 337, № 9, отд. IV. С. 32—42; Чтения в Обществе любителей русской словесности. 1904. Вып. 6. С. 9—21) и А. А. Чебышева (ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 1. С. 1—16). Под редакцией И. Н. Жданова был выпущен «Литературный сборник, изданный студентами имп. С.-Петербургского университета в пользу раненых буров» (СПб., 1900). В нем было опубликовано стих. Коневского (подпись: Ореус) «Песнь изгнанника. На мотив из Калевалы».

⁴ Друг Коневского Н. Мих. Соколов отмечал в письме к Брюсову от 27 декабря 1901 г.: «...из бесед со всеми друзьями Ореуса я вынес подтверждение тому, что центром интересов покойного друга было поэтическое творчество в широчайшем смысле слова, что особенно резко выразилось в его предсмертном письме к Семенову и объединении всех его интересов в неоконченной работе о лирике наших поэтов первой половины века». Перечисляя далее сохранившиеся рукописи Коневского, относящиеся к этой работе, Соколов называет: «Поэзия Алексея Толстого; ее положение в ходе русской стихотворной мысли» (краткая характеристика) Тютчева, Пушкина — Баратынского, Кольцова и Фета с предисловием. «Наброски о мистическом чувстве», с характеристикой Кольцова (подробной), баллад А. Толстого (закончено) и рядом необработанных параллелей между А. Толстым, Тютчевым и Фетом» (ЦГАЛИ. Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 50). См. п. 34, прим. 3.

⁵ Статья Коневского «Мировоззрение поэзии Н. Ф. Щербины» была опубликована посмертно (СД 1902).

⁶ 19 марта 1901 г. Коневской получил удостоверение о прослушании полного курса историко-филологического факультета, славяно-русского отделения (ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 16, 18), однако государственных экзаменов весной 1901 г. не держал.

⁷ См. п. 47, прим. 3.

⁸ Стих. «В неоконченном здании» (ср. п. 32, прим. 7) открывает в TV отдел «Город».

⁹ См. п. 47, прим. 9.

¹⁰ Там же, прим. 3.

¹¹ Стих. «Рондо» («Я знаю беглость ночи и зимы...»). Впоследствии печаталось под заглавием «Я знаю...» и с посвящением К. Д. Бальмонту (I, 230).

¹² «В мире широком, в море шумящем...» — следующее за «Рондо» стихотворение в отделе TV «Повторения». Впоследствии печаталось под заглавием «Мы» (I, 230).

¹³ Стихотворения из того же отдела TV — I, 182—183, 215—216. Отрицательное отношение Коневского к поэзии Бальмонта окончательно определилось после выхода в свет в мае 1900 г. книги «Горящие здания». В ответ на предложение Брюсова писать рецензии для «Северных цветов» (п. 46) Коневской прислал краткий отзыв-эпиграмму на «Горящие здания», который не был опубликован. Приводим его текст, вместе с обращением Коневского к Брюсову (сохранился среди писем Коневского в архиве Брюсова):

«Не заблагорассудите ли принять в Альманах эту краткую эпиграмму о «Горящих зданиях»:

Поэт говорит во вступительном стихотворении к сборнику: я хочу кричащих бурь. В этом обозначении исчерпана сущность его новой поэзии. Бури К. Д. Бальмонта не воют, не ропщут, не бушуют, а кричат, визжат, орут „благим матом“, как теленок, которого режут, или „караул!“, как прохожий, на которого напали мазурики. Это подтверждается и заключительными словами того же стихотворения: „я хочу кинжальных слов и предсмертных восклицаний!“ Очевидно, поэт дерет у себя горло, а у читателя уши под чьим-то кинжалом, и потому всякому остается пожелать, чтобы вступительное желание автора стало для его поэзии „восклицанием предсмертным“. Но, увы, визг не умолкает на протяжении нескольких сотен страниц, и критику остается поплотнее заткнуть уши.

Иван Коневской.»

В «эпиграмме» Коневского идет речь о стих. «Я устал от нежных снов...» (Горящие здания), впоследствии озаглавленном «Кинжальные слова».

¹⁴ 2-е стихотворение впоследствии озаглавлено «Величание», 4-е — «Памяти Е. И. П(авловской)», 3-е — «Ей же» (см. I, 200, 214, 216).

¹⁵ Стих. «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче (1517 г.)» и «Сказание о разбойнике. (Из Пролога)» — I, 159—160 и 239—240.

¹⁶ Все перечисленные стихотворения напечатаны в отделе TV «Любимцы веков» — I, 144, 151 153, 158, 156, 224, 223, 227.

¹⁷ Имеются в виду строки из «финикийского рассказа» «Аганатис»:

Длинная лестница,
Освещенная ярко,
И за дверью во храме этот сумрак ночной.
(TV. С. 67; I, 241)

¹⁸ «Обошла тропа утес...», «Белый цвет магнолий...», «Мерно вьет дорога...» — I, 166—168.

¹⁹ «Голоса стихий» из поэмы «Царю Северного полюса» — TV. С. 59—62; I, 253—256.

²⁰ Речь идет о стихах «К металлам», «Жернова» и «Папоротник» (см. п. 47, прим. 6).

²¹ Стихотворения из отдела TV «Город»: «Я провижу гордые тени...», «Жадно тобой наслаждаюсь...», «Я видел искры от кирпичи...», «Замыслов строгих и смелых...» — I, 172, 173, 177.

²² Стихотворения из того же отдела: «Я люблю большие дома», «Когда опускается штора...», «Вечерний свет» («Люблю вечерний свет и первые огни...»), «Я люблю в глазах оплывших...» — I, 171, 172, 173, 199—200. 4-е стихотворение впоследствии озаглавлено «Случайной».

²³ См. прим. 19.

²⁴ После отъезда Брюсова С. А. Поляков пробыл еще в Петербурге 7 и 8 ноября. «Сергей Александрович оставался еще на два дня, раздавал книги по магазинам» (*Дневники*. С. 99).

²⁵ Речь идет о привлечении Вл. Гиппиуса к участию в «Северных цветах». «Щекотливым» это дело представляется Коневскому в силу того, что Вл. Гиппиус в то время демонстративно отмежевывался от «декадентов», что выразилось, в частности, в его отказе от участия в «Книге раздумий» и в написанной им отрицательной рецензии на этот сборник (см. п. 35, прим. 2). Письмо с приглашением участвовать в «Северных цветах» Брюсов отправил Гиппиусу 4 декабря 1900 г. (В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. С. 129—130).

²⁶ Рецензия на «Альму» Минского (см. п. 36, прим. 3); рецензия на «Горящие здания» Бальмонта (см.: прим. 13 к наст. п.).

²⁷ См. п. 1, прим. 10.

²⁸ Имеется в виду проект издания отдельной книгой переводов Коневского в прозе из западноевропейской поэзии.

²⁹ Шуточно-пародийная поэма «Роковой совет новых душ», своеобразно отразившая противоборство «символистских» и «позитивистских» устроений, была, по-видимому, передана Брюсову во время его визита к Коневскому. Приводим ее текст (сопровожденный более поздней карандашной пометой: «к ответу З. Н. Гиппиус»):

РОКОВОЙ СОВЕТ НОВЫХ ДУШ

Краткая поэма Ив. Коневского
и друга его Аскания.

Символист и Гимназист,
Эконом,
Философ и Гидростат
Собрались вечером
В шумный загородный сад
И составили совет
Обсудить весь белый свет,
Чтоб, узнав, как он сложен,
Предписать ему закон.

Первый, мудрый Эконом
Говорил, что мир есть дом.
Управляет им желудок:
Он же есть его рассудок.
Тут вступился Философ:
Нет, возник весь мир из лбов.
Он из разума построен,
Но его он недостойн.
Вдруг отрезал Гидростат

(Он же был и Гидропат):
Мир есть просто автомат,
Но теперь в нем есть распад.
И разпылся Гимназист:
Мир куда как неказист.
Он есть только школьный класс
Остальное не про нас.
Порешили тут ребята,
Что «тенденции» их святы,
Их вписали они в книгу —
Показать всем людям фигу.

Но остался Символист.
Худоцав, как некий глист,
Он воззвал, что мирозданье
Есть и радость, и страданье.
И о свете, и о тьме...
(Ведь себе я на уме!)

На берегах Балтики. 1900.

50. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Конец ноября — начало декабря? 1900 г.)

Дорогой Иван Иванович!

Ночь, странное бессилие при сознании возможности, вернее — именно благодаря сознанию возможности. Хорошо качаться на каких-то крыльях, которые поддерживают на воде. Только качаться и смотреть на облака. Вы скажете, что это Бальмонтовщина. Да ведь теперь в самом деле ночь, час ночи, начало тишины. Вы не правы о моих стихах. То есть Вы очень хорошо написали, прекрасная статья ¹ и *кого-то* характеризует необыкновенно метко и глубоко. Кого-то — не меня, или лишь меня, как Вы себе представили. Может быть, я такой и лучше, да это не я. Вы слишком моим словам верите. А я ведь не про Бальмонта писал, что весь он ложь, — про себя ². Как только пытался говорить правду, никто никогда мне не верил; когда лгал — верили. В этом мучительность всей жизни — моей. Я очень живу. Может быть завтра же вся моя жизнь изменится навсегда, и я не буду на том Цветном бульваре, где прожил двадцать лет. Конечно, этого не следовало писать. Часто о Вас мечтаю. Вы мой самый любимый поэт в мире. Обыкновенно таких писем не посылаю.

Ваш искренний Валерий Брюсов.

Р. С. Любопытство и нежелание раскаянья — вот что властно. Раскаиваться значит быть рабом. Потому поступаю так, что буду в том раскаиваться всю жизнь, до конца, чтобы не испугаться того. Делаю именно то, чего вся душа моя не желает, что ужасно ей, — дабы она не властвовала надо мной. Кто над кем? я над душой. «Рассудка вечные устои» ³ в моей душе очень глубоко, — но тем сладостней их свергать; безумие хорошо только тогда, когда оно достигнуто.

Ответ на п. 49.

¹ Имеется в виду п. 49.

² Строка из сонета «К портрету Бальмонта» (1899): «Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь» (ТУ. С. 149; I, 197). Ср. сходные признания в более позднем письме Брюсова к Бальмонту от 5/18 апреля 1905 г.: «Твои годы были прояснением одного лика, мои — сменой двойников. При замкнутости моей души, при моей привычке везде, перед всеми носить маски, при моей вечной лжи перед всеми (о, я так люблю свою правду, что предпочитаю таить ее в себе!) — эта смена свершалась тайно, невидимо. Одну износившуюся маску я заменял другой, сходной, — всем казалось, что я тот же, и никто не примечал, что под этой сходной маской уже другое лицо, другой человек» (наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 107).

³ См. п. 47; прим. 10.

51. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Конец ноября — начало декабря 1900 г.)

Прошу Вас принять к сведению следующую обновленную форму I частицы из Порывов ¹.

Если всмотришься в дальнее небо,
Где блуждают деревьев вершины,
Утихают людские кручины,
Замирает людская потреба.
Ведь жестоко здесь кости коснеют
И шагам преткновенье — коряги.
А в бушующей облачной влаге
Проясиенные сферы синеют.
И великие древа глаголют,
На приволье небесном витая,

Там, где птиц легкокрылая стая
О попутном поветрии молит.
Знаю — слишком легка та свобода,
И отважные борются с телом.
Но надломлен я тягостным делом,
И о воздухе плачет природа.
И всегда, в эти бездны благие
Устремляя прозор свой далекий,
Жду, что в чистом и полном потоке
Увлечет меня духа стихия.

Только что получил Ваше письмо. Что с Вами? Мне больно за Вас. Не есть ли то, что Вы называете ложью, и что, по-видимому, мне наиболее дорого в

Вас — истинная победа над Вашей душой? Если так, то Вам, делая то, чего Ваша душа не желает, не в чем раскаиваться. Быть может, это будет = «увидать за собою себя», но помните, что сами сознали, что для этого необходимо и только три пути — «презрение, бесстрашие, нежность»². Если Вы обратите всю нежность свою на то, что мне в Вас мило и ценно, и что Вам кажется ложью, такая ложь и самоотрицание будет, мне кажется, для Вас истинное самосоздание, новорождение. А то, быть может, то самое, что влечет Вас к самогубству, это и есть Ваша душа, душа первобытная. Ее отрицание подобает отрицать, чтобы утвердить себя.

Любящий Вас И. О р е у с

Ответ на п. 50.

¹ Коневской высылает исправленный вариант первого из двух стихотворений под общим заглавием «Порывы», предназначенный для помещения в *СЦ 1901* (с. 111) взамен прежней редакции этого стихотворения, высланной Брюсову ранее (см. п. 19, прим. 1). Стихотворение опубликовано в «обновленной форме»; ср.: *СП. С.* 93—94 и 242 (рукописные варианты).

² Имеются в виду строки из стих. Брюсова «Я не знаю других обязательств...»:

Презрение — бесстрашие — нежность —
Эти три, вот дорога твоя.
И как сладко, умчавшись в безбрежность,
Увидать за собою себя.
(КР; I, 132)

52. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Дек(абря) 22. 1900.

Посылаю Вам привет к «часу свершенных грез» и к новому «обороту времени»¹. Что дела Альманаха? Получено ли обещанное от именитых лиц? Получено ли и ожидаемое от моего ставленника, которого мне с тех пор не приходилось видеть?² Что помещается из моей прозы? Кроме того, обращаю нарочито Ваше внимание на то, что Ив(ан) Як(овлевич) Билибин ждет от Вас особенных точных указаний о том, к какому времени желательно его участие в Альманахе³. По его словам, Вы условились с ним только вообще о возможности его сотрудничества в деятельности «Скорпиона», но не давали никаких указаний, в каком роде и когда именно потребны живописные украшения для Вашего ближайшего большого издания. Итак, надеюсь иметь от Вас вести.

Ваш друг И. О р е у с

¹ Имеются в виду предстоящие праздники — Рождество и Новый год — и их описание в стих. Брюсова «Я слезу дозором...» (см. п. 47, прим. 5):

Люблю я шум без толку,	И братские бокалы,
Когда блестит мороз,	Счастье — новый год!
В огнях и в искрах елку.	Вечно не усталый
Час свершенных грез.	Времени оборот.

Этому стихотворению предпослан эпиграф «Времени мы слышим обороты» — их стих. Коневского «Праздничная кантата», написанного по тому же поводу (*МД. С.* 204; *СП. С.* 56).

² Подразумевается Павел Павлович Конради (? — 1916) — прозаик, театральный критик. Коневской был дружен с ним. Конради посвящены стих. Коневского «В море» (*МД. С.* 64; *СП. С.* 40), «К П. П. Конради» (*СП. С.* 121). Видимо, во время встречи с Брюсовым в Петербурге 4 ноября 1900 г. Коневской рекомендовал ему для публикации в «Северных цветах» прозу Конради. В альманахе «Скорпиона» Конради не участвовал и, видимо, своих произведений туда не представил. Брюсов и впоследствии пытался завязать с ним литературные отношения (см. п. Конради к нему от 23 января 1903 г. — *ГБЛ. Ф.* 386, 90.15), приглашал сотрудничать в «Весах». «От Конради по-прежнему, как пять лет тому назад, ждем рассказа», — писал Брюсов 3 февраля 1906 г. Ю. Н. Верховскому (*ГПБ. Ф.* 8. Ед. хр. 20); Верховский отвечал ему 24 февраля 1906 г.: «Конради пишет для Вашего журнала, насколько я знаю, — не рассказ, а статью» (*ГБЛ. Ф.* 386, 80.3). Однако сотрудничество Конради в издании, руководимом Брюсовым, и на этот раз не состоялось.

³ Видимо, Брюсов во время пребывания в Петербурге в ноябре 1900 г. вел разговоры об участии И. Я. Билибина в художественном оформлении «Северных цветов». Брюсов встре-

чался с художником 6 ноября: «В понедельник утром были у Билибина» (*Дневники*. С. 98). К оформлению «Северных цветов» был привлечен, однако, не Билибин, а К. А. Сомов. В оформлении других изданий «Скорпиона» Билибин также не участвовал.

53. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 8 января 1901 г.)

Только теперь получил ответ от П. П. Конради, в котором он говорит, что в первый раз услышал о предложении «Скорпиона»¹, и, раз срок поставлен такой ограниченный, принужден с прискорбием в свою очередь ограничиться самой прочувствованной благодарностью участникам книгоиздательства, потому что готовых писаний у него налицо нет (он читал мне в конце лета рассказ вполне законченный, но, очевидно, ему им не придается цены).

Но я был в полном убеждении, что Вы, не застав его дома, в нескольких письменных словах оставили ему указания на прямые намерения Вашего посещения. Если б я знал, что этого не было, я бы, конечно, за протекшие с тех пор два месяца нашел бы случай с ним переговорить об этом деле. На беду случилось так, что я все это время ждал его посещения, а он, судя по только что полученному письму же, был много в это время нездоров, и до сих пор не совсем оправился. Наконец, быть может, соображения Ваши о сроке изменились. Тогда поспешите известить об этом меня или самого Конради (Павел Павлович, В(асильевский) О(стров), Тучкова наб. 12, кв. 47).

Повторяю вопрос о том, условились ли Вы окончательно с Билибиным. Совсем печально будет, если мысль и об его участии провалится. (Билибин — Мытнинская наб. 11)².

Ваш И. О р е у с

Янв. 8. 1901.

¹ См. п. 52, прим. 2.² Там же, прим. 3.

54. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Январь 1901 г.)

Еще раз, милый Валерий Яковлевич, сделал отчаянную попытку обращения к Конради с убедительным увещанием дать рассказ, который он мне читал летом в виде вполне законченном и отделанном, и который представляет много характерных для него достоинств. Вы ведь, во всяком случае, не отвергнете? Обстановка бытовая, среднесословная — «чеховская», но совсем особенное восприятие ее, страстно влекущееся к ней и не находящее ничего, кроме яда. Своеобразное представление и о маленьких людях; так же поэт с ними срывается и вместе с тем от них отпрядывает, отплевываясь. Во всяком случае, богатое соединение чрезвычайной обособленности художника со строго выдержанной безотносительной трезвой верностью чуждых лиц¹.

Если Вам будет угодно и возможно, примите к помещению в Ваше многообещающее издание * следующие недавно сложенные строфы³.

(...)

Примечание. Как известно, образ старшего богатыря Вольги (Волха) Святославича (Всеславьевича) по существу сближается с образом полоцкого князя-чародея Всеслава, о котором повествуется в «Слове о полку Игореве». Здесь поэтом произведено отождествление этих двух лиц⁴.

Прошу внести небольшое изменение во II. присланных стихов:

«Сознали воды, дебрь, и зверь, и племя птичье...»⁵

И. О.

Письмо, по всей вероятности, представляет собой ответ на неизвестное письмо Брюсова, в котором устанавливался новый срок присылки рассказа П. П. Конради, а также сообщалось, что в альманах представили свои стихотворения К. К. Случевский и Вл. Гиппиус.

* К Случевскому и Вл. Гиппиусу можно воззвать ура!² (прим. Коневского).

¹ Обобщенной характеристике, даваемой Коневским, вполне соответствует рассказ Конради «Чудило», впоследствии опубликованный в «Зеленом сборнике стихов и прозы» (СПб.: Щелканово, 1905). Брюсов в рецензии на «Зеленый сборник» (Весы. 1905. № 1) обошел рассказ Конради своим вниманием.

² Имеется в виду представление К. К. Случевским и Вл. Гиппиусом стихотворений для СЦ 1902 (два стихотворения Случевского и пять — Гиппиуса за подписью: Владимир Г.....).

³ Следует текст стих. «Старшие богатыри» I (ГБЛ. Ф. 386, 97.9. Л. 12—12об.) и II (Там же. 97.8. Л. 18—19). Огубл.: СЦ 1901; СП. С. 114—117.

⁴ Примечание было приведено Брюсовым при публикации стихотворения (СП. С. 244).

⁵ Эта поправка была учтена Брюсовым при публикации. Первоначальный вариант стиха см.: СП. С. 244. Текст данного примечания Коневского — ГБЛ. Ф. 386, 97. 8. Л. 20.

55. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург.) Янв(аря) 30. 1901 г.*

Милый Вал(ерий) Як(овлевич)!

Если Вы не намерены воспользоваться моим очерком о критике З. Н. Гиппиус для Альманаха (что едва ли возможно), то попрошу Вас переслать мне его теперь же обратно ¹. Я желал бы вместе с небольшим дополнением о последних замечаниях того же критика (в № 1 «Мира искусства» 1901 г.) довести мои суждения до его сведения ².

И. Я. Билибин, узнав, что стиль Альманаха — в духе пушкинского периода, спрашивает — допускаются ли заставки и др. украшения в его обычном древнерусском роде. Другого он для себя не признает: Сомова, говорит, ненавижу! ³ Теперь он очень занят писанием объявления для Академического бала («Бал-сказка»: птица Сирий над кремлем и синим морем с корабликами ⁴). Через неделю будет вполне к Вашим услугам. Но предварительно разрешите сомнение.

И. О р е у с

¹ Имеется в виду рукопись полемической статьи Коневского «Об отпевании новой русской поэзии. (Общие суждения З. Гиппиус в №№ 17—18 «Мира искусства» 1900 г.)», в которой подвергнуты критическому разбору «Общие суждения о поэзии нашего времени» в статье Гиппиус «Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского» (см. п. 36, прим. 3). Брюсов, определенно, поначалу не предполагал включить эту статью Коневского в «Северные цветы», так как ее рукопись была выслана автору обратно (см. п. 56).

² Имеется в виду статья З. Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты» (Мир искусства. 1901. № 1. С. 28—34). О «дополнении» Коневского к этой статье см. п. 56, прим. 1.

³ См. п. 52, прим. 3.

⁴ Об оформленной Билибиным программе «Бала-сказки» (СПб.: Комитет по оказанию помощи недостаточным студентам Императорской Академии художеств, 1901) см.: Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 297.

56. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. После 18 февраля 1901 г.)

Перцов пишет мне: «Прочел статью Ореуса «Отпевание»; он сам прислал ее с «добавлением» неистово-яростных «поносных слов» (его терминология, м(ожет) б(ыть), чрезмерно физиологического характера). Но статья замечательна. И Мережковские и я равно ею пленены (при всем несогласии). Язык косноязычен, мысль — безумна, но сила и меткость исключительна. Я всегда надеялся на Ореуса, не как на поэта» ¹.

Не предпочтете ли Вы напечатать в «Сев(ерных) цвет(ах)» это «Отпевание» вместо статьи о Лафоре? так как статья о Лафоре может быть напечатана и позже, через год, а «Отпевание» имеет и значение для минуты, надо, чтобы ответ был сказан, когда не замолкла речь, на которую он отвечает. Не так ли? Если Вы согласны, то присылайте «Отпевание» сколь можно скорей, ибо альманах печатается торопливо ². Участие принял еще В. Розанов ³, куплены мемуары А. И. Урусова ⁴, будет письмо А. С. Пушкина ⁵.

Неизменно Ваш, но вечно занятый Валерий Б р ю с о в.

* У Коневского описка: «1900».

БРЮСОВ

Фотография. 1900-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Р. С. Причина, почему явилась возможность печатать в альманахе «поносные слова»: 1) гг. Мережковские, видимо, не придут в ярость, 2) уже напечатано нами письмо А. И. Урусова, где бранят Бальмонта и меня¹. Так кстаті. VB.

¹ Брюсов неточно цитирует письмо П. П. Перцова от 17 февраля 1901 г. (ГБЛ. Ф. 386, 98.7). «Добавление» Коневского — рукопись с пометой «Дополнение» под заглавием «Хлесткий и запальчивый ответ про дошо sua» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 2), в которой Коневской полемизирует со статьей З. Гиппиус «Критика любви. Декаденты-поэты» (см. п. 55, прим. 2). Появление статьи Гиппиус свидетельствует, по мнению Коневского, о том, что она «затеяла, видимо, целую экспедицию поносных выходок против тех литературных явлений, которых, по ее же словам, — нет, но которые все-таки оказываются тут как тут, и жужжат под носом».

² Статья «Об отпевании новой русской поэзии» была опубликована в СЦ 1901. «Дополнение», согласно желанию Коневского, опубликовано не было (см. п. 58).

³ В. В. Розанов представил для альманаха цикл фрагментов под общим заглавием «Заметки на полях непрочитанной книги» (СЦ 1901). В недатированном письме к Розанову Брю

сов писал: «Мы получили Эмбрионы. Я рад, просто рад, что имя Ваше будет с нами. Вы знаете, что имеете во мне одного из самых жадных Ваших читателей» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724).

⁴ В *СЦ 1901* были помещены материалы из архива Урусова под общим заглавием «Муары, записки и письмо князя А. И. Урусова».

⁵ См. п. 46, прим. 3.

⁶ Письмо А. И. Урусова от 4 июня 1900 г. (говоря: «напечатано», Брюсов подразумевает: «набрано»), в котором говорится: «Бальмонт прислал «Горящие здания». Первое впечатление — крайне неблагоприятное. *Mania grandiosa*, кровожадные гримасы (. . .) Книга производит впечатление психиатрического документа... Ну, а Добролюбов с Брюсовым, это уж — начистоту! из клиники душевно-больных» (*СЦ 1901*. С. 167—168). Появление в «Северных цветах» этого отзыва наряду со статьей Коневского «Об отпевании новой русской поэзии» было расценено как свидетельство того, что «в недрах российского декадентства идет какая-то глухая борьба и нелады» (Русское богатство. 1901. № 5, отд. II. С. 82, без подписи; автор рецензии, как установил М. Д. Эльзон, — П. Ф. Якубович. См.: *ЛН*. Т. 87. С. 667).

57. БРЮСОВ — КОНЕВСКОМУ

(Москва. Не позднее 2 марта 1901 г.)

Мы получили «Отпевание». Но где же прибавленные «поносные слова»? где то, что прибавлено после статьи ее о А. М. Д(обролюбо)ве? ¹ Если это есть, пожалуйста, пришлите скорей.

В Альманахе принял участие Чехов; его рассказ очень хорош и очень неожиданный ².

Ваш Валерий Брюсов.

¹ См. п. 56, прим. 1 и 2.

² Рассказ А. П. Чехова «Ночью» — переработка его раннего рассказа «В море» (1883). См.: *СЦ 1901*; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 268—271, 530—532. Чехов представил рассказ в «Северные цветы» по просьбе Бунина, который отправил Брюсову его рукопись около 20 февраля 1901 г. (*ЛН*. Т. 84, кн. 1. С. 456). Фактом своего сотрудничества в альманахе Чехов остался недоволен и позднее упрекал Бунина за то, что тот ввел его «в эту кампанию». См. письма Чехова к Бунину от 14 марта 1901 г. (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 228) и 20 апреля 1901 г. (Там же. Т. 10. С. 13), письма Бунина к Чехову от 20 марта и 30 апреля 1901 г. (*ЛН*. Т. 68. С. 410—411).

58. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 3 марта 1901 г.)

Дополнение pro domo sua печатать лишнее: оно было написано, чтоб отвести себе душу ¹.

А вот что же И. Я. Билибин не дожидется от Вас ответа о стиле заставок? Если альманах печатается торопливо, неужели не представляет насущной необходимости выяснить это дело? Недавно Билибин давал мне понять, что в очень скором будущем, если не уговорится с Вами окончательно, он возьмется за многие другие задачи, и не будет иметь возможности участия в Альманахе.

Ваш И. О.

Приветствую содействие Чехова!

Ответ на п. 57. Открытка.

¹ См. п. 56, прим. 1 и 2.

59. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Начало марта? 1901 г.) ¹

Весна! Грустить не велено —
Господние слова.
Иду — повсюду зелено,
Высокая трава.

В траве цветы утешные:
Им нужен солнца Свет.
В них зреют силы спешные,
И близок их расцвет.

Иду тропой укромною
В живительной тени.
Иду под шумы темные
Весенней суетни.
Гляжу на птиц, их хлопоты,
На их веселый труд.
А шорохи, а шепоты
Напевам к сердцу льнут.

Далеко зло недавнее,
Вражда седой зимы.
Повсюду — тайна явная:
Ее пойдем ли мы?
Слова любви утешные,
Как веяние крыл.
О таинство безгрешное,
О радость внешних сил!

Доставляю Вам для помещения в альманахе (если не поздно) эти стихи молодого поэта *Димитрия Фридберга*. Если уже не успеете, то, пожалуйста, известите. Надо передать автору ².

И. Ореус

Кроме того, если не представится таких же препятствий, не согласитесь ли включить в Ваше издание и писанные мною в фев(але) 1899 г. «*Zeitgedichte*», которых список я Вам наверно тогда же доставлял, но которые не вошли в «*Мечты и думы*» по цензурным условиям (очевидно, только ввиду исторического примечания к ним). Итак, откинув примечание, но обозначив под текстом: «Февр. 1899» и изменив слово «закружусь» в «закручусь», попробуйте «тиснуть» если не опасаетесь цензурных хлопот ³. Но меня побуждает к этому предложение пример дополнения к «Отпеванию», которое Вы просили доставить теперь, тогда как это дополнение раньше через цензуру не проходило.

¹ Письмо открывается стих. Д. Фридберга «Тютчев и Баратынский» (опубл.: *СЦ* 1901. С. 117—118), которое нами здесь опущено. Его же стих. «Весна! Грустить не велено...» публикуется впервые.

² Дмитрий Наумович Фридберг (1883 — ?) — поэт символистской ориентации, с августа 1901 по 1903 г. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета, впоследствии журналист и партийный работник (псевд. Ефимов). В дневниковой записи, относящейся к февралю — марту 1901 г., Брюсов отметил, что «по делам альманаха переписывался», среди прочих, с Д. Фридбергом (*Дневники*. С. 101). В архиве Брюсова сохранилось 5 писем к нему Фридберга за 1902—1904 гг. и автографы его стихотворений (*ГБЛ*. Ф. 386, 106.45; 157.5). 31 марта 1902 г., посылая Брюсову в письме стихотворения молодого поэта Вл. Шапиро, Фридберг писал: «Я их показывал здесь в П(етер)б(ур)ге немногим, между прочим, И. И. Ореусу — он отметил в них кое-что, отнесся вдумчиво (. . .) Они самобытны потому, что родственны близки Лермонтову, Мюссе, Гейне и оторваны от современной литературы — Мережковского, З. Н. Гиппиус, Сологуба. Я Вас не упоминаю — Ваша судьба возродиться из мертвого зерна, возрасти на этом гниющем поле. Так что Ваши отношения к петербургской поэзии, так же, как И. И. Ореуса, совсем особые» (*ГБЛ*. Ф. 386, 106.45). Черновик ответного письма Брюсова от 10 апреля 1902 г. (без обращения) был опубликован Е. Н. Коншиной в «Записках ОР ГБЛ» (М.: Книга, 1965. Вып. 27. С. 17) как письмо, адресованное предположительно Блоку. Эта ошибка исправлена В. М. Федоровой в 29-м выпуске «Записок» (с. 264), где был указан адресат — Дмитрий Наумович Ефимов: этим псевдонимом подписано письмо Фридберга к И. М. Брюсовой от 12 июня 1928 г., в котором он прислал машинописную копию указанного выше письма Брюсова. Приводим текст письма по этой копии, отличающейся от опубликованного Е. Н. Коншиной черновика: «Северные цветы напечатаны и Вы получите их на днях. Не откажите написать подробно о своем впечатлении. Мне очень и очень важно ваше мнение. Не скрою, встреча в Петербурге с Вами осталась для меня как самое желанное за весь этот мой приезд. После смерти Коневского и отречения Добролюбова так мало поэтов, в которых я могу верить. Юргис Балтрушайтис и Вы — мне кажется, никого более. Есть многие, коих я чтю и которых читаю, но они или уже исчерпаны или именно не поэты против литературы. Постараемся быть живы и будем писать. Я верую и в рифмы и в стихи» (*ГБЛ*. Ф. 386, 148.57).

Преувеличенная оценка творчества Фридберга определяется, по-видимому, особым психологическим состоянием Брюсова, остро пережившего смерть Коневского и мечтавшего о достойной «замене» ему в литературе. Вскоре он со всей определенностью укажет на «интереснейшего человека в России» — Андрея Белого — как на достойного занять «место Коневского» (см. вступ. статью).

³ «*Zeitgedichte*» в «Северных цветах» опубликованы не были; напечатаны Брюсовым в *СП* (с. 69—70) без учета вносимого Коневским в это письмо исправления: «Иль закужусь я и с вами в метели». «Историческое примечание» к циклу, видимо, заключало в себе указание на то, что стихи написаны по поводу студенческих волнений (ср. аналогичное пояснение Брюсова: *СП*. С. 241).

60. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. Начало марта? 1901 г.)

Д о п о л н и т е л ь н а я з а м е т к а

З. Н. Гиппиус, не унимаясь, намерена, по-видимому, доказать примерами свои голословные суждения о нынешней русской поэзии. С этой целью она в № 1 «Мира искусства» за 1901 год продергивает небольшой сборник избранных стихов Александра Добролюбова, выпущенный прошлой весной с предисловиями В. Я. Брюсова и моим. В этом разборе, который с довольно аляповатой, но забавной иронией озаглавлен «Критика Любви», она расписывается в критической несостоятельности, заявляя о своем непонимании этой поэзии, за исключением двух-трех строчек. Строчки эти случайно совпадают с общими местами мысли г. Мережковского: вот вам и ключ, единственный, отпирающий для его супруги все двери, но тем не менее Добролюбова оставляющий под семью замками. Мое предисловие, где я пытался дать очерк души автора, не менее, чем сам автор, оказывается для критика недоступным и неприступным. Что с таким обсудителем станешь делать? На способности его суждения, конечно, махнуть рукой. Но, чтобы с другой стороны дать ему урок — зачем берется не за свое дело, покажу, так и быть, в грубых рубленых словах, какие пустяки оказались для него недоступны.

Добролюбов, это неукротимая война личной воли против всяких «нормальных», «природных» и т. п. *невольных* способов ощущения и представления человеческого. Только это значение, уничтожающее и отрицающее, я и вижу в нем: создание в слове удается ему еле-еле. Но судьбы его жизни обнаруживают, что он идет к своей цели если не в слове, то, что называется, «на деле». Второе, конечно, меньше первого, но все-таки что-нибудь да стбит.

Суждениями о поэзии Добролюбова, которые пересыпаны, кстати сказать, неблагоприятными сиплетнями о встречах с ним и частной его жизни, лишний раз доказывается мое предположение, что в современной поэзии З. Н. Гиппиус судить, подлинно, не о ком: ни в чем не смыслит ни аза. Поэтому уж ограничилась бы лучше стрельбой на воздух, чтобы не попасть в корову, метя в ворону.

Но чего ожидать от «Мира искусства», пробавляющегося такими воззрениями и без толку сыплющего сквернословием: «декадент»? Литературный отдел его ведь давно являет зрелище пустыни, которую, как самовластная воля, произвел вокруг себя г. Мережковский. Честь и слава критическому таланту этого писателя: лучше критика у нас не было, — это я всегда повторял и повторять не устану. Но для направления журнального *mixtum compositum* * нужен человек помельче, но более всего гибкий во вкусах. Ибо опустошение литературы в «Мире искусства» через догматизм г. Мережковского есть нечто самоочевидное. Гг. Перцов (...) «ко?» в ¹, ^{2*} Дягилев, Философов — величины безнадежно ничтожные. Г. Розанов — личность, узкая, но у которой есть что сказать: однако косноязычие и сырос(ть) его мысли и слова, увы! неизлечимы. Он пропах д(еше)вой публицист(икой).

Это — краткое извлечение и развитие мыслей, касающихся собственно А. М. Д. Все остальное, как сказано, *pro domo sua* ².

И. О.

Если смущаетесь словами о Розанове, выпустите ^{3*} все последнее новострое или последние фразы, называющие по именам.

Не успеете ли еще переправить во II части «Старших Богатырей» слова: «тьма волн и вой» на «в нем — влаги бой»? ³

¹ По-видимому, поэт и филолог-классик Дмитрий Петрович Шестаков (1869—1937), казанский приятель Перцова. См. о нем заметку Л. К. Долгополова в кн.: Поэты 1880—1890-х

* Смесь (лат.).

^{2*} Края листов оторваны.

^{3*} *Севергу приписано*: откиньте

годов. Л., 1972. С. 583—585. В «Мире искусства» опубликована его рецензия на «Собрание стихов» Добролюбова, в которой, между прочим, он писал: «Произведения г. Александра Добролюбова мы не решились бы назвать стихами: они производят впечатление густого тумана, которому еще долго до имеющего его рассеять ясного солнца. Белыми, плотными волнами окружает он вас отовсюду, и вам становится жутко и неловко дышать, точно перед дверью, за которой мечется и бьется безумный (. . .) Г. Коневской, обычным этому автору тяжелым и странным слогом "исследует личность Александра Добролюбова"» (Мир искусства. 1900. Т. III, отд. II. С. 242).

² «Дополнительная заметка» в СЦ 1901 опубликована не была (см. п. 61).

³ Указанная поправка при публикации в СЦ 1901 была учтена.

61. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 18 марта 1901 г.)

Прошу у Вас извинения, друг мой В(алерий) Я(ковлевич), если это причинит Вам лишние хлопоты, но решаюсь убедительно просить Вас о том, чтобы Вы отменили печатание дополнительн(ой) заметки к «Отпеванию» или уничтожили тиснение, если она напечатана. Обнародование положительно представило бы для меня большие неудобства: повод слишком мелкий для торжественного выступления в печати, тем более впервые происходящего «на видном месте», каково в данном случае мое. Не взыщите и сделайте просимое одолжение.

И. О р е у с

Открытка. Датируется по почт. шт.

62. КОНЕВСКОЙ — БРЮСОВУ

(Петербург. 21 апреля 1901 г.)

Глубоко удовлетворен, Валерий Яковлевич, и отрывком Вашей новой поэмы¹. Очень хороши из «осенних стихов» и II. III. IV². Кажется, что и VI. нечто достоверное, но не могу утверждать — недоступна мне мера и природа чувств!³

Рад был встретить в «Истинах» местами полное единомыслие со мной. Таковы последние три-четыре положения⁴. Таково во II. суждение о равноценности мыслителей⁵. В V. строки о тайне и чуде все мне присущи⁶. С другой стороны вступительные основоположения, думаю, или неосновательны, или неостро и неглубоко представлены: в особенности, два первых (свобода воли, убеждение в ведении истины)⁷. В целом, в писании об Истинах несимпатично мне недостаточная твердость и тонкость нитей, какие можно было бы проводить между приемами мысли. Зачем разнузданность и иногда даже «развязность»? Наконец нельзя не осудить преступления — упомянуть в числе Дон-Жуанов Бальмонта рядом с Пушкиным, не упомянув А. Толстого⁸. Не менее превратно, на мой взгляд, как Вам известно, и суждение о «внешности» чувств в поэзиях А. Толстого и Полонского⁹. А что бы Вы сказали на этот счет о Пушкине? не догадываюсь.

Отчего нет Горького? Я сожалею¹⁰. Напишите, прошу Вас, отчего это вышло, и ознакомьте меня, если можно, с его критикой на «Tertia Vigilia»¹¹.

Нельзя не признать силы отчетливого воображения в II. III. IV. «Гимнов Огню»¹². Пока все как на ладони, Бальмонт еще держится. Чуть что посложнее, потоньше, посмутнее — механические выражения или пустельга! «Костры» — совсем увеселительные стихи¹³.

Посылаю чествующий привет господину Юргису Балтрушайтис под действием его прекрасных раздумий и од («Суд» — «Молись ему!» — «II. У Предела») и мастерского рассказа: «Капли»¹⁴. Таких образцов русской прозы художественной немного. По жилам пробегал холод, возбуждающий воспоминание о холодной дрожи великого поэта повести о Колодце и Маятнике¹⁵. «I. У Предела» я начал бы с третьей строфы (с самого начала нестати попадешь в Вечность)¹⁶, и тогда, кроме двух стихов, даже лучше, чем II.

И. О р е у с

Апр. 21. 1901.

которых дается сочувственная в целом характеристика «*Tertia vigilia*» Брюсова и «Горящих зданий» Бальмонта. Письмо Брюсова к Горькому, написанное в связи с появлением этой статьи, см. в работе А. Ильинского «Горький и Брюсов. Из истории личных отношений» (ЛН. Т. 27—28. С. 640).

¹² Перечислены фрагменты из стих. Бальмонта «Гимн огню» (СЦ 1901).

¹³ Стих. К. Д. Бальмонта (Там же).

¹⁴ Стихи и рассказ Ю. Балтрушайтиса (Там же).

¹⁵ «Колодец и маятник» — рассказ Э. По (1842).

¹⁶ Орывок из поэмы «У предела» (И. «Старец») Балтрушайтиса начинается стихами:

Всегда один, сижу века веков,

Считая вечности дробящейся мгновенья.

(СЦ 1901. С. 119)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПЕРЕПИСКА С И. И. ОРЕУСОМ-ОТЦОМ

Публикация А. В. Лаврова, В. Я. Мордерера и А. Е. Парниса

Переписка Брюсова с И. И. Ореусом-отцом, начало которой было положено гибелью Коневского, — своеобразный постскриптум к корпусу переписки с Ореусом-сыном. Основное ее содержание — подготовка к печати посмертного собрания сочинений, вышедшего в свет под редакцией Брюсова и при его непосредственном и активном содействии на всех этапах работы. Генерал-лейтенант Иван Иванович Ореус (1830—1909), ко времени начала переписки 70-летний старик, был человеком чрезвычайно далеким от Брюсова — и по своей социальной и индивидуальной психологии, и по кругу общения, и по представлениям о литературе; роднила его с лидером московских «декадентов» лишь любовь к покойному единственному сыну и стремление увековечить память о нем.

Генерал Ореус был потомком старинного шведского рода, на протяжении нескольких поколений связанного с Россией. Ореусы находились на русской государственной службе и достигли на этом поприще весьма высоких постов. Дед И. И. Ореуса-отца «принадлежал к числу дворян С.-Петербургской губернии и занимал должность Выборгского губернатора, а отец — Иван Максимович, после сотрудничества с министром финансов гр. Канкриным, при котором он был товарищем министра, назначен сенатором и затем первоприсутствующим в 3-м Департаменте Сената»¹. Похожая стезя, естественно, ожидала и И. И. Ореуса. В его автобиографии читаем: «Ореус Иван Иванович (сын скончавшегося в 1863 г. сенатора); родился в С.-Петербурге 11 дек(абря) 1830 г.; исповедания православного; учился сначала во 2-й С.-Петербургской гимназии, а потом в Школе гвардейских подпрапорщиков, откуда 26 мая 1849 г. выпущен прапорщиком в л(ейб)-гв(ардии) Преображенский полк; в 1853 г. поступил в Воен(ную) Академию (. . .) в 1855 г. кончил курс по 1-му разряду; в 1856 г. переведен в Генеральный штаб»². Дальнейшая жизнь И. И. Ореуса обозначена ступенями восхождения по служебной лестнице. С 1863 по 1898 г. он состоял начальником военно-исторического и топографического архива Главного управления Генерального штаба (переименованного в 1867 г. в военно-исторический архив Главного штаба), в 1898 г. был назначен членом военнo-ученого комитета Главного штаба; в 30-летнем возрасте получил чин полковника, в 1881 г. стал генерал-майором, в 1891 г. — генерал-лейтенант³. В 1906 г., когда Ореус вышел в отставку, прослужив 57 лет, ему был пожалован чин генерал-от-инфантерии. Скончался И. И. Ореус 22 мая 1909 г., пережив своего сына почти на восемь лет⁴.

Определенную известность И. И. Ореус получил как военный историк. В молодости он участвовал в венгерском походе и впоследствии подготовил и издал отдельной книгой «Описание Венгерской войны 1849 г.» (СПб., 1880), по сей день основной источник документальных сведений об этой кампании — походе 100-тысячного корпуса генерала И. Ф. Паскевича против революционной Венгрии. Статьи Ореуса, представлявшие собой исследования и очерки, основанные по большей части на архивных материалах, печатались в «Военном сборнике», в «Русской старине» («Ив. Ив. Михельсон — победитель Емельяна Пугачева. Биографический очерк», 1876; «Уничтожение масонских лож в России и доносы на арзамасцев и лицей в 1822 г.», 1877; «Штурм, блокада и взятие Карса в 1855 г.», 1877; «Дмитрий Петрович Троцкий. Биографический очерк», 1882; «Иван Никитич Скобелев в 1793—1849 гг.», 1886; «Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804—1873 г. Биографический очерк по бумагам его фамильного архива», 1888—1890; и др.)⁵. Ореус состоял постоянным сотрудником «Энцикло-

педии военных и морских наук», где поместил около 250 статей; более 500 его статей — в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона. Генерал не был чужд и собственно литературных интересов и даже пробовал свои силы в стихотворстве.

В 1860 г. И. И. Ореус женился на Елизавете Ивановне Аничковой. Детей в их браке было четверо (четвертый — Иван), трое умерли в детстве. После кончины Елизаветы Ивановны (28 февраля 1891 г.) в семье остались только двое — уже пожилой отец и подросток-сын. Привязанность между ними была, судя по всем сохранившимся свидетельствам, очень сильной; ей не была преградой довольно рано обозначившаяся специфичность идейных и эстетических интересов и устремлений начинающего поэта, которые были его отцу по сути чужды и даже малопонятны. Не случайно и после смерти любимого сына генерал Ореус считал нужным предупредить Брюсова о неразглашении в готовящемся сборнике произведений Ивана Коневского настоящей фамилии покойного автора (см. п. 16): явно не хотел он, чтобы это имя — не столько индивидуальное, сколько родовое и клановое — оказалось вовлеченным в «компрометирующую» его «декадентскую» орбиту; не случайно не забывает он всякий раз напомнить и о внутренней дистанции, отделяющей его от сферы интересов сына. И в то же время в значительной мере поэт и мыслитель Иван Коневской — плоть от

плоти своего отца, и не только в прямом генетическом смысле. Многие отличительные стороны личности Коневского, многие оттенки его идейных убеждений, его психологии поведения имеют наследственное происхождение. Цельность и определенность нравственных представлений, консерватизм, коренящийся не только в политических взглядах, но и в подчеркнутую почтительном отношении ко всему, что связано с поддержанием традиций и заветов, — с родом, домом, семейными устоями, благородство и предупредительная корректность в поведении, пристальный интерес к внутреннему миру личности в сочетании с известной асоциальностью, отчужденностью от злобы дня, — все эти черты наглядно проступают в духовном облике и отца, и сына.

Переписка Брюсова с Ореусом-отцом содержательна в нескольких аспектах. Прежде всего это документ, характеризующий историю подготовки посмертного издания «Стихов и прозы» Коневского и раскрывающий чрезвычайно значительную роль Брюсова в этом начинании. В письмах Ореуса-отца сообщаются также немаловажные биографические подробности, необходимые для создания более полного представления о жизни Коневского. Наконец, письма Ореуса-отца дают возможность взглянуть на Ореуса-сына в новом ракурсе, позволяют выявить похожесть и непохожесть отца и сына и оценить те нравственно-психологические связи, которые соединяли молодого поэта с его семьей, с определенной социально-культурной традицией.

Письма И. И. Ореуса к Брюсову до начала 1930-х годов хранились в архиве Брюсова, затем были переданы И. М. Брюсовой Н. Л. Степанову, готовившему издание сочинений Коневского. После смерти Н. Л. Степанова эти письма сохранились не полностью, часть их, к сожалению, откололась и, вероятно, затерялась. Здесь письма И. И. Ореуса печатаются по автографам, сохранившимся среди бумаг Н. Л. Степанова, а также по автографам, выявленным нами у различных коллекционеров.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ОРЕУСА
(1830—1909). СПб., 1910

Титульный лист

Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Основной корпус писем Брюсова к И. И. Ореусу не выявлен, поскольку местонахождение архива Ореуса неизвестно (вероятно, он утрачен). Имеются лишь 3 письма Брюсова к Ореусу, сохранившиеся в архиве Брюсова в ГБЛ (Ф. 386, 72.8), два из которых — черновики отосланных писем. Они включены в настоящую публикацию. Содержание неизвестных писем Брюсова к Ореусу отчасти реконструируется по ответным письмам отца поэта.

¹ Памяти Ивана Ивановича Ореуса (1830—1909) / По воспоминаниям друзей и почитателей составил М. Будагов. СПб., 1910. С. 3.

² ИРЛИ. Ф. 377. 1-е собрание автобиографий С. А. Венгерова. № 2064.

³ См. полный послужной список И. И. Ореуса (1896). — ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33204. Л. 6—13.

⁴ Некрологи И. И. Ореуса: Новое время. 1909. № 11923. 24 мая; Исторический вестник. 1909. Т. 117, № 7. С. 381 (составлен В. Е. Рудаковым).

⁵ Перечень литературных трудов И. И. Ореуса см. в приложении к брошюре М. Будагова «Памяти Ивана Ивановича Ореуса».

1. ОРЕУС — БРЮСОВУ

10 авг(уста) 1901 г.

Милостивый Государь,

Согласно желанию вашему, уведомляю о трагической судьбе, постигшей моего сына¹ — он утонул, купаясь в р(еке) Аа, в Лифляндии².

Вы его знали и ценили. Прошу вас — если вы человек верующий — помолиться о его детски-чистой душе.

И. Ореус

¹ Брюсов обратился к И. И. Ореусу после того, как до него дошли известия об исчезновении Коневского. Согласно справке И. М. Брюсовой (в письме к Н. Л. Степанову от 11 августа 1934 г.), эти известия содержало «письмо Н. Дьяконова от 31 июля 1901 г.: извещение Валерия Яковлевича о пропаже Ореуса» (Архив Н. Л. Степанова). Письмо Н. Г. Дьяконова см.: ЛК 1988. С. 22.

² Непосредственный отклик Брюсова на это известие — письмо к А. А. Шестеркиной от 15 августа 1901 г. (ЛН. Т. 85. С. 646—647). См. также вступительную статью.

2. ОРЕУС — БРЮСОВУ

С. Петербург, 29 авг(уста) 1901

Милостивый Государь Валерий Яковлевич (простите, если неверно называю по отчеству; из головы вышло), на предложение ваше относительно издания оставшихся после моего сына сочинений, должен отозваться, что еще не знаю, когда у меня хватит духа заняться разборкою его бумаг. — Вы поймете, что душевная рана моя еще слишком свежа и что всякое прикосновение к ней — всяких воспоминаний слишком болезненно.

Зная, как вы любили моего сына, вполне верю в горечь ваших чувств при роковом известии. — Верно вы сказали, что «смысл этой смерти вне человеческого понимания»; но я, 70-летний старец, давно уже убедился в том, что в жизни много такого, что выше нашего понимания и перед чем остается лишь смиренно преклонять голову. Блаженны те, которых Господь подкрепляет верою, и глубокого сожаления достойны те, которые лишены этого. Весь смысл жизни утрачивается, и не остается ничего, кроме отчаяния.

Вы имели с сыном моим сношения преимущественно на литературной почве. Не знаю, знаком ли вам был внутренний строй его личности. Поэтому не могу воздержаться, чтобы не приложить здесь его характеристики в выписке из письма одного из его молодых приятелей, бывшего студента петербургского университета. Она послужила мне немалой отрадой в переживаемое мною, невыразимо-скорбное время.

Уважающий вас

И. Ореус

Р. S. С 24 авг(уста) я на своей петербургской квартире.

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Н. М. СОКОЛОВА¹

(...) Я не могу описать, как был потрясен известием о безвременной смерти незабвенного друга и, кажется, так и не примирюсь с мыслью, что не придется более видеть его, вести с ним беседы, полные самого высокого значения, а — главное — любоваться его чистою, благородною душою. Он любил выражение «благородный», находил в нем глубокое, таинственное значение, его душа могла обнять все богатое содержание этого слова, потому что мало найдется людей, у которых все в жизни было так кристально-чисто, так благородно, как у отошедшего от нас. И он не берег, не дрожал над сокровищами своей души: он весь ушел в дело, которое он считал смыслом своей жизни. Каждая важная минута, всякая встреча будили в нем все одно желание — пером и словом служить своему делу, несмотря на препятствия, на недоброжелательство, на смехи... 18-летним юношей он будил в других такое же уважение к себе, какого иной не удостоивается и в 30 лет. Но его не только уважали, его любили, любили крепко, беззаветно за его *живую* душу. Он не только честно, серьезно относился к своим идеям, но и давал им плоть и кровь. Вечно живой, готовый к пропаганде своих заветных мыслей — он умел и в других пробуждать самые чистые, заветные чувства. И за это его любили еще больше, так как редко кто раздает направо, налево, полными пригоршнями свои богатства.

Идеалист во всем — он не считал того, что давал. А между тем, подобно всем его друзьям, постоянно ловишь себя на заимствовании из его неисчерпаемых сокровищниц.

К этому дивному образу молодого идеалиста-борца присоединяется еще одна черта, за которую он был мне особенно дорог. Мне случайно удалось узнать, как чутко относился он и к материальной нужде, и как деликатно он умел помогать... Такая духовная тонкость дана только избранным душам, и такую несомненно была душа покинувшего нас. Он ушел и уносит с собою много горя, много слез его близких и друзей, но еще больше он оставляет им. Каждый, знавший его, свято хранит частицу его светлой души, чтобы бережно пронести ее через все невзгоды жизни и ее грязь...

¹ Текст рукой И. И. Ореуса; приложен к письму.

Николай Михайлович Соколов — друг Коневского по студенческому «Литературно-мыслительному кружку», собиравшемуся в 1895—1900 гг., в который входили также С. П. Семенов, В. Р. Менжинский, В. Э. Нольде, И. Я. Вилибин, А. М. Рыкачев, С. А. Елачич, М. А. Елачич, Г. Л. Борейша, Ф. Д. Попов, П. Ц. Дорф (Зимницкий) и др. В тезисных мемуарных заметках С. П. Семенов обозначил «интересы участников кружка»: «У Соколова, Менжинского по преимуществу история и социология на экономической базе. У Нольде — история, литература (живопись). У Ореуса — философия и литература — поэзия, живопись. У Семенова — философия, литература, история. У Рыкачева — экономические, социологические»; «Собирались поочередно — у Соколова, Елачича, Дорфа, Семенова, Ореуса, Нольде, Рыкачева». Касаясь Коневского как участника кружка, Семенов отмечает: «У Ореуса была видна аполитичность, что было чуждо некоторым участникам; был чужд сперва своеобразный стиль его изложения и подчеркивание значения эстетического момента. Ореус относился ко всем занятиям кружка с полным интересом, споры вел исключительно на идейной почве»; «Во время спора И. И. всегда с полным вниманием относился к высказываниям собеседника (противника) и интересовался малейшими оттенками его мысли, стремился вполне понять и усвоить противоположные мнения. И затем (по окончании спора) останавливался на этих противоположных воззрениях, стараясь детально определить отношение их к своим взглядам, к проверке их» (Архив Н. Л. Степанова).

Сохранились планы и черновые наброски Н. М. Соколова к «реферату» о Коневском; среди них — следующие заметки: «... он *сознал* и провел чрез *научно-философскую рефлексию* свое художественное созерцание, усиленно *развил* в себе чувство «бездны» (...) и стремился поддерживать его в себе непрерывно: «подобает жить...»; «Коневской *развил* высшую способность сочувствовать, «угадывать» все, благодаря чувству общей связи, т. е. способности во всем видеть *символы*, но остался одиноким, т(ак) к(ак) не уловил, не осознал себя до конца»; «Итак, Ореус — один из наиболее последовательных и логических выразителей гуманистического периода нашего духовного развития (...) Ореус берет критерий *красоты* в личности, признавая *красоту* — космическим началом» (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 26, л. 2, 4, 7).

3. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 29 сент(ября) 1901

Милостивый Государь Валерий Яковлевич

Согласно вашему желанию — получить оставшиеся после моего сына рукописи (с целью издания их «для немногих») посылаю вам — в виде 1-й серии — два зачетных сочинения на последнем курсе университета, с пометками профессора Жданова¹.

Пользуюсь этим случаем, чтобы искренне поблагодарить вас за статью в «Мире искусств»², с добрым отзывом об умственном и нравственном строе покойного и начатках его литературной деятельности*. Вы были из числа немногих, эту деятельность понимавших и ценивших; большинство их не понимало. В этом большинстве — каюсь — состоял и я. Часто мы с ним спорили, оставаясь, впрочем, в самых дружеских отношениях. Извиняю себя тем, что мне 70 лет, что я рос и развивался на других литературных понятиях и требованиях, что мои старые мехи слишком ветхи для нового вина. — Ваша статья многое мне выяснила.

В более или менее непродолжительном времени, надеюсь — если Господь поможет — соберусь с духом и заняться разбором прочих рукописей. Разобрав, переishлю их вам.

Не могу не сказать в заключение, что, когда мы вторично — уже по православно-христианскому обряду, — предавали земле останки моего незабвенного Вани³, мне невольно пришли в голову последние строки из чудного стихотворения Лермонтова «На смерть кн. Одоевского»

...И, вкруг твоей могилы неизвестной

Все, чем при жизни радовался ты,

Судьба соединила так чудесно.

Он любил лес (помните его «Дебри») — и похоронен в лесу^{2*}; он любил ветер, находя в нем много поэзии — и в этот день, при чудной, ясной погоде, бушевал сильный ветер...

Простите за это дополнение к письму — оно само попросилось на бумагу.

Прошу вас о получении рукописей меня уведомить (Ивановская, 18).

И. Ореус

¹ Брюсову были высланы университетские зачетные сочинения Коневского «Судьбы Баратынского в истории русской поэзии» (октябрь — декабрь 1899 г.; ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 12) и «А. В. Кольцов (личная его природа и строй мыслей)» (июнь — ноябрь 1900 г.; ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 15). Оба сочинения имеют оценку «удовлетворительно», поставленную профессором Петербургского университета И. Н. Ждановым.

² Подразумевается статья Брюсова «Мудрое дитя (памяти И. Коневского)» (Мир искусства. 1901. № 8—9. С. 136—139). Ср. дневниковую запись Брюсова (сентябрь 1901 г.): «От отца Ореуса, ген.-лейт. И. И. Ореуса, получил письмо с благодарностью за мою статью в «Мире искусства» и с согласием на издание» (Дневники. С. 106).

³ Как сообщает И. И. Ореус в биографическом предисловии «Иван Коневской. Сведения о его жизни», тело погибшего поэта «было найдено через несколько дней и предано земле местным лютеранским пастором. Только после усиленных розысков отцу удалось узнать о судьбе единственного сына... Немецкая аккуратность местных властей сберегла все оставшееся от неизвестного покойника: одежду, вещи, бумаги. По этим признакам узнали безымянное тело и восстановили события последнего дня» (СП. С. X—XI).

⁴ Натурфилософская поэма «Дебри» (1897; СП. С. 30—35).

⁵ Этой фразой (с изъятием слова «сына») Брюсов заключал биографическое предисловие, подготовленное И. И. Ореусом (СП. С. XI). Она же является первоисточником заключительных строк его стихотворения «Памяти И. Коневского» (3 октября 1901 г.; в первой публикации: «Ивану Коневскому»: «Как хорошо тебе в лесу далеко, // Где ветер и березы, вяз и клен!» (1, 352).

* «Мудрый ребенок». Помнится, что вы же и назвали его так, посетив его, года 2—3 тому назад, кажется с г. Бальмонтом. Помню, что ему название это пришлось очень по сердцу и что он им очень тешился.

^{2*} Станция Зегевольд, близ Риги, окружена протестантским населением. Случайно там скончавшихся русских, с неимением православного кладбища, хоронят в особом отведенном месте, в лесу, прекрасно содержанном.

Скромная могила сына осежена кленом, вязом и березой⁵.

4. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

(Москва. Начало октября 1901 г.)

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я медлил писать Вам, так как хотелось мне доставить Вам этот самый № «Мира искусства» с моей статьей о «мудром дитяти». Но случилось так, что журнал неожиданно запоздал и Вы увидали его даже раньше моего.

Очень благодарю Вас за выписку из письма Соколова и тем более за Ваши строки об этой последней судьбе, о той березе, том клене и вязе, которые отныне должны стать всем нам столь дорогими, которые я так отчетливо себе теперь представляю.

Я прочел присланные Вами статьи ¹. Я удивился цельности, «целомудренности», как он говорил сам, его личности. Я тоже писал в университете «зачетные» и иные сочинения, но делал это, как все товарищи, внешне — общепринятым казенным тоном. Но статьи о Кольцове и Баратынском написаны совершенно так же, как предисловие к стихам Добролюбова ², как страницы для «Северных цветов». В этом ярко означает непосредственность его души. Это лучшее доказательство ненадуманности, простосердечности всего, что он писал. Все написано им именно только так, как он мог писать, не иначе.

Я упорно мечтаю о собрании его сочинений. Все же его писания — были тем, что он считал делом жизни, что сам он наиболее любил из всех своих деятельностей. Вы слишком знаете косность наших читателей. Почти с уверенностью можно сказать, что о *втором* издании можно будет говорить лишь очень не скоро. Тем более желательно было бы сочетать в первом, которое надолго останется (поскольку то доступно книге) воплощением его личности, — все черты, все виды его творчества и все, что могло бы служить к объяснению его. Мне представляется, что, кроме тщательно собранных его стихов (конечно, *всех*) и кроме его статей (тоже, думаю, *всех*), туда должны войти: его портрет, сведения хоть беглые о его жизни, очерки его души и его поэзии, сделанные теми, кто лично его знал (например, то же письмо Соколова раскрывает многое, что можно и не угадать по стихам и статьям) ³. Конечно, нужно ли это — решать именно Вам, но мне кажется, что необходимо хоть такой прозой договорить за него им недосказанное. Я сужу уже по себе. Я не знаю его жизни, я даже не знаю, сколько было ему точно лет. И во мне есть жадное желание, необходимость узнать это.

Ответ на п. 2 и 3. Черновик.

¹ См. п. 3. прим. 1.

² «К исследованию личности Александра Добролюбова» — предисловие Коневского в кн.: Добролюбов 1900.

³ См. прилож. к п. 2.

5. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

(Москва. 4 или 5 октября 1901 г.)

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Решаюсь послать Вам свои стихи, подсказанные Вашим письмом ¹. Знаю, что они не то, что надо бы, еще знаю, что в них не передано и все, что я хотел бы, — но надеюсь, что они не будут последними, в заглавии которых посвящение Вашему сыну.

В прошлом году для альманаха «Сев(ерные) цв(еты)» Ив. Коневской предложил статью о Щербине. Но после, написав по поводу статьи г-жи Гиппиус несколько страниц о современной литературе, предпочел заменить ими эту статью, так как она не имела характера злободневности, могла быть отложена ². Теперь издатели готовят «Сев(ерные) цветы на 1902-й год». Позвольте ли Вы включить в них эту отложенную статью? Она все равно назначалась для этого издания, а нам всем было бы сладко и хорошо еще однажды появиться в печати рядом с любимым именем.

Боже мой! как упрекаешь теперь себя, что не искал, не добивался даже с излишней назойливостью встреч и бесед с Вашим сыном. Их было так мало! Но ведь думалось, что впереди жизнь!

Я уже так много беспокоил Вас просьбами и вопросами, что решусь еще обратиться с ними: не известны ли Вам адреса Дм. Фридберга, Я. Эрлиха и Конради³, с которыми мы все сносилась исключительно через Вашего сына? Сообщением их Вы весьма обяжете нас.

С глубоким уважением Валерий Брюсов.

¹ Стих. Брюсова памяти Коневского («И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье...»), написанное 3 октября 1901 г. См. п. 3, прим. 5.

² См.: Переписка с Коневским, п. 55—56.

³ См.: Там же, п. 9, прим. 2: п. 52, прим. 2; п. 59, прим. 2.

6. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 6 окт(ября) 1901

Многоуважаемый Валерий Яковлевич

Я не могу не отнестись с полным сочувствием к вашим «мечтаниям» относительно издания задуманной книги. С своей стороны, по мере сил и умения, готов оказать содействие и неотлагательно приступлю к составлению биографии; а затем, собравшись с силами, приступлю и к разборке оставшихся рукописей, которые потом перешлю вам, — разумеется, исключив те, которые никому кроме меня не интересны¹.

Позволяю себе только, — раз навсегда, — одну просьбу, за которую, надеюсь, вы на меня не прогневаетесь. Прошу вас: в каких бы ни было *печатных* отзывах об Ив(ане) Конев(ском) быть по возможности сдержаннее. Просьба эта основывается на моих личных чувствах. Может быть, в сыне моем и обнаруживались задатки чего-нибудь крупного, но — ведь это все-таки были только задатки. Между тем вы, по доброму к нему расположению и сочувствию, можете, в ваших отзывах о нем, увлечься за грань беспристрастия и подать повод разным зоилам изощрять свое площадное остроумие. — Вы можете возразить, что на это не стоит обращать внимания. Совершенно верно, вообще; но признаюсь, что если б стали обливать помоями фельетонного зубоскальства память того, который был для меня дороже всего на свете, — мне было бы крайне больно. — Простите старика за непрошенное вмешательство в ваши труды; но видите, по опыту жизни знаю, какое множество людей, не переносящих равнодушно, если хвалят не их, а кого-нибудь другого; особенно литературная братия на это горазда. Лаяли ведь разные шавки даже на Пушкина, Гоголя и т. п., так уж с каким-нибудь начинающим писателем не поцеремонятся.

Занимаюсь теперь разбором библиотеки покойного, и только диву даюсь: чего, чего не успел уже перечитать он за свою недолгую жизнь! (не считая того, чем пользовался в публичных библиотеках)².

Не успел еще завершить этого письма, как получил (сегодня вечером) новое послание ваше, с стихами. Не знаю уж, как и благодарить вас. Стихи и сами по себе хороши, и глубоко прочувствованы. Я, вполне понимающий их смысл, был сильно растроган. Больно и сладко было мне читать их.

Ах, как хочется иногда... до боли хочется увидеть его. Понять меня вполне мог бы лишь тот, кто перечувствовал и переиспытал то, что перечувствовано и переиспытано мною за последнее время; но не доведи Бог никого!

Один прочный устой, одно неизменное утешение — вера Христова. Не раз, при тяжких жизненных ударах довелось мне испытывать это. Испытываю и теперь. Несение креста облегчается сладкой надеждой на свидание в ином мире «иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»³.

Отвечу теперь на вопросы, предложенные в вашем последнем письме.

1) Статью о Щербине, конечно, можете печатать, раз она уже предназначалась для Сев(ерных) цветов ⁴. К тому же я отнюдь не претендую на какие-либо права относительно сочинений моего сына.

2) Фридберг — лицо действительно существующее. Это юноша еврейского происхождения. В одно из собраний студенческого кружка, у нас на квартире, приглашен был писатель Сологуб (вам, конечно, известный), и он привел с собою еще совсем юного гимназиста Фридберга, по его словам обнаружившего недюжинный поэтический талант. Я сам его никогда не видал; но он, по-видимому, принадлежал к почитателям произведений Ивана Коневского; несколько раз приносил ему на разбор свои стихи, а потому, вероятно, в них и слышима подражательная нотка. — Адрес Фридберга мне неизвестен.

В последнем письме вы упомянули об Эрлихе. Его, бедного, постигла горькая участь: он в больнице душевно-больных. Заболел за несколько дней перед свадьбой своей, и я не знаю, есть ли надежда на выздоровление ⁵.

В заключение прошу вас, Вал(ерий) Як(овлевич), — если какие-нибудь ветры занесут вас в Питер — посетите меня. Приятно будет лично познакомиться с человеком, который так любил и ценил и понимал моего незабвенного сына.

С полным уважением остаюсь И. Ореус

¹ В найденном архиве И. И. Ореуса-отца должны были оставаться некоторые автографы произведений Коневского (списки с которых были представлены для «скорпионовского» издания), а также его неизвестные ранние шуточные стихотворения.

² Среди бумаг Коневского сохранились пространные списки прочитанных им книг (ЦГАЛФ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 6).

³ Цитируется текст из чина погребения: «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная» (Феофанов канон, Кондак, глас 8-й).

⁴ Статья Коневского «Мировоззрение Н. Ф. Щербины» была опубликована в СЦ 1902.

⁵ Ср. с этим сообщением дневниковую запись Брюсова (декабрь 1901 г.) — передача слов Мережковского: «Посмотрите, какой мор на декадентов: Добролюбов, Коневской, Эрлих! Это знамение» (Дневники. С. 110). О болезни Эрлиха извещал Брюсова и Н. М. Соколов (27 декабря 1901 г.): «(. . .) Я. И. Эрлих заболел психич(еским) расстройством» (ГБЛ. Ф. 386, 103.14).

7. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 13 окт(ября) 1901

Посылаю вам при сем, многоуважаемый В. Я., согласно желанию вашему, краткую биографию Ив. Коневского. Мне кажется, что она изложена достаточно сжато и объективно. А впрочем — со стороны виднее. За одно ручаюсь: от правды ни на одну иоту не отступлено. — Затем, если вы пожелаете сделать какие-нибудь дополнения или изменения (конечно, не касаясь сути), — я предоставляю это вполне благоусмотрению вашему ¹.

Сегодня я, наконец, собравшись с духом, приступил к разбору оставшихся после сына бумаг. Но успел разобрать очень немного, как посетил меня уже известный вам Николай Михайлович Соколов (личность очень умная и симпатичная). Он сообщил мне, между прочим, что вполне готов, с некоторыми другими друзьями покойного, сообщить свои о нем воспоминания, выдержки из писем и т. п. ²

Соколов спросил у меня ваш адрес, и сам войдет с вами в сношение по этому предмету ³.

Затем, имея в виду, что замыслы ваши относительно издания «поминальной» книги могут осуществиться, я не могу не высказать вам пришедшую мне в голову мысль, — конечно, нисколько не настаивая на ее исполнении.

Мне кажется, что, так как значительная часть сочинений И. Кон(евского) уже обнародована им в книге «Мечты и думы», то не лишнее ли будет включать эту часть в предполагаемое фирмою «Скорпион» издание? Издание это не делается ли чрез то чрезмерно объемистым и не обойдется ли фирме чересчур дорого? С другой стороны, так как оно назначается «для немногих», то, вероятно,

у этих немногих уже есть «Мечты и думы»; если же нет, то я могу служить им этим безмездно, так как у меня осталось еще с лишком 200 экземпляров.

Повторяю: я высказал только свою мысль; может быть, она очень ошибочна, и потому очень прошу вас ею не стесняться.

Преданный вам И. Ореус

Р. S. По мере разбора бумаг, буду высылать вам.

¹ Эта биография легла в основу предисловия «Иван Коневской. Сведения о его жизни», опубликованного без подписи автора (но с указанием, что «сведения сообщены близким родственником покойного»), с некоторыми сокращениями и редакторскими исправлениями и добавлениями, сделанными Брюсовым (СЛ. С. VII—XI). Текст, представленный И. И. Ореусом, сохранился среди его писем к Брюсову.

² В результате этих хлопот собрание рукописей Коневского было пополнено его письмами к А. Я. и И. Я. Билиным (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. пр. 17, 18); С. П. Семенову (Там же. Ед. пр. 21); Н. М. Соколову (Там же. Ед. пр. 22); А. М. Веселову (Там же. Ед. пр. 19).

³ Н. М. Соколов обратился к Брюсову с письмом 29 октября 1901 г., в котором ссылался на Ореуса-отца и выражал свою готовность обработать для задуманного издания некоторые рукописи Коневского (ГБЛ. Ф. 386, 103.14). «Несколько дней тому назад, — сообщал Соколов, — я получил в дар от лица, совершенно чужого Ив(ану) Ив(анови)чу, рукопись его пьес, к(отор)ую все считали пропавшею, помещенных в «Мечтах и думах»; важными особенностями этой тетради в 8° являются: стихотворения 1898—99 г., затем, можно по ней восстановить хронологические даты, надписи и посвящения, опущенные в издании 1900 г., стихотворения расположены в строго хронологическом порядке, что представит большой интерес для биографа. (. . .) наконец, имеются варианты, довольно любопытные». Далее Соколов характеризовал основные особенности одиннадцати записных книжек Коневского, содержащих черновые рукописи стихотворений и путевых заметок, и добавлял: «Так как я не знаю, намерены ли вы выдержать при издании последнюю авторскую редакцию или же восстановить все писания Ив(ана) Ив(анови)ча в их первоначальном виде, с их впервые задуманными заголовками, эпиграфами, посвящениями, всеми, даже отвергнутыми самим автором вариантами, словом, выпустить критическое издание, то прошу Вас уведомить меня об этом». Сообщив далее несколько конкретных соображений текстологического характера, Соколов заключал: «Что до воспоминаний и характеристик, то мысль о них зародилась у некоторых друзей Ив(ана) Ив(анови)ча немедленно по его кончине, но они не знали, к чему бы приурочить свои заметки. Ваш благородный почин и вызов нашли большое сочувствие у больших друзей почившего — С. П. Семенова и П. П. Конради. Я с удовольствием присоединяюсь к ним. Хотя не могу скрыть, что воспоминания мои не обильны фактами, так что предоставляю их в Ваше полное распоряжение для переработки, если это понадобится для биографии. Вы очень обязали бы меня, сообщив приблизительно срок, к которому следовало бы окончить пересылку Вам и критическ(их) и биографическ(их) работ». Брюсов ответил Соколову следующим письмом, относящимся к ноябрю 1901 г. (ИРЛИ. Ф. 444, Ед. пр. 42):

«1901

Многоуважаемый г. Соколов

Отвечаю Вам поздно, ибо занят до без конца. Все хотел послать Вам и Ив. Ив. на обсуждение свой план издания, но некогда окончить его. Позвольте повременить немного еще. Сейчас время пред новым годом, самое деятельное в издательстве «Скорпион» и журнале „Русский архив“, где я принимаю близкое участие.

А прежде чем будет установлен общий план издания, почти невозможно приступить к «обработыванию» его отдельных частей. Надо решить с точностью:

- 1) Все ли печатать.
- 2) В каком чтении.
- 3) Какие разночтения приводить.
- 4) Какой принять порядок расположения.

С другой стороны, решение этих вопросов во многом зависит от количества материала, который окажется в нашем распоряжении. У меня с своей стороны есть две статьи: О Лафогге и Щербине, несколько неизданных стихов (немного) и письма. Нельзя ли составить предварительный список всего оставшегося? Затем, не начнете ли Вы уже теперь розыски писем Ив. Ив., из которых многие непременно должны бы войти в сборник? Но уступят ли их владельцы? Напр., о Вл. Гиппиусе я думаю, чт о не уступит. Далее, не пора ли уже составлять те «воспоминания» и «характеристики», которые мы приложим к изданию? Кто именно предлагает их? Вы, Семенов, Конради — трое? или еще кто? Вот что мне кажется самым первым делом. Во всяком случае раньше осени 1902 года нельзя надеяться напечатать книгу, значит время есть. Хорошо бы весь материал собрать (хоть перепечатанным) к середине декабря. Я буду в Петербурге и мы могли бы устно и сообща распределить между собой работу. По моим представлениям книжка могла бы быть тогда составлена в рукописи к марту или апрелю. Конечно, она будет свыше 10 листов; цензуры не потребуется. Можно будет печатать не спеша. Летом она будет готова, а осенью «выйдет». Не удивляйтесь, что я ставлю столь большие сроки; я уже имел дело с подобными изданиями и знаю, сколько неожиданных затруднений возникает по пути.

Простите бессвязность письма: очень тороплюсь.

Пожалуйста, не откажите сообщить мне адрес П. П. Конради или еще того лучше передать ему, что Сев(ерные) цветы были бы рады напечатать его рассказ, но тогда он должен быть доставлен в самом близком времени. Цветы уже печатаются.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов»

8. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 20 октября 1901

Вчера получил я письмо ваше, многоуважаемый В. Я., и с удовольствием готов — насколько могу (теперь и впредь) — заполнять пробелы в биографии И. К. ¹

Во 1-ых, здоровьем он всегда пользовался очень хорошим (была только одна серьезная болезнь — скарлатина, в 3-ем классе гимназии); о каких-либо хронических недугах, благодаря Бога и помину не было. Если он вам говорил о какой-нибудь болезни, то разумел, вероятно, болезненное душевное настроение. Предполагаю (может быть и ошибочно), что оно могло овладеть им при переходе из отроческого в юношеский возраст (между 14 и 16 годами жизни), когда в организме нашем происходят невидимые физиологические процессы, конечно, тем или другим образом влияющие на мозг и нервы. Допустив это предположение, можно приурочить к нему и приведенные вами стихи: «Небо, земля, что за чудные звуки...» ², потому что они (как я усмотрел из чернового их наброска) написаны в феврале 1895 г.; значит, время их написания совпадает с окончанием вышесказанной переходной эпохи.

Одним, достойным сожаления, физическим недостатком И. К. была его чрезмерная нервность. Но и это я объясняю себе очень просто: 1) наследственной чертою, воспрнятою от родителя; 2) слишком ранней, не по летам развившейся мозговой деятельностью. С свойственной юности самонадеянностью он пытался разрешать трудно — или вовсе неразрешимые вопросы; конечно, на первых же шагах осекался, становился в тупик и, при цельности его природы, при отвращении к всяческим компромиссам, терзался такою неопределенностью. Между тем, эта внутренняя работа никогда не покидала его. Меня и других любивших его людей это очень тревожило. Не раз пытались его уговаривать — дать себе отдых, хоть на время; ответ был один: «не могу! в этом моя жизнь». Что тут было делать? — и как заставить человека не мыслить? — Но между тем он при этом вовсе не был угрюм или меланхолик; напротив — вполне жизнерадостен, и в обществе близких людей готов был самым детски-искренним смехом встречать всякий забавный рассказ, всякую остроту.

Относительно путешествий его в З(ападной) Европе могу сообщить, что он ездил туда дважды, в 1897 и 1898 гг. В первый раз поехал он через Вену в Зальцбург, Мюнхен, Нюрнберг, исходил пешком значительную часть Тюрингии, где, в Байрейте, довелось ему услышать знаменитую оперу Вагнера «Парсифаль». — В 1898 г. он отправился морем в Любек, потом в Кельн, проехал по Рейну до Гейдельберга, оттуда в Швейцарию и С(еверную) Италию, а возвратился опять через окрестность Зальцбурга. Каждое из этих путешествий продолжалось 1½—2 месяца, и впечатления, из них вынесенные, помещены в «Мечтах и думах».

Вот все, что на этот раз могу сообщить вам ³. — Что касается до предполагаемого издания, то я вполне соглашаюсь с вашими доводами; позволил же себе высказать мою мысль только потому, что опасался, как бы книгоиздательская фирма не понесла непроизводительных материальных затрат ⁴. Если она того не боится — тем лучше. И, вообще, по этой части — вам и книги в руки, многоуважаемый В. Я. Я же вовсе не в курсе современных литературных запросов.

В настоящее время я занят перепискою оставшихся после него и еще нигде не напечатанных стихов; в скором времени перешлю их вам, с включением всех вариантов ⁵.

Кроме того найдено мною несколько тетрадей, где вписывались прочитанные

им книги, а также извлечения из них некоторых мест. Если это может послужить к характеристике И. К., то могу выслать вам и означенные тетради ⁶.

С совершенным уважением И. Ореус

¹ Видимо, Брюсов в своем письме просил И. И. Ореуса сообщить дополнительные подробности биографии сына, не отраженные в кратком своде сведений, приложенном к п. 7.

² Первая строка стих. Коневского «Воскресение», датированного 19 февраля 1895 г. (СП. С. 2—3).

³ Часть сведений, сообщенных здесь Ореусом-отцом (в том числе о заграничных поездках Коневского), Брюсов включил в предисловие «Иван Коневской. Сведения о его жизни» (с. VIII—IX).

⁴ Брюсов в письме к Ореусу, видимо, настаивал на максимально возможной полноте задуманного издания, в том числе и на переиздании сочинений, ранее опубликованных в «Мечтах и думах».

⁵ Списки стихотворений Коневского, подготовленные Ореусом-отцом, сохранились в архиве Н. Л. Степанова.

⁶ См. п. 6, прим. 2.

9. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 5 нояб(ря) 1901

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Посылаю вам копии найденных мною и не бывших в печати стихотворений сына (числом 44). Копии сняты мною с буквальной точностью и с приведением всех вариантов ¹.

В стихах этих, между прочим, нередко упоминается о «Варягах». Племя это интересовало покойного потому, что наша фамилия родом из Швеции, и весьма возможно, что между предками были участники отважных морских набегов разных викингов и берсеркеров ².

Прошу вас уведомить меня о получении прилагаемого сборника.

Из прочих бумаг сына сохранились:

1) Вступление к сочинению «Поэзия гр. Ал. Толстого» ³.

2) «Стихотворная лирика в современной России» (написано в 1896—97 гг.) ⁴.

3) Переводы (в прозе) разных стихов: Свинбёрна, Виеле-Гриффина, Эмиля Верхарена ⁵.

4) Описи прочитанным книгам и статьям (за несколько лет), с выписками из некоторых ⁶.

5) Несколько тетрадей с разными гимназическими сочинениями, а равно последующими отдельными набросками мыслей и рассуждений, отзывов о предметах искусства и т. п. ⁷

Все эти бумаги могли бы — как мне кажется — послужить хорошим материалом для характеристики и выяснения мировоззрений Ив. Коневского. Если хотите — я могу их переслать вам, по первому вашему требованию.

Описи прочитанным книгам заслуживают особого внимания, как указатель или мерило научной и художественно-литературной подготовки покойного.

С полным уважением остаюсь покорный слуга ваш

И. Ореус

¹ Ср. сообщение Н. М. Соколова в письме к Брюсову от 29 октября 1901 г.: «...Ив(ан) Ив(анович) старший переписывает для издания все пьесы, еще не напечатанные» (ГБЛ. Ф. 386, 103.14).

² Берсерк — в средневековой Скандинавии свирепый воин, который в битве приходил в иступление, становился подобен дикому зверю и, согласно поверью, был неуязвим; в исландских сагах берсерками называли также разбойников, притеснявших местных жителей, вызывая их на поединки и отнимая у них жен и добро.

³ ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 11.

⁴ Там же, ед. хр. 6.

⁵ Рукописный сборник прозаических переводов Коневского включает произведения А. Суинберна, Д. Г. Россетти (сонеты), М. Метерлинка (из «Сокровищницы Смирения»; «Трагизм повседневности»), А. де Ренье (из «Домохранительницы», из «Игр сельских и божеских»), Ф. Виеле-Гриффена (из сб. «Лебеди»), Э. Верхарна, Р. У. Эмерсона, Новалиса («Гимны к ночи»), Г. фон Гофманстала, И. В. Гете (ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 9, 235 л.).

⁶ Там же, Ед. хр. 6.

⁷ Там же. Ед. хр. 10—14.

10. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 13 ноября (1)901

Два дня тому назад получил я письмо ваше, многоуважаемый Валерий Яковлевич. Благодарю еще раз за добрые отзывы о личности и творчестве покойного моего сына. Боюсь только; не придаете ли вы уж слишком большого значения его творчеству. Впрочем, я, как старого века человек, в этом деле не судья.

Что касается плана предполагаемого вами издания, то я готов служить вам своими советами, по мере разумения; хотя в издательском деле считаю себя далеко не компетентным, ибо никогда им не занимался. Полагаюсь и в данном случае на ваш вкус, умелость и знакомство с новейшими литературными запросами; но это, конечно, не мешает обменяться мнениями. Ум хорошо, а два лучше.

С Соколовым, надеюсь, вы столкнетесь; он — малый разумный.

Если в начале декабря будете в Питере, то на всякий случай предупреджу вас, что дома меня застать всего легче от 10 ч. утра до 1 ч. пополудни.

С полным уважением остаюсь готовый к услугам вашим

И. О р е у с

11. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 21 дек(абря) 1901

Много благодарен вам, уважаемый Валерий Яковлевич, за полученное мною вчера письмо. Жалею о задержке вашей поездки в Питер и, главное, о причине этой задержки.

Меня глубоко трогает ваше теплое отношение к памяти нашего незабвенно-го Вани. Если вы ощущаете пустоту без него, то посудите, каково мне. Однако, при помощи Божией, не поддаюсь духу уныния — сему лютому врагу человека.

Что касается того, должен или не должен был он уходить от нас, то верьте — это не нашего ума дело. Старая, но вечно юная истина: «пути Божии неисповедимы».

Относительно движения работ по задуманному по вашей инициативе изданию, наиболее обстоятельные сведения может вам доставить Ник. Мих. Соколов, которому одновременно с этим письмом посылаю о сем записку. Я отдал ему почти все остававшиеся у меня рукописи, и он, по-видимому, весьма усидчиво занимается разбором их¹.

Итак, до свидания, — Бог даст — в январе². Желаю вам всего лучшего в грядущем году.

С полным уважением остаюсь готовый к услугам

И. О р е у с

¹ О ходе своей работы Соколов подробно сообщил Брюсову в письме от 27 декабря 1901 г.: «Все это время я занимался подбором и группировкою рукописей, а также старою работою — обработкою печатного текста по записным книжкам и сборникам стихов, имевшимся у меня под руками. Я определял даты места и времени, иногда обстановку, при к(ото)рой созрела та или иная вещь, — наконец, важнейшие варианты. Кстати, вы выразили опасение, что я хочу придать изданию "академический вид". На чем основано Ваше мнение? Я, лично, в начале работ смотрел на свою задачу как на предварительную подготовку текста к редакционной обработке, взял за образец издание А. Добролюбова (...) окончательный выбор вариантов я считал принадлежащим людям, более меня компетентным в оценке стихотворных песен». Далее Соколов говорил (ссылаясь на мнение большинства петерб(ургских) друзей Коневского) о желательности того, чтобы в основу нового издания был положен авторский сборник «Мечты и думы», в его составе и композиции, а также о работе над воспоминаниями о покойном поэте: «На Рождестве написаны будут очерки гг. А. Я. Билибиным и Ф. А. Лютером. Обещал еще очерк И. Я. Билибин. Первый изобразит последние годы (1896—1901); второй, наставник Ив. Ив. — коснется его ученических лет по преимуществу; третий расскажет историю своего знакомства в гимназии (1890—96). Сверх того посланы письма А. Ф. Калю и А. М. Веселову, близким друзьям покойного». Далее Соколов охарактеризовал рукописи, составляющие архив Коневского, и высказал свои соображения о том, что из них должно найти отражение в будущем издании: «...я отстаиваю возможную полноту при издании, но не стою за печата-

ние даже половины (. . .) Личность Ореуса так цельна и многогранна, что нельзя опустить им одной из его душевных сторон, но лучше всего выбрать *типическое* (ГБЛ. Ф. 386, 103.14).

² Личное знакомство Брюсова с И. И. Ореусом состоялось 12 февраля 1902 г., во время очередного приезда Брюсова в Петербург; на следующий день 13 февраля Брюсов встретился у Ореуса с С. П. Семеновым и родственником покойного поэта Н. Г. Дьяконовым. «... Был у Ореуса, — зафиксировал Брюсов в дневнике. — Там же был Дьяконов и С. П. Семенов. Показывали тетради юношеские Коневского. О нем с детства заботились и дар его лелеяли. Говорили в общеконсервативном тоне. Старый Ореус говорит медленно, глаза его тихо моргают, руки дрожат. В доме живет и бывшая гувернантка Вани. Отец многие из бумаг Вани переписывал сам (и прежде, при его жизни), при этом Ваня очень спорил против малейшей перемены» (Дневники. С. 116).

12. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 15 апреля 1902

На радостное приветствие ваше, уважаемый Валерий Яковлевич, спешу ответить другим, столь же радостным: — «воистину воскрес!»¹. В этих двух приветствиях должны заключаться для христианина и вера в личное бессмертие, и сладкая надежда на свидание с теми, которые, по неисповедимым путям Божиим, были отняты у нас.

Затем позвольте от души поблагодарить вас за внимание, выраженное мне присылкою сборника «Сев(ерные) цветы»²; с содержанием его я еще не успел ознакомиться, но особенно дорог он мне уже потому, что встречаю в нем незабвенное для меня имя.

Что касается до тех произведений покойного Вани, которые я вам передал, то — раз навсегда — предоставляю вам распоряжаться ими по вашему личному усмотрению. Вы, конечно, лучше меня можете обсудить, которые из них заслуживают внимания. Я передал их вам «в вечное и потомственное владение», и слова своего не беру назад.

Тетрадь, переданную вам Дьяконовым³, я попросил бы вас долго не задерживать, так как Николай Григорьевич крепко любил покойного и дорожит каждым воспоминанием о нем.

Н. М. Соколов вернулся из Выборга и посетил меня⁴.

Затем позвольте пожелать вам всего хорошего и верить в искреннее уважение и преданность мои

И. Ореус

Г. Лангу прошу передать мой привет и поздравление с светлым праздником.

¹ Ответ на пасхальное поздравление Брюсова. Пасхальное воскресенье в 1902 г. приходилось на 14 апреля.

² Альманах «Северные цветы на 1902 г.» вышел в свет в марте 1902 г.; в нем были напечатаны подборка стихотворений Коневского и его статья «Мировоззрение Н. Ф. Щербинь».

³ О Н. Г. Дьяконове см.: Переписка с Коневским, п. 19, прим. 3. Указанную тетрадь с рукописями Коневского Брюсов получил от Дьяконова, видимо, 13 февраля 1902 г. в Петербурге; ныне она, по всей вероятности, утрачена.

⁴ В феврале — марте 1902 г. Соколов жил в Выборге и поэтому не смог повидаться с Брюсовым во время его пребывания в Петербурге. 21 марта он писал Брюсову из Выборга: «С. П. Семенов сообщил мне, что Вы были в Петербурге и, не застав меня там, предположили написать мне письмо относительно издания сочинений И. Коневского (. . .) Буду ждать письма на мою прежнюю квартиру (. . .) куда я переезжаю завтра» (ГБЛ. Ф. 386, 103.14). К этому времени Брюсов свое письмо к Соколову уже отправил:

«Марта 18 дня 1902 г.

Я так виноват перед Вами молчанием, что мне остается только обращаться к Вашей снисходительности. Я видел Вашу работу над книгой Коневского. Кажется мне, это то самое, что нужно. Если Вам это дело по сердцу, — продолжайте его. Вам, вероятно, уже указали на замеченные мною (конечно, случайно) варианты, Вами не отмеченные, в длинненьком альбомчике у Ив. Ив. Ореуса-старшего. Этот альбомчик следовало бы использовать. Раньше лета приступить к печатанию не придется. Но соберем ли мы матерьялы к тому времени? Статья о Лафоре и Щербине у меня. А где перевод статьи о Леонардо да Винчи, который мне показывал когда-то Коневской? Не знаете ли Вы?

Не гневайтесь на мою немислимую неаккуратность. Пишите мне. Сердечно уважающий

Валерий Брюсов.

13. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 28 окт(ября) 1902

Большое спасибо Вам, милый Валерий Яковлевич, и г. Лангу, что не забыли старика и почтили присылкою книги, связанной с памятью о моем незабвенном Ване¹.

Конечно, книга эта не про меня писана, — что обуславливается самым заглавием ее предисловия «Ко всем, кто ищет». Для меня, 72-летнего старца, уже миновал период всяких исканий и порывов; но это отнюдь не значит, что я отношусь к ним отрицательно: они — в природе человека, еще не утомленного жизнью. Результаты их — в руке Божией.

Н. М. Соколова я уже давно не видел. Он, кажется, получил место преподавателя, и, верно, очень занят. Постараюсь повидать его и передать ему Ваше желание².

8 июля, в тяжкую для меня годовщину, посетил я, с моим свояком Дьяконовым, дорогую могилку в Зегевольде и помолился на ней. В этот же день прибыл туда один из друзей покойного, А. Я. Билибин, привезший прекрасный венок от товарищей по 1-й гимназии. Он привез тоже фотографический аппарат, для снятия вида могилы; но, к крайнему сожалению, пластинки испортились, и ничего не вышло.

Принося еще раз искреннюю мою благодарность, остаюсь

преданный Вам И. О р е у с

¹ Имеется в виду издание: *Миропольский А. Л. Лествица. Поэма*. М.: Скорпион, 1903 [1902]. Книге были предпосланы предисловие Брюсова «Ко всем, кто ищет» и его стихотворение «Ивану Коневскому» («И ты счастлив, нам скорбь — тебе веселье»), а также посвящение: «Ивану Коневскому. Который так любил эту поэму, лествицу, при жизни, ныне, когда он отошел от нас в иной мир — с прежним сознанием близости — посвящает ее — А. Л. Миропольский».

«...Коневской — был (быть может единственным) почитателем "Лествицы"», — свидетельствует Н. Е. Поярков в своей книге критических этюдов «Поэты наших дней» (М., 1907. С. 20). Посвящение «Лествицы» Коневскому, вероятно, было не только актом ответной признательности Миропольского-Ланга за высокую оценку его произведения (кардинально отредактированного и частично переписанного Брюсовым; см. его правку в корректуре книги: *ГБЛ. Ф. 386 57.30*), но и подразумевало внутреннюю связь между метафизическим путем самосовершенствования, намечаемым в поэме, и духовным обликом и философскими медитациями Коневского. Попутно отметим, что в *Библиографии I* (с. 128) Брюсову приписана «рецензия-мистификация» на «Лествицу» («Наши декаденты»), опубликованная в «Московских ведомостях» (1902. № 340. 10 дек. С. 5) и подписанная криптонимом «В. Б.». Нет, однако, никаких реальных оснований из случайного совпадения инициалов (ими подписаны и некоторые другие корреспонденции в «Московских ведомостях») делать столь ответственные заключения: рецензия выдержана в традиционно ретроградном, глумливом стиле, характерном для профиля этой консервативной газеты и ее позиции по отношению к «декадентам», и не заключает в себе решительно никаких примет, по которым можно было бы заподозрить «мистификацию» Брюсова.

² Пространное письмо Н. М. Соколова к Брюсову с отчетом о ходе работ по подготовке издания Коневского датировано 16 мая 1902 г. (*ЦГАЛИ. Ф. 259. Оп. 3. Ед. хр. 25*); возможно, оно вовремя не дошло до адресата. Соколов указал на недоразумение (после обращения Брюсова к И. И. Ореусу) в письме к Брюсову от 7 ноября 1902 г., упомянув о ранее отправленном письме и о том, что он ждет «ответа на поставленные там вопросы» (*ГБЛ. Ф. 386, 103.14*). 16 мая Соколов сообщил Брюсову: «В настоящее время предварительные разборы закончены мною, и я пишу теперь статью о покойном друге (. . .) Писем мне почти не удалось собрать или я их отклонил, т(ак) к(ак) они представляли собою лишь черновые наброски разных напечатанных и законченных для печати работ, гл(авным) обр(азом) «Умозрений странствий». Такова, впрочем, вообще была манера» покойного И. И. — Прочие же статьи, заметки, фрагменты и переводы подобраны мною. Небходимое дополнение к «Мечтам и думам» мною переписано для печати. Я выправил в «Мечтах и думах» все, что, по Вашему справедливому указанию, я раньше не выправил. Таким образом, готова вполне к печати 1-я серия трудов Коневского: его стихотворения и «Думы» над жизнью народов, городов, над думами музыкантов и живописцев». Далее Соколов подробно характеризовал собранные им рукописи Коневского и резюмировал: «...цель, поставленная мною себе осенью, когда я приступал к работе, выполнена, и я спешу поделиться с Вами результатами. Жду дальнейших известий».

14. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 4 марта 1903

Одновременно с этим письмом отправляю к Вам, милый Валерий Яковлевич, посылку с рукописями Ив. Коневского, приведенными в порядок Н. М. Соколовым¹. Предоставляю Вам распорядиться ими по вашему благоусмотрению².

К настоящему же письму приложена пояснительная записка Н. М. Соколова. Там же и его адрес, на случай, если бы захотели вы написать ему.

Пожелав вам всего хорошего, остаюсь уважающий вас

И. Ореус

P. S. Благоволите уведомить меня о получении посылки.

¹ В предисловии «От издателей» к посмертному собранию сочинений Коневского сообщалось: «Работу по собиранию рукописей, сличению их и подбору вариантов исполнил Н. М. Соколов» (СП. С. VI). Сохранился экземпляр МД с многочисленными текстологическими пометами Н. М. Соколова и дарственной надписью ему от автора (см.: Книги и рукописи из собрания М. С. Лесмана. М., 1989. С. 116).

15. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Павловск.) 28 июня 1903

С чувством глубокого нравственного удовлетворения прочел я письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, — и не потому, что произведения сына появятся в печати¹ (я не ожидаю для них успеха), а потому, что вижу, какую добрую по себе память оставил он в людях, близко его знавших, к которым принадлежите и вы. Вот что мне особенно дорого и что служит немалым утешением в невозвратной потере.

Пройдя через долгий и подчас крайне скорбный жизненный опыт, немало повращавшись среди людей, я хорошо сознаю, что Ваня, при складе его ума и характера, мало имел шансов на так называемое *счастье* в жизни, и что ему — уповаю — лучше *там*, нежели было бы *здесь*. Но сердце идет в разлад с разумом: по временам и возмущается и болит.

Но да будет воля Господа! Не нам предъявлять ей свои ограниченные и близорукие протесты.

В роковой день 8 июля (2-я годовщина) я, если Бог позволит, буду в Зегевольде, куда собираются и несколько друзей покойного, чтобы вместе помолиться на дорогой могиле. Жаль, что от Москвы так далеко, а то может быть и вы приехали.

В настоящее время я проживаю на даче. Если будете посылать мне корректуры, то вот (приблизительно до середины августа) мой адрес: г. Павловск (Петербургской) губернии, Гумолосарская дорога, д. 8.

Прощайте, милый Валерий Яковлевич, дай Бог вам всего хорошего. Прошу верить в мои дружеские чувства.

И. Ореус

Г. Лангу мой поклон.

¹ Видимо, Брюсов сообщал И. И. Ореусу, что «Скорпион» приступил к изданию посмертного собрания произведений Коневского.

16. ОРЕУС — БРЮСОВУ

22 июля 1903 г., Павловск (Гумолосарская ул., 16)

На полученное мною сегодня письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, спешу снова заявить, что форму и объем издания сочинений И(вана) К(оневского) предоставляю вполне на ваше усмотрение, так как считаю себя в этом деле совершенно некомпетентным. Помещайте и выпускайте то, что признаете нужным. Об одном лишь настоятельно прошу: не пропечатывать настоящей фа-

милли Вани, а ограничиться псевдонимом ¹. Ведь от этого книга ничего не потеряет.

8 июля удалось мне побывать в Зегевольде. Отрадно было мне встретить там свояка моего Н. Гр. Дьяконова, горячо любившего покойного, а также Ф. А. Лютера, бывшего учителя, а потом друга Вани, и его гимназических и университетских друзей: Каля ² и Билибина.

Помимо воспоминаний, Зегевольд может любителю природы доставить немало наслаждения. Я еще раз удостоверился, как симпатично было бы моему незабвенному сыну то место, которому Господь судил быть местом упокоения его праха. Если когда-нибудь Бог приведет вас туда — вы сами в этом убедитесь ³.

Пожелав вам всего хорошего и поблагодарив за *все*, остаюсь искренне преданный

И. Ореус

¹ В посмертном собрании сочинений Коневского его настоящая фамилия нигде не была обозначена.

² Алексей Федорович *Каль* (1878—1948) обучался вместе с Коневским в 1-й Петербургской гимназии (окончил в 1896 г.), окончил классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета в 1901 г.; впоследствии преподавал латинский язык в 6-й и 1-й Петербургской гимназии, а также в Александровском лицее; приват-доцент Петербургского университета; музыковед, с 1921 г. жил в США. См.: *ЛН*. Т. 92, кн. 4. С. 183, 201. См. некрологическую заметку: *Los Angeles Times*. 10 Sept. 1948, — сообщено Д. Шероном.

³ Брюсов посетил могилу Коневского в июле 1911 г. См. его стих. «На могиле Ивана Коневского», датированное 13 июля 1911 г. (II, 63—64).

17. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 29 сентября 1903)

Последнее письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, я получил 20 сент(ября); но корректура, которую вы намеревались мне выслать для просмотра, до сих пор мною не получена ¹. На всякий случай, счел нужным сообщить вам об этом.

Желая вам всего хорошего, остаюсь преданный

И. Ореус

¹ Открытка. Имеется в виду корректура «Стихов и прозы» Коневского.

18. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 17.XI.1903

При сем возвращаю вам, милый Валерий Яковлевич, доставленные мне корректурные листки ¹, с весьма немногими пометками и примечаниями.

Сердечно желаю, чтобы вы поскорее оправились от болезни ².

И. Ореус

¹ См. п. 17, прим. 1.

² 13 ноября 1903 г. Брюсов перенес операцию под хлороформом с целью излечения от гайморита. См.: *Дневники*. С. 134—135; *ЛН*. Т. 85. С. 370—371.

19. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 4.XII.1903

Спешу возвратить вам, милый Валерий Яковлевич, корректуру биографии И. Кон(евского). В ней я только вычеркнул слово «отцом», заменив словами «близким родственником» ¹. Прошу вас так и печатать, потому что в отзыве отца всегда предполагается немалая доза пристрастия, — а я этого-то и не желаю. Старался я писать по возможности объективно; но ведь с сердцем — особенно

при тяжком горе — не всегда справишься. Вы, хорошо знавшие и любившие покойного, можете судить, верно ли изобразил я его личность, но посторонние — дело другое.

Надеюсь, милый В. Я., что вы теперь совершенно оправились от болезни², — чего душевно Вам желает

преданный Вам И. О р е у с

¹ В предуведомлении «От издателей» и примечании к биографическому очерку сообщается, что сведения о Коневском «сообщены близким родственником покойного» (СП. С. VI, VII).

² См. п. 18, прим. 2.

20. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 11.XII.1903

Долгом считаю уведомить вас, милый В. Я., что фотографии мною получены и переданы г. Дьяконову¹.

Судя по последнему письму вашему, появление в свете сочинений Ив(ана) Кон(евского) уже не за горами. По выходе их, благоволиите выслать мне *десять* экземпляров, которые хочу раздать здешним друзьям покойного. При этом сообщите о цене (конечно, с пересылкою) дабы я мог немедленно доставить вам следующие за них деньги.

Преданный Вам И. О р е у с

¹ Видимо, Н. Г. Дьяконов передавал ранее Брюсову фотографии Коневского.

21. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 18.XII. 1903

Письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, я получил. Очень благодарен.

Н. М. Соколову я желал бы сам поднести экземпляр книги, как выражение моей признательности за его труды¹; но если вы считаете нужным послать и от вас, то вот его адрес: Пантелеймонская, 8, кв. 58.

Затем, пожелав вам на новый год всего хорошего, остаюсь преданный вам

И. О р е у с

¹ Этот экземпляр «Стихов и прозы» сохранился в собрании Н. В. Котрелева (Москва); дарственная надпись: «Н. М. Соколову на память — о рано отшедшем приятеле благодарный И. О.».

22. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 27 декабря 1903)

Благодарю вас, милый Валерий Яковлевич, за книгу¹. Она пришла ко мне вечером в Сочельник, как бы подарок «на елку». С нетерпением ожидаю-присылки остальных 9 экземпляров. Письмо ваше получил вчера. Я так и думал, что при брошюровке произошла ошибка².

Преданный Вам И. О р е у с

¹ «Стихи и проза» Коневского вышли в свет в начале последней декады декабря 1903 г.

² Видимо, подразумевается местоположение вклейки с портретом Коневского работы Е. С. Крутливой: она находится между титульным листом и предисловием «От издателей», а не на обычном в таких случаях месте — на фронтисписе, т. е. с левой стороны от титульного листа.

23. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург.) 2.I.1904

На письмо ваше, милый Валерий Яковлевич, спешу ответить, что оставшиеся у вас рукописи прошу *сжечь*, — конечно, кроме тех, которые еще не напечатаны и которыми вы предполагаете воспользоваться для ваших изданий¹.

После праздников буду ожидать присылки книг.

Пожелав всего лучшего в наступившем году, остаюсь преданный вам

И. О р е у с

¹ Брюсов распоряжения И. И. Ореуса не выполнил: поступившие к нему рукописи Коневского и другие материалы были им сохранены, составив впоследствии основу личного фонда Коневского в ЦГАЛИ; часть материалов, относящихся к Коневскому, в 1930-е годы была передана И. М. Брюсовой Н. Л. Степанову.

24. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 20 января 1904)

Благодарю вас, милый Валерий Яковлевич, за присланные 10 экземпляров. Издана книга, по-моему, хорошо; но портрет, действительно, очень не удался ¹.

Преданный Вам И. Ореус

¹ Портрет для издания Е. С. Кругликова делала не с натуры, а по фотографии, на которой Коневской был снят в группе с А. Я. Билибиным, А. Ф. Калем и И. Я. Билибиным. См.: Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, между с. 48 и 49 наст. кн., С. 462.

25. ОРЕУС — БРЮСОВУ

(Петербург. 11 февраля 1904)

Очень обязан вам, милый Вал(ерий) Як(овлевич), за доставленную статью. Как всякий сочувственный отклик о незабвенном покойнике, она была отрадна моему сердцу. Кто бы ни был автор — спасибо ему! ¹

Что касается портрета... лучше, если бы его совсем не было ².

Писать Вам больше ничего не могу. Мысли слишком поглощены нынешними многознаменательными событиями ³.

Преданный Вам И. О.

¹ Имеется в виду статья: *Крымский С. Незвестный поэт* // Семья. 1904. № 6. 8 февр. С. 10—12. Статья представляла собой отклик на издание «Стихов и прозы» Коневского, в ней с большим вниманием и сочувствием расценивались личность и творчество покойного поэта: «...вчитываясь теперь в его то болезненно-лихорадочные, то восторженно ликующие и беззаботно воркующие о мировой, пантеистической жизнерадости стихи, нельзя без горечи безвременной утраты не признаться в том, что в лице погибшего поэта мы потеряли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал — благоуханный талант» (с. 10).

Судя по ряду косвенных признаков, автором статьи был Сергей Георгиевич *Кара-Мурза* (1878—1956), московский журналист (родом из Крыма), сочувствовавший символистам.

² См. п. 24, прим. 1.

³ Подразумевается начало русско-японской войны.

26. БРЮСОВ — ОРЕУСУ

Москва, 25 февраля 1910.

Глубокоуважаемый Иван Иванович!

Я верю, что Вы не забыли пишущего эти строки, потому что, конечно, вспоминаете всегда Вашего незабвенного Ваню, нашего Ивана Коневского. По поводу него обращаю я к Вам и это письмо ¹.

Новое московское издательство «Лад» ² желало бы издать, в дополнение к изданной «Скорпионом» книге «Стихи и проза», небольшой сборник разных сочинений Вашего сына. В этот сборник, по плану, должны были бы войти те статьи из книги «Мечты и думы», которые не перепечатаны в книге «Стихи и проза», а также некоторые наброски и стихотворения, сохранившиеся в рукописи у друзей покойного, у меня, у моей сестры и др. Издательство просило меня обратиться к Вам с вопросом, дадите ли Вы Ваше разрешение на такое издание. Нечего говорить, что своим разрешением Вы очень обрадуете молодое издательство, которому хочется освятить одно из своих первых изданий дорогим ему именем Ив. Коневского ³.

Мне остается добавить, что издательство «Лад» — предприятие чисто литературное, чуждое всяких меркантильных расчетов, и что, в случае Вашего со-

гласия, издательство почтет долгом доставить Вам, раньше напечатания, каждый лист книги на просмотр.

Верьте моему глубокому и неизменному уважению.

Валерий Брюсов.

Москва, Цветной бульвар, д. 24.

¹ Брюсов не знал о кончине И. И. Ореуса, последовавшей 22 мая 1909 г.

² Об этом неосуществленном издательском предприятии см. ниже воспоминания Н. Я. Брюсовой.

³ Нового отдельного издания сочинений Коневского не состоялось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТАТЬИ В. Я. БРЮСОВА О КОНЕВСКОМ

О ОРЕУСЕ

Подготовка текста и комментарий С. И. Гиндина

Мы молоды, но древностью
Веков возвращены ¹.

Именно таков поэт. Мудрое дитя *, вот его лучшее определение. Он начинает жизнь, и наивен и неопытен, как суждено ребенку во все времена, но ведает многое, чего еще недавно не постигали старцы-созерцатели. И удивленными очами смотрит юноша на мир.

Сияющие дни, родные встречи
И днесь, и искони —
Постигну ль тайну ясной вашей речи,
Сияющие дни?..
Откуда мне сие? — я вопрошаю ².

То же ^{2*}, как он говори(т) другому: «Ты миром удивлен, ты миром зачарован» ³, — и как о себе «Я в зрелища вхожу неудержимо» ⁴. Торжество этого настроения, сознание своего положения во вселенной, — это отрывок из «Варяга»:

Но над этой ширию ровной
Примощусь на уступе скалы,
Уцепившись с яростью кровной
За корявые сосен стволы ⁵.

И другое в нем — что наз(ы)ва(ют) «мировоззрение». Это смелое и свободное сочетание всебожия с вопрос(ами?) личного бытия, пантеизма с монадологией. Его обожание природы везде, явно, всем ясно; во имя ее хотел бы он прогн(ать) и любовь: «Так — обнимусь я с женской красотой, Но через миг — с горой или с ручьем» ⁶. Любовь к горам, ветрам, лесу, морю — то же, что у Шелли. Но столь же могуче в нем сознание своего я, *starres ich* ⁷. И торжество этого сознания в его сонете «Сын Солнца» (Сын Солнца — олицетворение слияния с природой):

И потому сын солнца, ты не прав...
Нет, обмороков негу воспрियाв...
Ты не познаешь ввек изнеможенья,
Пребудешь ты ожесточенно-жив ⁸.

И прав Ореус, избрав своим эпиграфом Rossetti:

* Было: Мудрый юноша

^{2*} Было: Именно

Around the vase of life, at your alone pace
He has not crept but turned it with his hands
And all its sides already understands⁹.

ГБЛ. Ф. 386, 3.21 (тетрадь № 41). Л. 9. Этот текст — набросок Брюсова к статье о Коневском, сделанный при жизни поэта, — написан на одном развороте с черновым вариантом его письма к Коневскому от 26 января 1899 г. (см. п. 4) и является развитием этого письма.

¹ Из стих. Коневского «Вечерняя думка» (1898 — МД. С. 173; СП. С. 46).

² Строки 1—4 и 9 из стих. Коневского «По дням» («Спяющие дни, родные встречи...» (1898 — МД. С. 201; СП. С. 50).

³ Начальная строка стих. Коневского, посвященного Ф. А. Лютеру (1898 — МД. С. 172; СП. С. 45).

⁴ Из стих. «К пластику» (1898 — МД. С. 196; СП. С. 53).

⁵ Четвертая строфа стих. «С Коневца» (1898 — МД. С. 57; СП. С. 36).

⁶ Из стих. «Многим в ответ» (1897 — МД. С. 29; СП. С. 29).

⁷ «Непреклонное я» (нем.) — название четвертого сонета из цикла «Сын солнца» (1896 — МД. С. 39; СП. С. 17).

⁸ Первая, седьмая, десятая и одиннадцатая строки заключительного сонета «От солнца к солнцу» из цикла «Сын солнца» (1896 — МД. С. 40; СП. С. 18).

⁹ Он не полз, подобно вам, вокруг вазы жизни, но, взяв в руки, повернул и постиг все грани ее.

ИВАН КОНЕВСКОЙ

(1877—1901)

Подготовка текста и комментарий В. Я. Мордерер

«Вот первая смерть, нами оплакиваемая»¹, — эти слова Пушкина о Дельвиге мы можем применить к И. Коневскому. Среди нас, защитников и проповедников «новой поэзии» в России, он был первым выбывшим из рядов. Он умер еще очень молодым, 23 лет, студентом университета. Все сделанное им в литературе было еще только начинанием, — «предвещаниями», по его собственному выражению. Но мы, знавшие Коневского ближе, верили в его будущее, считая себя вправе многого ждать от него. Среди поэтов, выступивших одновременно или несколько раньше, можно назвать более даровитых, т. е. более одаренных стихийной мощью творчества, но не было ни одного, который обладал бы такою подготовкою к своему делу, относился к нему так сознательно, как Коневской. В свои годы он успел, прочел, продумал всю художественную литературу двух последних столетий б(ольшой) ч(астью) в подлиннике. В области новейшей поэзии — французской, немецкой и английской — Коневской был, вероятно, одним из лучших знатоков в Европе. Много занимался он философией, читал и хорошо знал всех немецких мыслителей от Канта до Ницше. К поэзии, к искусству, Коневской относился как к религии*: творчество было для него не забавой, а делом жизни, строгой и великой работой, которой он сознательно посвятил свою жизнь.

ОРФЕЙ

Бакханки встретили Орфея
На берегу пустынных вод.
Он, замирая и немея,
Следил их медленный черед.

Но, опьяненны и безумны,
Почти до чресл обнажены,
Менады вторглись тенью шумной
В его задумчивые сны.

[Он, головой поникнув, сирый,
Их музыкой был сладко полн,
Он жалобам примолкшей лиры
Предпочитал размерность волн.]

Их тирсы зыблились, как в буре,
Взнеслись, как птицы, голоса,
И, словно пряди вставших фурий,
О груди бились волоса.

* Далее зачеркнуто: у него были строго продуманные и твердые взгляды на величие и святость дела поэта

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О ВАЛЕРИИ БРЮСОВЕ»

Н. Я. БРЮСОВОЙ

Публикация В. Я. Мордере

Коневского-Ореуса «открыл» Бальмонт. Привез в Москву его «Дебри»¹. Но с В(алерием) Я(ковлевичем) Коневской сблизился гораздо больше, чем с Бальмонтом. Коневской стал часто приезжать в Москву, и каждый его приезд был длительным пребыванием у нас. Неловок Ореус был до последней крайности. Иоанна Матвеевна предлагала ему обедать, он отказывался. Иоанна Матвеевна по доброте и гостеприимству настаивала. И Ореус не решался объяснить, что он уже обедал и принимался с усилием, продолжая разговор и разливая суп на студенческий мундир, обедать. Стихи свои он читал по первому предложению В(алерия) Я(ковлевича). Читал всегда выпрепным голосом, с пафосом, точно это стихи не Ивана Коневского, а Ломоносова или Хераскова. Внешней обстановки он как-будто не замечал. Раз, в один его приезд, мы поехали с ним в Сокольники. Возвращались на открытой конке. Мы с Иоанной Матвеевной сидели сзади, он с В(алерием) Я(ковлевичем) впереди. И вот он, не ощущая, видимо, случайных пассажиров рядом, спереди и кругом, с увлечением говорил об истории своего творчества и с пафосом декламировал «Небо, Земля, что за чудные звуки...» и «Я с жаждой ширины, с полнообразья жаждой...»². Когда он долго не приезжал, то присылал свои новые стихи. Коневского В(алерий) Я(ковлевич) ценил очень высоко и ждал от него очень многого. Когда пришла весть о гибели Ореуса, В(алерий) Я(ковлевич) не сразу сказал ее нам. Мы жили тогда на даче в Петровско-Разумовском, поздней осенью. Иоанна Матвеевна была сильно больна, и из-за нее мы не могли переехать в Москву³. Настроение у всех нас было самое грустное. Потом он однажды рассказал: «Очень плохие вести об Ореусе». — «Да, он умер». И потом еще говорил, что как странно было бы, если бы умерла и Иоанна Матвеевна, и они встретились неожиданно в смерти. Рассматривая последние стихи Ореуса, В(алерий) Я(ковлевич) говорил о том, как «печально было существование его в последние годы», «что только самые последние стихи (найденные в записной книжке на берегу реки Аа, где утонул Ореус), «Солнце на вершине мачты»⁴, снова счастливы». «Скорпион» издал посмертную книгу стихов Ореуса. Позднее мы с В(алерием) Я(ковлевичем) много раз собирались напечатать оставшиеся его рукописи (юношеские философские произведения, критические статьи по литературе, немногие, оставшиеся не напечатанными стихи); думали издать их в к(нигоиздательстве) «Лад» (наше с В(алерием) Я(ковлевичем) предполагавшееся издательство, которое так и осталось лишь предполагающим, только одна моя книжка напечатана под знаком этого издательства)⁵, но в конце концов рукописи так и не были напечатаны. У Ореуса не осталось никого из родных. В(алерий) Я(ковлевич) в свое время сносился с его отцом, прося разрешения печатать матерьялы, оставшиеся после смерти Коневского (отец раньше не позволял ему печататься под своей фамилией, считая, что ремесло стихотворца несовместимо с древним именем Ореусов). Но потом умер и отец, и не осталось никого, кто мог бы запретить, или захотел бы напечатать юношеские произведения Ивана Коневского.

Позднее у В(алерия) Я(ковлевича), мне кажется, вовсе не было друзей. Были товарищи по работе, были ученики, но и только. Самыми близкими в эти недавние уже годы, мне думается, были настоящие ученики, студенты ВЛХИ⁶.

Здесь публикуется отрывок из «Воспоминаний о Валерии Брюсове» сестры поэта Н. Я. Брюсовой, посвященных в основном взаимоотношениям Брюсова с А. Добролюбовым и И. Коневским (авторизованная машинопись с правкой, 1926?) — ГБЛ. Ф. 386, 12.47. Л. 8—9.

¹ Об обстоятельствах знакомства Брюсова с Коневским см. вступ. ст. к Переписке с Коневским, прим. 10. Здесь имеется в виду стих. Коневского «Дебри» (МД. С. 81; СП. С. 130).

² Речь идет о стих. Коневского «Воскресение» (МД. С. 13; СП. С. 2) и «Отрывок» (СП. С. 1).

³ После неудачных родов И. М. Брюсова была в очень тяжелом состоянии.

⁴ СП. С. 121.

⁵ См.: Приложение 1, Переписка с И. И. Ореусом, п. 26, прим. 2. Под маркой этого издательства в 1910 г. вышла работа Н. Я. Брюсовой: Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние. В книге анонсируется издание: Ив. Коневской. Reliquiae *. Второй том посмертного собрания сочинений (1894—1901).

⁶ ВЛХИ — Высший Литературно-художественный институт, с конца 1924 г. — им. Валерия Брюсова.

* В книге, очевидно, опечатка: Reliquiae.